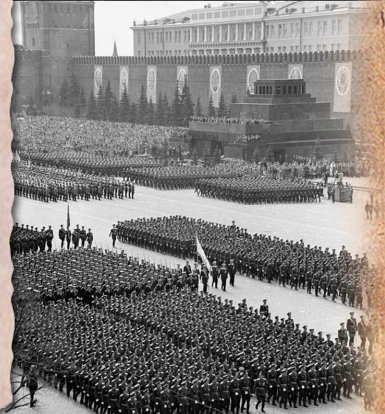

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТЕЙ
ВОЙНЫ - ВЕТЕРАНОВ ТРУДА
ГОРНО-АЛТАЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

МИНУВШИХ ЛЕТ СВЯТАЯ ПАМЯТЬ...

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Горно-Алтайский государственный университет»
(ФГБОУ ВО ГАГУ, Горно-Алтайский государственный университет)

МИНУВШИХ ЛЕТ СВЯТАЯ ПАМЯТЬ

**(сборник воспоминаний детей войны – ветеранов
Горно-Алтайского государственного университета)**

Горно-Алтайск
2016

ББК 63.3(2)622.78
УДК94
М62

Минувших лет святая память: сборник воспоминаний детей войны - ветеранов ГАГУ. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016. – 207 с.

**Составители и редакторы:
И.В. Баскакова, П.В. Матюх, Т.Н. Юрченко,
Ю.В. Табакаев, Л.В. Кыпчакова**

В сборнике собраны воспоминания особенного поколения людей, у которых война украла детство и юность. В военные и послевоенные годы детям очень быстро пришлось стать взрослыми: их воспитали голод и непосильный труд. Посвящается современным детям, которые даже не представляют, что пережили они, дети войны.

ББК 63.3(2)622.78
УДК94
М62

Золотой фонд университета

Кыпчакова Любовь Васильевна
к.и.н., доцент ГАГУ,
председатель Совета ветеранов
(2013 – 2015 гг.)

Уважаемый читатель!

Перед Вами не просто книга, а героическая эпоха в судьбе нашей страны в целом и судьбах людей в отдельности.

Эта книга – сборник ярких и в тоже время трагических, а порою безысходных, горьких, но неповторимых историй, рассказов-воспоминаний, где раскрывается перед Вами всеми гранями своей детской, юношеской, житейской, жизненной, человеческой мудрости, без всякого преувеличения, героическое поколение XX столетия.

Историю нашего университета невозможно представить без судеб его студентов, сотрудников и достойной плеяды преподавателей.

Это они своей энергией жизни, своим трудом сделали всё возможное для становления и развития в своё время педагогического института, а затем Горно-Алтайского государственного университета.

Очень горько и больно за людей, посвятивших и отдавших свои лучшие годы, свою жизнь воспитанию и образованию молодого поколения, но, к великому сожалению, не оценённых по достоинству и по заслугам при жизни. Мы глубоко убеждены в том, что людям и особенно ветеранам важно и нужно выразить благодарность, признательность за их труд при жизни, а не после.

Поэтому Совет Ветеранов ГАГУ (в лице Гоман Г.А., Жерновни-

ковой В.А., Кириленко Н.С., Писановой В.И., Техтиековой Т.А., Чунжековой З.В., Ширшиковой С.Н. и его председателя Кыпчаковой Л.В.) решил побудить ветеранов к написанию своих воспоминаний о трагическом, но и героическом периоде Великой Отечественной войны.

Ветераны ГАГУ, декабрь 2015 г., слева на право: Л.В.Кыпчакова, Г.А.Гоман, В.И.Писанова, В.А.Жерновникова, З.В. Чунжекова

Война стала временем суровых испытаний для всего многонационального советского народа, в том числе и для миллионов детей нашей страны.

70-летний юбилей Великой победы заставляет вновь и вновь не просто обращаться к тем трагическим дням, но пронзительно взывает к сохранению и актуализации исторической памяти о немеркнущем подвиге нашего многонационального народа.

Годы неумолимо уносят участников и ветеранов войны, а с ними уходят бесценные знания и неповторимый созидательный опыт эпохи, но благодарная память о них должна остаться.

Воля к свободе и сильная мера ответственности каждого человека за судьбу многонациональной Родины направила могучую силу миллионов людей к единой цели – разгрому фашизма. Непомерные испытания, тяготы войны легли и на хрупкие детские плечи.

Совет ветеранов ГАГУ решил собрать воспоминания ветеранов, чьё детство совпало с годами великих испытаний.

Истории детства, написанные просто и понятно, непременно найдут отклик в душе любого читателя. Они содержат в себе мудрость не по годам повзрослевших детей, уже тогда имевших достойные настоящего человека ценности и цели. Каждый из них – яркая личность с богатым внутренним миром, сильным характером, наделенная добротой и мужеством, обаянием и справедливостью.

Безусловно, у каждого из нас есть свой взгляд на мир с соответствующими представлениями, принципами, ценностями, социальными установками, жизненной и житейской философией, но при всей разности есть естественное стремление каждого человека к сохранению памяти. Более того, чтобы лучше понять человека, постичь суть его поступков и жизни в целом необходимо обратиться к его памяти.

Целое поколение детей столкнулось лицом к лицу с войной и увидело то, что осталось навечно в сердце. Озарённый детский взгляд, цепкая детская память высекла в суровой реальности то, что вспомнили и написали в своих историях наши ветераны. Одни воспоминания несут вдохновение, другие побуждают к сопереживанию и сочувствию, третьи – заставляют крепко задуматься, но никого не оставляют равнодушными.

Величайшая ценность книги, на наш взгляд, в её непреходящей нравственной и воспитательной роли. Она поможет читателю познать и понять не только поколение детей войны, но и самих себя в дне нынешнем. Мы искренне надеемся, дорогой читатель, что эти истории–воспоминания добавят Вашему сознанию ясности, свежести, цельности, ибо содержание книги представляет собой вечно живую мудрость прежних поколений и эпох.

Без всякого преувеличения, эти истории, рассказы-воспоминания - стук в будущее, пронзительное напоминание о хрупкости и бесценности человеческой жизни не только в годы военного лихолетья, но и в мирное время. Материалы книги свидетельствуют о трудной, сложной, голодной, босоногой жизни детей войны, но в этом – была сама

жизнь!

Искренне хотелось бы поблагодарить авторов за самоотверженный труд по написанию воспоминаний. Вне всякого сомнения, Вы являетесь **Золотым фондом** нашего университета, **национальным достоянием** нашей республики и страны в целом.

Великое всем Вам спасибо!

Мы выражаем большую благодарность и признательность ректору университета **Валерию Геннадьевичу Бабину** за понимание и поддержку ветеранов университета. Также выражаем искреннюю признательность всему Управлению по воспитательной работе и лично к.и.н., доценту **Ирине Владимировне Баскаковой**, за подготовку рукописи к изданию.

От имени всех ветеранов университета выражаем сердечную благодарность Руководителю Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Алтай **Лацкову Владимиру Николаевичу** и главному специалисту **Медведеву Сергею Николаевичу** за бесценную социокультурную поддержку и издание сборника.

Ветераны ГАГУ, март 2016 г., слева на право: Л.В.Кыпчакова, Г.А.Гоман, З.В.Чунжекова, Г.В.Назарова, Н.С.Кириленко, В.А.Жерновникова.

Послевоенное детство

Юрий Васильевич Табакаев
проректор по научной и инно-
вационной деятельности

Послевоенное детство по своей необеспеченности, материальной бедности мало чем отличалось от военного времени. Разрушенное хозяйство за один день и даже за один год не восстановились. Те кто родился в конце войны вместе со взрослыми сполна испытывали тяготы и трудности восстановительного периода. Восстанавливать пришлось все сферы жизни: жилье и производство, семья и образование, человеческие взаимоотношения. Долгие годы войны самым разрушительным образом повлияли не только на материальную сферу жизни людей, но и на их психику, нравственность, наконец, и на эстетические представления.

Детская память эпизодична. Мы помним не всё, какие-то эпизоды. Но эти эпизоды ввиду их эмоциональной наполненности вспоминаются во всех подробностях.

Горно-Алтайск (до 1947 г. Ойрот-Тура) представлял собою скорее не город, а достаточно большое село. И по своей инфраструктуре – отсутствие канализационной сети, водопровода, и по архитектуре – в основном деревянные строения, в большей части частные жилые дома. Чтобы представить трудности того периода лучше начать с характеристики жилья.

При печном отоплении большие строения для жилья в то время не строились даже перед войной. Это были избы 20-25 м² с большой глинобитной или кирпичной печью посередине. Семьи, имевшие такое жильё, чувствовали себя во время войны и ещё долго после неё счастливыми.

В годы войны наш городок принял большое количество эвакуированных из областей Союза, оккупированных фашистами. Так, здесь нашел убежище Московский пединститут им. К. Либкнехта, было много ленинградцев, других учреждений науки и образования. Всех нужно было обеспечить жильём, а возможности ограничены. Как всегда выручала русская смекалка и невероятное умение переносить тяготы. На склонах окружающих городок гор появлялись новые типы жилья – землянки. В склоне горы рылись небольшие котлованы, которые обкладывались жердями и плетнём, перекрывались в 2-3 ряда жердями, которые засыпались землей из того же котлована. Лобовая, неприкрытая землей стена замазывалась глиной. Ставилась дверь. В помещении устанавливалась буржуйка, сооружались нары. Жилье готово.

Так жили многие. Во всяком случае улицы Чапаева, Гоголя, отчасти Пушкинская были заполнены подобными жилищами. Эти землянки просуществовали почти до середины 50-х годов. Конечно, сегодня трудно представить что в таких условиях можно проживать, но так было. И люди в этих условиях не только существовали, а активно трудились, отдавая все свои силы на достижение одной цели народа – победы над фашизмом.

Многие подобные жилища перекрывались даже рубероидом. Так, в марте 1950 года моя мама разбудила меня утром будучи очень радостной и приветливой сообщила что в этот день мой праздник. Я был удивлен, потому что, несмотря на пятилетний возраст, знал, что к празднику готовятся заранее, и он обставлен определенными реквизитами, либо флаги, либо ещё какие-то блестящие предметы, напоминающие, допустим о новом годе. Здесь не было ничего подобного и, конечно же, я задал вопрос: «Что за праздник?». Она ответила: «Твой

день рождения, тебе исполнилось пять лет». При этом угостила меня только что поджаренным драником. Это было очень вкусно. День был солнечный и тёплый. Она меня выпустила на улицу. Я забрался на крышу нашего жилища и так как уже видел в городе некоторые дома покрытые железом, тоже решил собрать железки, какие валялись рядом с нашим жильём и соорудить металлическую крышу. Разумеется, из этого ничего не получилось, не только потому, что не хватало материалов, но и по причине моей жизненной неопытности. Но зато с нашей крыши я скатился, распоров свою ногу, которую мама потом долго лечила.

Для полного понимания того, как жили во время войны и после неё, следует сказать о том, каким транспортом обладало население не только нашего городка, но и всей страны. Вполне понятно, что транспорт с двигателем внутреннего сгорания в основе своей был на фронте. Но также и гужевой транспорт (лошади) тоже были мобилизованы на фронт и, практически в руках жителей лошадей не было. А грузов для перемещения у населения было более чем достаточно. Нужно было подвозить дрова, возить семена на поле и затем урожай домой, да мало ли что нужно было перемещать. И здесь хотелось бы сказать огромное спасибо тем животным, которые вынуждены были выполнять несвойственную для них функцию. Я имею ввиду наших бурёнок. Корова, у кого она была, умудрялась давать молочко, кроме этого выступать в качестве тяглового скота. Её запрягали в телеги, в сани и она безропотно тащила этот груз вместе со своим хозяином. Мне представляется, что этому животному давно уже следует поставить памятник, потому что она выступала и кормильцем, и помощником не только своему собственному хозяину, но также большому количеству тех соседей, которые нуждались в её помощи. Во всяком случае ещё долго после войны, вплоть до 1952 года коровушку использовали двояко.

И во время войны, и после неё почти до середины 50-х страна испытывала большие проблемы с обеспечением населения питанием, продуктами первой необходимости, одеждой, обувью. С одеждой и

обувью население худо-бедно справлялось. Перешивали на несколько рядов те вещи, которые приобретались ещё до войны, младшие донашивали всё что не успели поизорвать старшие. Ну а с ранней весны и до поздней осени ребятам в возрасте до 10 лет можно было походить и в чем мама родила. Важно было прикрыть только гениталии, дабы не нарушать нравственные предписания.

Сложнее было с питанием. То, что производилось в огороде и на пашне как правило после рабочего дня было недостаточным для полноценного питания. На пашне и в огороде производили картофель, кукурузу, другие овощи. Но без хлеба, масел, сахара, муки прожить было невозможно.

Очереди за хлебом. В конце 40-х, да и начале 50-х чтобы приобрести хлеб, нужно было выстоять в очереди, как правило, не один день. В Горно-Алтайске сохранился один из магазинов, где «давали» хлеб. Это магазин «Колосок». Очередь за хлебом занимали накануне. Как правило, выделялась инициативная группа так называемых «следящих» за очередью. Это было 2-3 человека – организаторы. Особенно помнится крепкий старик Щербинин, с живописной бородой, громким бабьим голосом и принципиальным подходом в соблюдении очереди. Занимая очередь, нужно было обязательно получить на ладошке или на другой части руки надпись в виде номера очереди химическим карандашом, который ставил лично Щербинин или одна из его помощниц. Очередь пересчитывалась. Поставив такой штамп, нужно было дожидаться, на какое время будет назначен пересчёт очереди. Так как, особенно летом, всем хозяйкам с утра нужно было возиться с живностью, то пересчёт очереди назначался на время, близкое к рассвету. Пересчитываться нужно было всем, у кого поставлен номер, в том числе и детям. Детям приходилось стоять в этих очередях, так как выдача хлеба в одни руки была лимитирована. Если хочешь получить две булки, надо чтобы стояли два человека, неважно какого возраста. Обязательно пересчёт был и в обеденное время.

Мне помнится, как однажды в жаркое время в очереди, которая тянулась от магазина «Колосок» к месту, где сегодня стоит памятник

Гуркину и далее загибалась к сегодняшнему Эл Банку, одна из женщин, уже пожилых, упала. У неё был приступ эпилепсии. При этом присутствовали взрослые и дети. Это было так страшно. Конечно, этот страх присутствует не только у меня, я его видел в свои пять лет, но и многих других ребятишек, которые как я были в шоковом состоянии от всего увиденного.

Хлеб привозили в так называемых «развозках». Развозка представляла из себя большой деревянный ящик, установленный на телегу, в котором находились поддоны с хлебом. Когда развозка приезжала к магазину, то вся ребятня быстро собиралась вокруг, потому что там вкусно пахло хлебом. И мы втягивали воздух своими носами, как бы наслаждаясь ещё непотребленным продуктом. Тот, кто занял очередь в первой сотне, был счастливым, потому как мог приобрести белый хлеб. Он равнялся деликатесу. Можно было конечно есть и чёрный хлеб, но из-за его вязкости он очень трудно заглатывался.

Хлеб, отстояв очередь, можно было покупать через день, через два. По великим праздникам, Первое мая, 7 ноября, Новый год «давали» муку, сахар, сливочное масло. Очереди организовывались по тому же сценарию. Конечно, часто возникали конфликтные ситуации, споры, шум, крики. Но как бы то ни было, люди прекрасно понимали, что вся страна находилась в таком тяжелейшем состоянии и всегда надеялись на лучшее. Это лучшее постепенно реализовывалось. Сразу после войны была карточная система, затем она постепенно отменялась, оживлялась промышленность, сельское хозяйство, другие отрасли. Мужчины, пришедшие с войны, активно включились в восстановление страны.

О мужчинах, пришедших с войны. Это были победители. Они сломали хребет фашизму, и они были горды этим. Женщины и дети были рады, что их мужья, братья, отцы теперь рядом с ними и непосредственно защищают их, заботятся о них.

Но вместе с тем это были покалеченные и в физическом, и в психологическом плане люди. С того момента, как я помню себя, мне приходилось взаимодействовать в основном с мужчинами, у которых

были всевозможные физические изъяны. Эти изъяны сводились к отсутствию ног, рук, искалеченным головам, отсутствию глаз, челюстей и тому подобное. Мне как ребенку было интересно смотреть на них, и если встречался мужчина без подобных недостатков, то для меня это выглядело не совсем естественно. Казалось, что мужчина естественен тогда, когда у него какой-то недостаток.

Многие из них, заботясь о своих семьях, в то же время пристращались к алкоголю. Так, у нас в соседях жила семья, муж с женой и три пацана, младший – мой одноклассник. У главы семьи ампутирована нога. Весь день он сапожничал в своей избе, в которой они проживали впятером, а к вечеру он отправлялся в столовую №5, находившуюся напротив Старого музея, где набирался «до чёртиков». Соседки сообщали жене, что муж готов, и тогда мы, мальчишки, запрягались в тележку и от десятого магазина мчались к пятой столовой с этой тележкой. Загружали его вместе с костылями и везли домой, и всё это в виде игры и веселья. Хотя только по прошествии лет понимаешь, как трудно и безрадостно всё это было. Победитель сломлен был психологически, потому что испытал в своей жизни все ужасы войны и был просто не в силах от них отвлечься без помощи рюмки. Таких было много. И тем не менее, большую часть времени они отводили своим детям, своим семьям, потому что понимали, что жить одними воспоминаниями о войне невозможно, нужно было думать о будущем. И они не только думали, но и делали это будущее из своих детей.

Ужасы, пережитые нашими родителями во время войны, сопровождали их всю оставшуюся жизнь. Так, я часто вспоминаю, как в начале 60-х годов моя мать, а она тоже прошла фронт с 1942 по конец 1944 г., разбудила нас всех ночью своим криком. Мы перепугались, кинулись к ней, думали, что-то с ней неладное. Оказалось, она увидела сон. Она рассказала, что находясь во время войны уже на территории западной Украины, бандеровцы «сняли» постового из их подразделения связи. Постовой была тоже девушка, служившая в этом подразделении. Бандеровцы её пытали. Она была изнасилована, затем привязана к дереву, груди были отрезаны, на лбу вырезана звезда.

Когда её нашли, она ещё была жива и сообщила нашедшим, что она не выдержала пыток и всё, что от неё требовали, была вынуждена рассказать. Конечно, её к героям не отнесли, но уже за её активное участие в этой войне её можно отнести к лику святых. Матери во сне показалось, что на месте этой девушки была она. Подобные сны снились не только моей матери, но всем тем, кто на фронтах войны ковал победу нашей страны.

После победы все они не отдыхали, а по-чёрному вкалывали, особенно первые годы, не соблюдая никаких восьмичасовых рабочих дней и шестидневных рабочих недель. Их работа продолжалась и днём, и ночью. Этот их пример стал основой для отношения к работе нашего поколения.

*И памятью той, вероятно,
Душа моя будет больна.
Покамест бедой невозвратной
Не станет для мира война*

А.Твардовский

Война. И Победа!

Ашихмина Лия Павловна, Ветеран труда

В 1955 г. поступила на филологический факультет ГАГПИ. По окончании вуза с 1961 по 1963 гг. работала в областном комитете ВЛКСМ, затем - учителем истории, русского языка и литературы в Каракокшинской средней школе Чойского района (до 1971), в школе №5 г. Норильска Красноярского края (до 1976 г.). С 1977 г. по 1999 г. – преподаватель кафедры истории ГАГПИ. Лия Павловна вела занятия по курсам: «Новая и новейшая история стран Европы и Америки», «Историография новой и новейшей истории», «Источниковедение», «Региональная история».

Что бы мы сейчас ни говорили, что бы ни писали – никакие слова не передадут то, что было пережито в эти страшные годы. Это просто нужно было пережить, чтобы понять.

Если вы поедете от Маймы в сторону Бийска, обратите внимание на галерею портретов Героев Советского Союза, но не только на фамилии, а на годы жизни. Из жизни их унесла война в возрасте от 20 до 30 лет. Почти всех. Вот что такое война. Когда она началась, мне не было трех лет. Поэтому мои воспоминания детские, эпизодиче-

ские. Помню, что отец при расставании говорил, что уезжает надолго и привезет много-много цветочков. И «собирал» он цветочки более 4 лет. Когда он вернулся в сентябре 1945, я уже ходила в первый класс. А сколько отцов не вернулось с полей войны!

Безотцовщина. Это слово имело много оттенков значения.

Моя мама работала во время войны на почте в Ынырге Чойского района, начальником отделения связи. Начальником можно назвать лишь условно, т.к. подчиненных не было: ни телефонистки, ни уборщицы – никого. Один во всех лицах. Поэтому я рано познакомилась с коммутатором, сортировкой и т.д. На почте был один-единственный на все село репродуктор – знакомая людям старшего поколения черная тарелка. В одиннадцать часов утра передавали новости с фронта: «В последний час». Как сейчас помню голос Левитана. Обычно к этому времени на почте было полно народу, сколько могло поместиться. Стояла такая тишина, что даже дыхания не было слышно. Впервые годы войны сообщения были тревожные: «В результате тяжелых кровопролитных боев наши войны оставили...». Далее шло перечисление населенных пунктов. Другими были сообщения, когда началось наступление наших войск. Слышимость иногда была плохая. Тогда в мою задачу входило сесть под самую тарелку, прослушать, запомнить и пересказать сообщение.

После капитуляции Германии все ждали, когда уже будет объявлена Победа. 9 мая был теплый солнечный день. Люди все время заходили и спрашивали, объявили или нет День Победы. Что же не объявляют? Почему? Что случилось? Меня, как всегда, мама посадила слушать, будут или нет говорить о Победе. Как на грех была плохая слышимость. Председатель сельсовета дал маме наказ - вывесить на створку окна красный головной платок (хорошо, что такой нашелся), когда объявят День Победы.

Наконец, Победа была объявлена. Собрался народ. Трудно описать состояние людей: и радость, и слезы, причитания. Все вырвалось наружу, все, что накопилось за все годы горя и страданий.

Дети войны. Этим сказано все и ничего. Мы не знали, что есть умные дяди и тети, которые пишут и печатают для детей книжки. Мы и книжки-то не видели. Не знали, что кто-то делает для детей игрушки. Если бы нам сказали об этом, мы бы не поверили, потому что такого и в мыслях у нас не было. Нашими игрушками были осколки битой посуды, которые находили на огороде или еще где, глина, песок, камушки. Тетради и карандаши мы увидели и взяли в руки, когда пришли в школу – 1-го сентября 1945 года (первое полугодие мы писали карандашами). Нас в 1945 году в первый класс пришло очень много, т.к. пришли не только семилетки, но и те, кто не учился в годы войны. Карандашей нам не хватало, их разрезали пополам. Тетради и карандаши нам выдавали только на уроки, а потом собирали.

На домашние тетради шли газеты, плакаты, книги (у кого они дома были).

Современной молодежи это покажется смешным. Помню, у меня была тетрадь, сшитая из плаката по свиноводству. Плакат имеет хорошую особенность – одна сторона у него жесткая.

Большинство нас ходили в школу босиком, обуви не было совсем. И многие ходили в школу до заморозков. Помню одного одноклассника, который закончил первый класс только с третьего раза, а два года ходил в школу босиком, только до морозов.

Во что мы были одеты? В то, что еще было дома после войны, часто со взрослого плеча. Из тех, кто пришел в сентябре 1945 в первый класс (это где-то 50 детей), 10 классов в 1955 году закончили лишь трое. Вот что такое дети войны. Где остальные? Кто-то ушел из жизни, кто постарше – ушли работать. Кому-то не в чем было ходить в школу. Причин много. И у каждого своя судьба.

Как жили в годы войны? Верой в Победу. В памяти осталось то, что не забудешь до конца дней.

Недалеко от почты был хозяйственный двор местного сельпо. Было это в 1942 году. Где-то в июне там было очень шумно, раздавались крики, плач. Потом в галоп выехал на резвом коньке (звали его Копчик) не то секретарь райкома, не то председатель райисполкома

(фамилию помню, называть не буду, живы его потомки) и проскакал через село. Женщины быстро побежали по домам – садить огороды. Когда я была довольно взрослой, спросила маму, что это было. Дело в том, что в 1941 году по чьему-то свыше повелению у неколхозников по окнам обрезали огороды и не разрешали засаживать. А тут война. Отцы ушли на фронт, оставив дома детей. Зима 1941-42гг. была для многих несытой. Когда пришла весна 1942 года, женщины взяли в окружение этого представителя власти с отчаянными криками: «Разрешите садить огороды!». Что он мог сказать этим женщинам, у которых дома куча голодных детей? Он крикнул: «Я ничего не знаю!». Сразу женщины не поняли. Он повторил: «Я ничего не знаю!». Другого он сказать не мог. Я как-то рассказала об этом одному уважаемому писателю (он родился уже после войны). Человеческую трагедию он превратил в фарс и написал что-то вроде юмористической байки. Обидно, если наше воспоминание будут выставлять на посмешище. Смешно ли было видеть нашим матерям, как от голода опухают и умирают их дети? Дети, которые голые день сидят на русской печке, а ночь спят в этой печке в теплой еще золе? Это не единственный случай.

Ждали весну, дожить бы, а там колба, слизун, пучка и прочая съедобная более или менее трава: лебеда, мокрица, медунка, кандык, саранка, лишь бы не отравиться. Оказывается, зерно, прозимовавшее под снегом, – смертельный яд. Поэтому повсюду висели плакаты, изображающие на фоне колосков череп со скрещенными костями.

Недалеко от Ынырги течет река Каракокша. По ней весной сплавляли лес. Во время большой воды лес разносило по берегам, и нужно было докатить его вручную до воды. Это делали женщины и подростки. Когда сплав шел, с раннего утра с перерывом на обед и до вечера, доносилось до села «раз-два взяли, еще взяли». Река горная, холодная. С утра до вечера в ледяной воде. Нужно было скатать лес, пока река не обмелела. Сплавщикам давали хлебный паек. Их пекарня была около нашего дома. Когда я чувствую запах горячего хлеба, всегда вспоминаю, как мои сродные сестры и я сидели в борозде, а

наши матери окучивали картошку. Из пекарни так пахло горячим хлебом, нам так хотелось есть, что мы ревели от голода. Что могли сделать наши матери, слыша наш голодный рев? Они, сами голодные, выломали по пруту и со слезами выгнали нас из огорода.

О том, что люди пережили в годы войны, можно рассказывать очень много, без конца. Однажды у нас за огородом сидел незнакомый человек, мужчина, и страшно ругал какую-то не то Таньку, не то еще кого. В деревне же мужчин не было. Мне как-то стало не по себе. Иду домой. И тут заходит этот самый человек и маячит, что он немой и просит поесть. Но худым он не выглядел. Мне кажется, до сих пор я помню его лицо. Дома был мой дедушка. Я беру деда за руку и рассказываю, что этот дяденька сидел за огородом и говорил то-то и то-то, то есть я все повторяла, что слышала. Дед был старый солдат, и реакция его была соответственной. Мне был дан наказ никогда и нигде не говорить больше этих слов. Наказ деда действует до сих пор. Этот человек, оказывается, был дезертиром. И такое было. Мне часто приходилось бывать у мамы на почте и как бы видеть жизнь деревни. Как ждали весточку с фронта, как радовались, горевали. Ко времени, когда привозили почту из Чои, на почте уже было много народу. Все письма с фронта приходили со штампом (овальный такой) «Проверено военной цензурой». И часто за приветами и поклонами всем родным, соседям и т.д. все остальное было вымарано синими чернилами до последних строк: остаюсь жив и здоров, чего и вам желаю, ваш сын, муж, брат и т.д. Но самое главное, что этот солдатский треугольник, написанный где-то в перерыве между боями на камне или на спине товарища корявыми буквами, извещал, что дорогой им человек жив, по крайней мере, был жив, пока писал эту весточку с фронта. Но письмо медлительнее пули. Да и письма различались: п/п – полевая почта, т.е. с фронта; в/ч – воинская часть, значит из госпиталя, пополнения и т.д. Страшнее всего было вручать и получать прямоугольные конверты из коричневатой-серой бумаги – похоронки. Уже известный текст: «(Обращение), ваш муж, сын и т.д. пал смертью храбрых в боях за Советскую Родину. Число. Похоронен там-то

(если похоронен)». Невыносимо тяжело было видеть людей, получивших такие страшные известия. Оставались сиротами дети – безотцовщина, оставались солдатские вдовы – солдатки.

Многие люди старшего поколения не умели читать и писать и просили маму прочесть письмо и написать ответ, что мама всегда делала. Ведь в деревне все знали друг друга. А получить весточку с фронта или на фронте получить письмо из дома, что все живы и здоровы – это тоже радость. Хотя, конечно, на фронт не писалось обо всех бедах и невзгодах (пусть ему там будет легче, спокойнее).

Возвращение солдата – событие для всего села. Это были комиссованные по ранению, признанные непригодными для дальнейшего прохождения воинской службы, как писалось в документах.

Израненные, изувеченные, много раз смотревшие смерти в глаза, но живые. Это главное! Фронттовики! Это слово было овеяно каким-то ореолом мужественности, героизма и вызывало уважение. Фронттовики на выцветших гимнастерках с гордостью носили боевые награды – символ мужества и героизма. Они не требовали почестей, привилегий, но люди относились к ним с уважением. Но однажды последовал окрик сверху: «хватит брякать медалями!». Фронттовики сняли свои боевые награды, а многие и потеряли их. Поникли их головы, потух блеск в глазах. Слово «фронттовик» вышло из употребления, пока не появилась песня «Фронттовики, наденьте ордена!». Теперь их уже называют «Участники войны», фронттовиков остается с каждым годом все меньше, а вместе с ними уходит живая память.

Вернувшись с войны, фронттовики вживались в мирную жизнь. Руки их годами держали винтовку или автомат. Нужно было привыкать к мирной жизни. Вернувшись с войны, они увидели своих подросших детей, выросших без отцовской ласки, постаревших родителей. Главное – их ждали! Когда из Чои звонили, что такой-то идет домой, встретить шли не только родные, но и все соседи, знакомые – в общем, полдеревни. А от Чои до Ынырги, как считали, 35-40 километров. Рассказов было не переслушать. Не все сразу отходили от той, военной жизни. Муж моей тети служил в полевой разведке. Так

он несколько лет после войны, иногда во сне, «брал языка». Попадал под руку тот, кто был рядом. Память. Война напоминала о себе.

Во время войны у нас в соседях семья попала в беду: отец погиб, мать умерла, старший брат на фронте. Осталось трое детей. Жили только при поддержке соседей (фамилию не называю, живы их потомки). Кто покормит, кто напоит молоком. Поделится последним. Младший из них через несколько лет после войны приезжал в Ыныргу, чтобы поблагодарить соседей, что не дали умереть и уговорили не воровать: «Ты только не воруй!». Он окончил школу, затем военное училище.

Кто перечитывает фронтовые письма, может обратить внимание на то, что во многих из них написана песня «Землянка». Притом каждый настойчиво уверял, что именно в их части она написана. Песня стала любимой в годы войны. И горе, и радость люди изживали в песнях: «Землянка», «Огонек», «Катюша» и др.

Такая же история и у стихотворения «Жди меня» К.Симонова. Оно тоже пришло в письмах с фронта. Не знали автора, историю стихотворения. Но и в песнях и в этом «Жди меня» было самое сокровенное: любовь, вера, надежда. Нужно отметить, что песни военных лет были популярны и долгое время после войны. Они стали забываться по мере того, как все меньше и меньше оставалось фронтовиков. Ведь они были любимыми для них, помогали им выжить в пекле войны.

Даже в самые трудные для страны годы войны люди верили в победу. «Все для фронта! Все для победы!»: вязали носки, рукавицы, шарфы для солдат, даже шили и вышивали кисеты для махорки. Вышивали: «Самому смелому, смекалистому и т.д.». В носки, кисеты вкладывали записки с наилучшими пожеланиями. «В фонд обороны» собирали денежные средства. Даже из замороженной картошки научились делать хрустящие сухари, что-то вроде чипсов, и отправляли на фронт.

Общее горе, невероятные тяготы войны сблизили людей. Они стали добрее, отзывчивее, честнее. Замков как таковых люди не на-

вешивали. Дверь закрыта и все: значит, никого нет дома. Уже никто не зайдет. Самыми оскорбительными, унижительными, обидными словами были «гитлер» и «фашист».

70 лет прошло после войны. Уже состарились те, кто родился в 1945. Пусть наши дети, внуки и все, кто будет после них, никогда не узнают воочию, что такое война. Пусть станет девизом: «Мир на все времена».

Военное детство

**Васильева Майя Захаровна,
кандидат педагогических наук, доцент,
Ветеран труда**

В 1953-1957 гг. – училась в ГАГПИ на биологическом факультете. В 1963г. была избрана на должность ассистента кафедры ботаники ГАГПИ. В 1971 г. поступила в очную аспирантуру при кафедре методики естествознания Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. В 1975 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. В 1979 г. стала заведовать кафедрой общей биологии, а затем анатомии, физиологии человека и животных. В 1968г. Майя Захаровна была избрана на должность декана биолого-химического факультета. С 1991г. доцент кафедры ботаники и фитофизиологии

Я появилась на свет в довоенные годы в Кош-Агачском районе (аймаке) Ойротской автономной области, ныне Республики Алтай.

Мои родители: отец – Актёлов Захар Михайлович, директор семилетней школы, мать – Панова Мария Матвеевна, учительница начальных классов.

Начала понимать окружающее и помнить об этом с 3 лет. Летом 1939 г. отца перевели на работу в Эликманар. Он трудился в аймоно (Прим. ред.: так в то время назывались районные отделы народного образования) – инспектором по школам.

Семья тогда состояла из 6 человек - отца, мамы, старшего брата

Юрия, младшего брат Валерия, меня и бабы Вари. Баба Варя - мамина мать, Варвара Гордеевна. Вся ее дальнейшая жизнь была связана с нашей семьей.

Мы жили в небольшом домике, на улице Алтайской, что тянулась от моста через Эликманарку, вверх по течению этой речки. Домик состоял из кухни и одной комнаты, а жильцов было много. Но все были довольны. Дом стоял у дороги и выходил усадьбой к самой горе. Каждый день, мы, дети после сна первым делом бежали на гору.

В селе работал детский сад, я его посещала несколько лет. Когда родители уходили на работу, уводили меня в детсад, который находился рядом со школой и недалеко от работы отца. Забирал меня домой чаще всего отец, иногда мама. Случалось, что домой шла одна. Было очень страшно, на улице темно, людей не видно. Очень часто болела простудными заболеваниями, кашель, насморк, першение в горле, хрипы в легких. На лечение ходила одна из детсада в больницу.

В 1940 г. началась финская война. Отца взяли в армию. Из Эликманара были призваны многие мужчины, в том числе и учителя. Пока новобранцы добирались до нужного пункта назначения, война закончилась. Отец вернулся домой.

Весной 1941 г. отца снова перевели в Кош-Агач. Он уехал на работу, мама ехать туда отказалась.

Вскоре началась война. Я отчетливо помню первый день этого страшного времени.

Было воскресенье, всей семьей ходили в баню (коммунальную), она находилась далеко от нашего дома. После бани отдыхали, пили чай. Вдруг в 16 часов начало говорить радио. Обычно трансляция передач начиналась часом позднее. Все домашние встревожились. Говорил Молотов В.М. о том, что немецкие войска перешли государственную границу, бомбят города: Минск, Киев. Наши войска ведут бои.

Как-то днем мама пошла в лес и взяла меня с собой. Это рядом с домом, недалеко. На горе с северной стороны лес густой, трава высокая. Я еле пробиралась, собирали первую ягоду – землянику. Вдруг, слышим, кричит кто-то: «Мария! Мария!». Это бабушка нас искала, бежала и размахивала бумажкой. Мама побежала навстречу, за руку держала меня. Мы исцарапались о ветки деревьев, мне в рот набилась паутина. Оказывается, принесли телеграмму от отца. Он сообщил, что скоро приедет в Эликманар, его призывают в армию.

Вскоре отец приехал, его мобилизовали на фронт. Утром он ушел в военкомат, меня отвел в детсад. До обеда, часов в 11-12 дня, за мной пришла мама. Она забрала меня и сказала, что пойдём провожать папку. На улице возле школы, здания милиции стояли подводы с лошадьми. На них сидели мужчины. С одной из телег соскочил отец и подбежал к нам. Мне он дал несколько булочек, расцеловал меня и маму и вернулся на свое место. Все подводы тронулись, повезли эликманарских солдат в Ойрот-Туру. Женщины плакали, детибежали, мужчины махали на прощанье руками.

Из Ойрот-Туры отец попал в Бийск, где в полевых условиях шла подготовка новобранцев к фронтовым действиям. Мама с другими женщинами ездили в часть, где были солдаты. После отец учился в Новосибирске. Он нам рассказывал об этом периоде своей жизни. Затем служил писарем в штабе полка. У него был отменный почерк.

Далее воинскую часть отправили под Москву, видимо, в то время, когда намечалось контрнаступление, битва за столицу Родины. Воинские составы с пополнением стояли на железнодорожных путях в пригороде, в самой Москве отцу тогда быть не пришлось.

С первых дней войны жизнь в селе резко изменилась. Возле клуба, почты, школы, больницы, торговой базы женщины рыли ямы под бомбоубежища. Стекла всех домов оклеили бумажными полосками в виде буквы «х». Начались перебои с хлебом и другими продуктами. Бабушка часто ходила в магазин и стояла в очередях. Однажды она взяла меня с собой. Мы стояли у магазина, который находился у моста. Продавали пряники и еще что-то. Меня кто-то из учителей угостил пряником, но я отказалась. А позднее всю войну жалела, что не взяла тогда предложенное мне лакомство.

У нас была своя корова, но в лето 1941 г. не заготовили сено, и ее пришлось забить. Мы остались без кормилицы. Огород у дома был очень унавожен, картофель вырос крупным, но водянистым. Хлеб в магазине не продавали, мы все сильно похудели. О молоке даже не думали.

В военные годы по ночам часто проводился милицейский обход домов. Вдруг часа в 2-3 ночи раздается стук в дверь, входят милиционеры и проверяют документы. Я думаю, они искали дезертиров, сбежавших из армии, и тюремщиков (прим. бежавшие из тюрьмы заключенные).

Вторая половина 1941 года оказалась для семьи очень тяжелой. Картофеля накопили немного. Его мало посадили весной. До войны картофель не был в большом ходу, его мало ели. Молока не было, хлеба тоже, случались перебои с солью. Поэтому солонины тоже не заготовили, соленых огурцов, помидор и капусты. Маме пришлось очень туго. Но в таком положении оказались многие семьи Эликмана и других окрестных сел.

В селе Чемал функционировало большое подсобное хозяйство курорта. Много гектаров земли засеяли сахарной свеклой, картофелем. В первые месяцы войны забрали почти всех мужчин, рабочих

рук не оказалось. Поля остались бесхозными. Урожай никто не собирал. Это спасло много людей района. С наступлением холодов жители Чемала, Эликманара, Аюлы, Аноса ходили на картофельные и свекловичные поля, рубили топорами стылую землю и собирали мерзлые картофель и свеклу. Ходила «на охоту» и наша бабушка. Однако поход не всегда был удачным. Когда бабушка приносила свеклу и картофель, их размораживали и пускали в дело. Обычно, свеклу нарезают ломтиками и сушили в русской печи на противнях. Получались – конфеты и урюк. Картошку терли на терке, из месива делали оладьи. Пекли их на плите без сковороды. Масло или другого жира не было. Кругом одна постнота.

Вокруг нас жили разные семьи. Мужья всех женщин сражались на фронтах войны. Остались женщины, старухи, дети. Стариков не помню, их видимо, не было. Запомнились мне соседи Кискины, Огрызковы, Параевы, Помыкаловы, Кречетовы, Винокуровы, Бельские. Матери работали на производстве и учреждениях. У всех росли дети. У Кискиных парни учились в 4 - 5 классах. Помогали в школе заготавливать дрова, дома матери - вести хозяйство.

Огрызковы имели троих детей, два мальчика и девочку, рожденную в 1941 году. Хулиганил средний брат Юрка. Бабушка его ругала, наказывала, но он вел свое дело, не слушал ее. Однажды Юрка поджог лес. Соседи бегали, помогали тушить пожар. После очередной порки Юрка кричал бабке: «Бей, хоть убей, толку не будет!». Бабушку звали Афанасьевна, села и заплакала от безысходности. Афанасьевна была уже старая, на лице появились седые волосы на подбородке и над верхней губой. Я это увидела и пришла к выводу, что бабушка Огрызковых постепенно превращается в дедушку. И сделала заключение, что будет очень плохо Юрке, когда вдруг вместо бабы Афанасьевны появится старый злой дед. Свое открытие я рассказала маме, она не смеялась, а объяснила, что этого не случится, а Юрке не следует хулиганить, тогда бабушка не станет его журить.

У тети Тони Параевой на иждивении осталось четверо детей, два сына и две дочери. Они помогали матери и слушали ее, старались не огорчать дурными выходками.

В семье Кречетовых накануне войны родился мальчик. Отец ребенка воевал на фронте, мать работала. Сына оставляла по соседям. Часто бывал у нас, нянчилась с ним баба Варя.

Помыкаловы жили очень трудно материально, хотя взрослые дочери работали. В семье росла маленькая девочка Галя. Она была под присмотром бабушки.

Винокуровы пестовали одного ребенка, его звали Евгением. Он слыл маменькиным сынком. Мальчишки дразнили его и не дружили с ним. Опекала его бабушка. Следила за каждым шагом внука.

Бельские жили рядом, их огород и наш разделялся тыном, ограда из прутьев. В семье жили дед, бабушка и взрослая дочь, работала с нашей мамой в школе учительницей. Во время войны Евдокия Кирилловна удочерила двухлетнюю девочку, оставшуюся после смерти матери. По просьбе новой мамы девочки, я часто приходила к Бельским домой и играла с ребенком. Условия жизни девочке создали прекрасные. В 1946 году Лариса умерла, ее не могли спасти, организм девочки не справился с болезнью. Сказалась долгая голодовка в период эвакуации. Все семьи, кроме Огрызковых, Винокуровых, Бельских жили материально очень плохо. Не было одежды, обуви, нормального питания.

Тогда установился такой порядок, чего нет дома – иди к соседям. К нам приходили за сечкой и корытцем (рубить мясо, капусту), ступкой и пестиком (толочь соль, кукурузу), известью. Мы ходили в соседи за углями, кистью для побелки, тяпкой и другими необходимыми в быту предметами обихода. Спичек часто не было. Поэтому утром первым делом смотришь, у кого топится печь, туда и бежишь за углями. Никто не отказывал в просьбе.

Весной 1942 года началась голодовка. Все годы, пока шла война, бабушка постоянно вселяла в нас надежду. Она мечтала и это говорила нам вслух: «Вот кончится война, настанет мирное время. На стол

поставим горячий самовар, полную тарелку хлеба и сядем всей семьей пить чай». Дома часто не было никакой еды. Меня по предложению врача положили в больницу. Диагноз – малокровие. Я вернулась домой. Ушел на стационар Валерий, младший брат. Бабушка ходила по селам и выменивала мамину и отцову одежду на продукты. Родители отца забрали к себе Юрия, старшего брата, увезли в село Апшухту.

Плохо обстояло дело с электрическими лампочками. Они перегорали, а новых лампочек достать негде. До войны и во время войны у нас в доме всегда был электрический свет. Это помогло многим эликманарцам сохранить зрение. Но оставалась проблема – лампочки. Появились в селе спекулянты. Они приезжали из Бийска, везли соль, лампочки, швейные иголки. Продавали все по баснословным ценам. Люди покупали, другого варианта для приобретения товаров не придумали.

Мы, дети, росли, а обуви и одежды на нас не шили и не продавали. Из всего выросли. Весной, чуть становилось теплее, так вся детвора начинала бегать по улицам и в школу босиком, летом и осенью до заморозков. В семье одна пара обуви предназначалась на двоих. Мама в Бийске купила туфельки. Один день их носила я, другой день – Валерий. Одежду взрослых, что можно было, перешивали на нас. Мне к празднику 7 ноября сшили новое платье из старой матросовки.

Однажды летом нашу группу детсада воспитательница водила на прогулку в лес. Когда вернулись на место, то оказалось, что один мальчик потерял с ноги ботинок. На ноги поставили все группы детей и всех работников детсада. Нас увели в лес искать обувку. Взрослые говорили нам, малышам, что, если кто найдет ботинок, то получит подарок. Прочесали весь лес, дорогу туда и обратно, все поляны. Нашла ботиночек воспитательница. Она и мы, дети, рады были несказанно и находке и тому, что закончится суматоха, но и огорчились, так как подарок от нас ушел. Кормили в детском саду плохо. Вместо трехразового питания на деле остался завтрак и обед. Однако дети все посещали свои группы. Часто болели. Особенно от простуды.

Ранней весной, в марте 1942 года, нашу группу воспитательница повела на Катунь. Лед еще стоял по заберегам, середина реки была свободна от оков и вольно катила свои холодные, чистые воды. Со стороны с. Аюла (противоположный берег) пришла к реке женщина. Долго ходила у полой воды. На ней был красный платок, черная стеганка, юбка, брюки, валенки. В то время большинство женщин одевались так. Чулок не производили и не продавали в магазине. Вместо них женщины носили брюки. Потом она сняла с себя верхнюю одежду, обувь, платок. Все свернула и положила стопкой друг на друга. Постояла немного и вдруг кинулась в воду. Я это видела, видели и другие дети. Мы все пронзительно закричали. Женщина в воде тоже кричала и махала рукой. Как позднее рассказывала мама, утонула девушка-счетовод из колхоза. У нее обнаружили растрату, она не перенесла горе и решила утопиться.

Зимой 1942 года стояли трескучие морозы. Взрослые говорили о войне, называли города - Сталинград, Ленинград, Воронеж. По радио постоянно слушали сводки с фронта. В детсаду во время передач мы сидели у репродуктора и тоже слушали вести. При этом все кашляли, но старались сдерживать кашель, это не удавалось, приступы кашля мучили нас, и в тоже время со всех сторон раздавалось: «Тихо! Тихо!»

В Эликманаре появилось много новых людей. Это были приезжие. Они эвакуировались из Ленинграда, Сталинграда, Львова, Киева. Люди приезжали, изможденные дорогой и голодом. Местные жители помогали им всем, чем могли. Приносили тыкву, свеклу, морковь, картофель.

По соседству с нашим домом поселилась семья – женщина и четверо детей, эвакуированные из Сталинграда. Мать работала в промартели. Там работницы шили какие-то вещи, вили веревки и изготавливали еще какие-то изделия. Женщин часто перевозили за Катунь на лодке драть коноплю. Ее в Эликманаре всегда было полным полно, целые заросли. Оказывается, из стеблей этого вида растений получали при переработке волокно, из которого и вили веревки. Дело было осенью. В очередной раз работниц отправили за Катунь. Лодка на се-

редине реки перевернулась. Многие утонули, выплыло несколько человек.

Среди утонувших людей была наша соседка. Остались дети 16, 14, 6 и 3 лет. Старшие начали работать на производстве. Мальчик 6 лет ходил в детский сад. Наша бабушка часто зазывала его к себе, подкармливала, чем могла и утешала. Так же поступали и другие соседи. Прошло немного времени, и старшие дети обварили маленького мальчика. Дело было так, малышу стелили постель у печки, видимо там было теплее. Утром старший брат сварил картошку, снял чугунок с плиты и пошел сливать воду, но запнулся о ребенка. Кипяток попал малышу в ухо. Он вскоре умер. Эти события - смерть матери и ребенка потрясли все село. Вскоре троих детей сдали в детский дом. О дальнейшей судьбе их не помню. В памяти осталось только то, что с фронта приезжал их отец, он был убит горем.

Весной 1942 года учителям отвели земельные участки под картофель по пять соток. Этот надел был расположен на горе, земля колхоза «Герой труда». Картофель в том году не уродился. Видимо, посадили плохие семена. А какие еще могли высадить? Других не было, все поедали. В лунки сажали очистки, ростки. Обработывалась земля плохо. У женщин не было сил от тяжелой работы и недоедания.

Нас в это время от голода спасали растения. Мы, дети бегали по полям и лесу и ели все растения, которые можно было есть: примулу, хвою лиственницы, молодые побеги сосны, молодило, вшивик (дикий лук). Позднее собирали траву гречишника, медуницу, солодку. На горах находили ягоды: землянику, клубнику, костянику, цветочки маральника и др.

Летом случилось несчастье с нашим дедушкой по отцу. Родители моего отца жили в деревне Апшуяхта Шебалинского района, с ними обитал мой старший брат – Юрий. Дедушка работал председателем колхоза. В обед он приехал домой, сел к столу, что стоял у окна, начал есть. В этот момент в него выстрелил кто-то из ружья.

Этим человеком оказался дезертир. Их тогда было довольно много, и они часто нападали на деревни. Но, как в случае с дедом, чтобы

стрелять днем, еще не было. Пуля попала в легкое, ранение оказалось тяжелым. Привезли его в Эликманарскую больницу. Врач Евдокия Дмитриевна Бородина поставила дедушку на ноги. Пока дед лечился, мы каждый день бегали к нему в больницу. Как-то он попросил меня принести ему цветов. Я обежала гору, собрала букет из красивых, как мне тогда казалось, цветов и принесла их в больницу. Но оказалось – это не то. Бате, так мы дети звали деда, нужны были простые цветочки змееголовника. Это медонос с приятным запахом.

Наша бабушка несколько раз ездила в Ойрот-Туру на базар продавать вещи (мамины платья, отрезы тканей). Собирали средства на корову. Еще скопили деньги, что присылал отец по аттестату. И вот бабушка с деньгами пешком пошла в Апшухту к родителям нашего отца. Там купили корову, привели ее к Катуню и на лодке переправили на другой берег. Корове спутали ноги и завалили ее в лодку. На середине реки она начала биться, почти опрокинула лодку, но лодочник сумел избежать беды. Все обошлось, корову привели домой. Радости нашей не было конца. Корову приобрели молодую, красной масти, белолобую с рогами ухватом. Отдали ее в стадо. Очень переживали, что да как будет, но все обошлось. Наша Дочка (так называли корову) в первый же день сама пришла домой. Я потом ее каждый день ходила встречать за деревню. Наша корова имела независимый нрав, в стаде опережала всех коров и скоро стала вожаком.

Нежданно в 1942 году получили письмо от второго нашего дедушки, маминого отца – Панова Матвея Викуловича. Он сообщил, что служит в обозе, болеет, просил выслать посылку. С того дня стала понимать, что у меня есть еще один дедушка. Хотя баба часто говорила нам о батьке Панове, но эти разговоры проходили мимо ушей. Батька Панов не складывался в моем сознании, как реальный человек. Посылку, думаю, мама собрала и послала. После этого никаких вестей от деда не было. По прошествии времени получили извещение о его смерти. Но мама и баба в это не верили и постоянно его ждали с фронта, даже многие годы после войны.

Примерно, в конце зимы баба пешком пошла в Шебалино, где в то время жили родители отца, и привела оттуда старшего брата Юрия. 1 сентября он пошел в 1 класс. Летом готовили сено для коровы. Главную работу на себя взяла баба. На зиму готовили дрова и сено. Жизнь была очень трудной.

Маму назначили директором Эликманарской семилетней школы. Теперь дома она была очень мало времени. В школе остро стоял вопрос топлива для школы и учителей. Дело было трудное. Учеников снимали с уроков и учителя вели их в лес. Там пилили деревья, разрезали на чурки, кололи и готовые поленья носили в школу. Это далеко, а главная трудность - лес находился на горах. Следовало подняться в гору, спуститься с нее с грузом. Одеты и обуты дети кое-как, плохо. Но детство брало свое. Ребятишки бегали, резвились, играли, катались с гор. Делали ледянки – в таз наливали воду, опускали туда конец веревки. Наутро ледянки-санки готовы. С горы катились, что надо.

Мальчишки готовили для себя лыжи. Длина лыж 40-50 см., носы загнуты вверх, чтобы не закапывались в снег. Готовые лыжи надевали на валенки и катались с гор, на реке по льду. Обычно эти лыжи мастерили из сломанных деревянных бочек. На Катунь лед очищали от снега и катались на коньках. Чаще всего это были деревяшки, обитые железом. Их тоже, как и лыжи, привязывали к валенкам. Баба вязала нам какие-то варежки. Они быстро изнашивались. Все трое мы зимой лизали мерзлый топор. Набирались опыта с криком и кровью.

Люди помогали друг другу во время сенокоса, при перекопке огорода, уборке и вывозе картофеля, дров, сена. В Эликманаре неудобно заниматься хозяйскими делами. Все земельные угодья далеко от деревни: пастбища скота, сенокосы, земельные наделы под картофель. Все не под руками. Транспорта никакого не было, ходили пешком, тяжести носили на себе. С уборкой сена и картофеля были большие проблемы. Многие жители села изготовили самодельные тележки. Но у нас ничего подобного не находилось.

В сельском клубе часто демонстрировали разные кинофильмы. Помню, как смотрели кинофильм «Таня» о подвиге партизанки Зои Космодемьянской. Женщины рыдали, дети плакали. После фильма некоторые люди были в таком шоке, что не знали, как попасть домой, не могли понять, где они находятся.

Весной снова было очень голодно. Ходили в Куюм за слизуном (дикий лук), за колбой (черемша) в Ингурёк. Собирали грибы, часто не знали, съедобные они или нет. Баба варила их. Ела первой на пробу. Если не тошнило, то разрешала есть нам. Варила суп из разной травы и чуть добавляла молока. В конце апреля маме дали новый участок земли под картофель возле торговой базы, на краю села. Участок следовало огородить. Мама и баба с горы спустили жерди и все загородили как нужно. Землю перекапывала баба. Это был целик, то есть земля ни разу не обрабатывалась. Целик копать не просто, нужна сила, а где она? Эвакуированные учительницы расправлялись с ним по-своему. Топором рубили землю дрожками, потом комья разбивали лопатами. Семян на посадку снова не было. Но тогда, не знаю откуда, появился новый сорт картофеля – «Берлихенген». В народе его просто называли «Берлинка».

Летом мама уехала учиться в Барнаульский педагогический институт на историка. Позднее говорила, что учеба у нее шла хорошо, но голод брал свое. Больше на сессии она не отважилась уезжать, ведь дома еще оставалось четыре человека семьи без средств к существованию.

Снова косили сено, покос отвели в Куюме за 10 километров от дома. Недалеко от покоса находилась маленькая деревня – Нижний Куюм. Баба познакомилась с хорошей деревенской женщиной. Ее называли Карповна, имя не знаю. Она помогала маме и бабе с покосом, иногда ночевали у нее в избушке. В Куюме было много змей, их можно было встретить в любом месте: в траве, на дороге, в сене, в ограде и даже в избе.

Когда мама и баба уезжали на сенокос, я оставалась дома за хозяйку, мне следовало смотреть за домом, курами, вечером встречать

из стада корову. А я еще в школе не училась. Ходила в соседи и просила, чтобы подоили корову. Иногда никто не приходил мне на помощь, я ждала, когда вернется мама и баба с покоса, при этом не давала ложиться отдыхать корове. Боялась, что она уснет и приспит молоко.

В 1943 году я пошла в 1 класс Эликманарской школы. Мама заплела мне косы, надела белую блузочку, коричневую юбочку и повела в школу. На ногах ничего – босоногая.

Первую мою учительницу звали Капитолина Илларионовна Копылова. Она была уже в годах. На войне у нее убили сына и мужа.

Класс полон учеников. Не знаю, по какой причине, но зимой у нас появилась новая учительница – Нина Алексеевна Бородулина. Мне она казалась очень красивой – длинные косы, высокая, смуглая. Мы, ученики, все ее любили. Она ходила с нами в кино. В школе было правило, кто получал за учебу двойки, того в кино не пускали. Однажды Нина Алексеевна повела наш класс в Дом культуры на сеанс кинофильма. Каждому раздала билеты. Я бегала со всеми, играла и потеряла билет. Контролер меня не пропустил, я со слезами горя и обиды пришла домой. Потом дети рассказали, что Нина Алексеевна меня искала, чтобы провести в кинозал, но я уже убежала. Всем классом ходили на прогулки, катались с горы на санках. 1 класс я закончила с похвальной грамотой. Нина Алексеевна устроила нам пикник. Классом поднялись на гору, там играли, танцевали под патефон, пили чай. Событие запомнилось на всю жизнь.

Мама получила по талону портьеры на двери, плотное полотно, но белое. Мне из них сшили зимнее пальто. В первый же день мальчишки из другого класса толкнули меня в грязь. Чумазой, со слезами я пришла домой, но меня не ругали.

Во время войны в селе дважды случался большой пожар. В первом пожаре сгорело здание районного суда и прокуратуры. Во втором пожаре полностью сгорела торговая база промышленных и продовольственных товаров. В обоих случаях пожар тушить приезжала

пожарная команда из села Чемал. Но слишком поздно. Пожарная техника устанавливалась на повозки, запряженные лошадьми.

Обуви не было. Баба сама начала придумывать способы выхода из создавшегося положения. Пригодилась овечья шкура, из нее она решила выделывать кожу. Как-то квасила шкуру, потом дубила ее, в итоге получилось что-то похожее, из чего можно было шить обувь. Баба и сшила мне алтайские обувь, тонкие, легкие, но холодные и пропускающие воду. Кожа осталась недоработанной, сыромятной. Обувь, высохнув, съеживались, их невозможно было надеть на ноги.

Весной, по распутию в селе была странная, но привычная для всех картина. Утром дети в школу уходили в валенках, вставало солнце, снег таял, всюду появлялись лужи. Ребяточки бежали к изгородям, по жердям перебирались от огорода до огорода и так до дома. Ноги оставались мокрыми, однако это выход – не брели по лужам.

От отца с фронта часто получали письма. Писал вначале из Бийска, из-под Москвы, потом с Волховского (Тихвин, Вышний Волочек и др.), позднее Белорусского (Могилев, Бобруйск и др.) фронтов. Мама все письма отца бережно хранила. Отец служил в пехоте, в стрелковой роте. Имел воинское звание старший лейтенант.

В 1944 году его тяжело ранило, лежал в госпитале города Старая Руса. Ранило в Польше. С поля боя отца вынес солдат, рискуя жизнью. Лечился в госпиталях Брест-Литовска, Старого Оскола, дальше не помню. Через несколько месяцев оказался в Новосибирске.

Маму назначили зав. аймоно (районо). Она часто ездила в командировки, мы ее редко видели дома. Но кое-что положительное было и для семьи. Ее прикрепили к особому магазину, получали продукты и кое-какие вещи по третьему разряду (самый низкий). Иногда давали сыр, на разлив водку. Водка была в ходу. Любую физическую работу можно было оплатить водкой. Получали чай прессованный, плиточный. Это, видимо, были отходы чайного производства. На этот чай и одежду в деревнях покупали овец, они паслись по договоренности там до осени, до снегов.

В распоряжение мамы определили коня. Его звали Ванька. Крупный, черной масти, умный, хитрый и ленивый был этот конь. Но наша баба как-то с ним справилась. Теперь стало проще с заготовкой сена, дров, доставкой картофеля с пашни. Нашли конюха, им стал Зырянов Василий (отчество не помню). Конюх знал, как обращаться с коварной лошастью. До него с конем постоянно работали женщины, он их вызнал и совсем не слушался. Его невозможно было сдвинуть с места, если не захочет, то упадет, то начнет дергать воз. Вел себя, как хотел, лишь бы не трудиться. Конюх показал ему свой нрав, гремел перед ним цепью, постоянно подкармливал чем-нибудь. Результат оказался положительным – конь его признал и слушался.

Женщин Ванька по-прежнему не признавал. Когда на нем следовало ехать в командировку, то у всех «болела голова». Однако женщинам тоже удалось преодолеть строптивость чудо-коня.

На новый 1944 год, впервые за время войны, решили дома поставить елку. Мама у кого-то из эвакуированных людей купила игрушки – елочные украшения. Многие делали сами: цепи из бумаги, флажки, корзиночки, крашенные фонарики из перегоревших лампочек, хлопушки, шарики из яичной скорлупы. Мама и баба ездили в лес, привезли красивую елку, установили ее посередине комнаты. В школьные каникулы провели домашний праздник, приглашали своих друзей, мама каждому приготовила подарки (кедровые орехи, сушеная тыква, творожники). Все были веселы и рады.

В школе елки проводили каждый год, ученикам даже давали какие-то подарки. Обычно новогодние праздники устраивали в доме культуры. Каждый класс готовил свои номера художественной самодеятельности и новогодние костюмы.

На праздник 1 мая первоклассников включили в колонну школьников на демонстрацию. Ученикам заранее Нина Алексеевна дала задание оформить какой-либо портрет из членов правительства, чтобы нести его в руках на длинной палке. Мне следовало подготовить портрет М.И. Калинина. Я сходила в лес, набрала зеленого мха, он выглядел как бархат. Из центральной газеты вырезала большую фо-

тографию Калинина М.И., наклеила ее на картон, прикрепила к длинной палке. Края фотографии окаймила мхом, получилось очень красиво. Демонстрация прошла хорошо, дети несли изготовленные ими портреты, цветы маральника, день был теплый, настроение у всех радостное.

После демонстрации я довольная пришла домой. Мама и баба были уже дома, загадочно улыбались, но ничего не говорили. Сели за стол обедать. Стали пить чай, и нам, ребятишкам, в стаканы мама положила по ложечке сахара. Мы не ожидали этого, очень удивились случившемуся. Оказывается, на праздник в магазине дали по 500 граммов сахара на семью.

В соседях жили Помыкаловы, у них была девочка Галя, родившаяся в начале войны. Она не знала, что есть продукт – сахар, никогда о нем не слышала. Когда ей дали сладкий чай, она его выпила и попросила свою маму еще налить чаю, да не забыть насыпать в стакан соли.

Осенью я пошла во второй класс. У нашего второго класса была новая учительница. Любимая всеми Нина Алексеевна уехала. Как потом говорили, она вышла замуж. Произошло так: весной почтальонка несла по селу письма, возле школы увидела Нину Алексеевну, переходившую улицу и отдала ей письмо. В письме указан адресат – девушке с длинными косами. Письмо было от летчика. Так мы потеряли свою учительницу.

Осенью выкопали на пашне картофель, привезли 200 ведер. Но по военному времени этого было мало на нашу семью. Многие эликманарцы накапывали по 500 и даже по 1000 ведер картофеля. Но это могли сделать колхозники, которые имели большие огороды возле домов. Весной картофель был в большой цене, его продавали на деньги и меняли на одежду и другие вещи.

С огорода собрали тыкву, подсолнухи, кукурузу, свеклу, морковь, капусту. Баба пекла пироги. Делала их по следующей технологии: картофель терли на терке (все по очереди), из этой массы получались корки – нижняя и верхняя, начинку готовила из вареной свеклы, мор-

кови, тыквы. Все пироги ели с удовольствием. При этом она часто говорила, что после войны в мирное время не будет лениться, станет печь всякие пироги и булочки из хорошей муки.

Кукурузное зерно рушили от початков. На мельнице мололи кукурузную муку. Из нее пекли оладьи, варили кашу. Молодые початки варили в большом чугуне, ели вместо хлеба. На раскаленную сковороду сыпали зрелые зерна, они растрескивались, получалась очень вкусная походная еда. Обычно ее брали с собой в школу, да еще вареный картофель.

Для заварки чая собирали в лесу листья малины, земляники, бадана, костяники, смородины. Раскладывали на противни, сбрызгивали водой и ставили в печку. Листья томились, бурели, сохли. Это была вкусная заварка. Еще обжигали морковь на огне, тоже получалась заварка, но менее пригодная по вкусу.

После ноябрьских праздников 1944 года меня вызвала с уроков учительница и сказала, чтобы я шла домой. Я удивилась, с уроков обычно, никого не отпускали. Дома была радость – отец приехал с войны, а точнее из госпиталя. Его отпустили на побывку, подлечить рану на ноге. Ранен был в голень. Открытый перелом. Кость раздробилась. Ходил с костылем. Дома его ждали, мама получила телеграмму. У нас были продукты. Закололи овцу, была даже водка. К празднику в закрытом магазине получили. В доме все было как-то необычно. Отец сидел в комнате на стуле в белой рубашке, ждал нас, детей. Меня посадил на колени, и мы вместе плакали.

Отдыхал отец недолго. Пошел в райком партии, ему дали работу. Устроился в торговый отдел, который каким-то образом был связан с торговой базой. Однажды с работы принес жестяной чайник, в нем примерно с литр растительного масла. Радости нашей не было конца. Я тогда впервые видела, а потом и ела на этом масле жареный картофель. А до этого случая иногда жарили картофель на рыбьем жире. Все его не любили.

Часто отец ходил в больницу, рана заживала плохо, появились побочные явления – мокнущая экзема. Чем только не лечили ногу,

мама выполняла все советы. Врач Е.Д. Бородина назначила лечение лекарством - сулимой. Это сильный яд. Но, мы, дети, тогда не понимали этого. Видимо не очень четко представляла это и мама. Сулима в порошках лежала у нас в доме повсюду: в столе, на полке, в коробочках и других местах. Но все обошлось, никто не отравился. Хотя соблазн попробовать был большой, что это такое вдруг – сладкое. Знали слово «сахарин». Могли спутать, но бог миловал.

С отцом жизнь в доме стала налаживаться. Он как мог, помогал по хозяйству. Но основой дома и хозяйства оставалась наша баба.

В новый год в доме стояла елка. Мама и отец ездили на лошади в лес за дровами и привезли лесную красавицу. Но там, где срубили елку, обронили топор. Найти его не смогли, был очень глубокий снег. Дом без топора, как без рук. Ходили по соседям. Забегая вперед, скажу, что нашли топор на том же месте весной, как только растаял снег.

1945 год встречали дома всей семьей – отец, мама, баба, Юрий, я и Валерий. Приготовили тушеной с бараниной картошки, пирогов с разной начинкой, в том числе и с ливером. На столе был хлеб, сыр, сахар.

Для школьников новогоднюю елку проводили в Доме Культуры. Шел концерт. От каждого класса был концертный номер. Помню, ведущая праздник учительница объявила: «Песню «На опушке леса» споет ученица второго класса - Актёлова Майя». Я вышла к елке и исполнила песню. Потом эту песню от 1 класса пел брат Валерий, от 3 класса – брат Юрий. Отец разучил с нами эту партизанскую песню. Мы ее запомнили. А после, не сговариваясь, каждый у своей учительницы записались для исполнения новогоднего номера - военной песни.

У нас разрослось хозяйство, жили корова, бык, две овцы, куры, собака Шарик и кошка. Управлял хозяйством Шарик. Из ворот дома на водопой шли животные в следующем порядке: корова, бык, овцы, собака. Если строй нарушался, Шарик лаем возвращал нарушителя на место. В таком же порядке шли на пастбище ранней весной, после схода снега. Если убегали овцы, Шарик догонял их, кусал за ляжки и

принуждал вернуться в строй. Куры боялись выходить в огород. Собака догоняла их и трепала за перья.

Интересным был бык по кличке Васька, красной масти, ручной, избалованный. Он заходил на кухню и в комнату, иногда после себя оставлял следы. В мае погода стояла теплая, мама приготовила на выход свое любимое летнее платье. Оно было красивое - поле красное, по нему разбросаны букеты цветов, лиф облегающий. Юбка кошенная, рукава пышные ниже локтя. Сшито из материи «маркизет» (крученые нити льна), тонкий просвечивающий материал.

Платье висело на спинке кровати. В доме никого не было. Все занимались огородными делами. Бык зашел в дом, прошел в комнату, изжевал платье, бросил его на пол, лег посередине избы. Когда мама зашла в дом, от увиденного зрелища ей стало плохо, она еле держалась на ногах. Лишилась единственного нарядного платья. Начала хлестать быка. Он встал, испражнился и удалился на улицу.

У платья был испорчена передняя часть лифа. Еле отстирали жевки, все было окрашено в цвет зеленой травы. Маме как-то удалось исправить ущербное платье, начала носить его снова. А что оставалось делать, другого наряда не было.

Отца несколько раз вызывали на врачебную комиссию. Но все оставляли дома. И вот вызвали в очередной раз – признали годным к службе в армии. Он начал собираться в дорогу. По всем сводкам с фронтов было ясно, что война долго не протянется. Но ни один человек не знал, как долго она еще будет продолжаться.

И вот случилось то, чего больше всего ждали люди. 9 мая воскресенье, ходили в баню, делали уборку в доме. Вдруг по радио начал говорить диктор Юрий Левитан, что будет озвучено особое сообщение Главной Ставки страны. Объявил, что война закончилась. Все домочадцы соскочили со своих мест, бросили дела и бегом побежали в центр села. Там уже было много людей. Все смеялись, обнимались, целовались, поздравляли друг друга с победой. С балкона здания райкома партии о событии говорили разные люди – устроили митинг.

Помню выступление главного режиссера Ряжского. Он был большого роста и толстый, как и все, говорил о победе. В Чемале в ту пору снимали кинофильм «Белый клык» по повести Джека Лондона. Позднее пароход, т. е. модель старого судна, используемого при съемках фильма, выставили в Эликманарском детском саде. Дети играли с ним довольно долго.

Отца оставили дома. Он работал в райкоме партии. Шла посевная, часто был в командировках в соседнем селе Аюла, расположенном на противоположном берегу реки Катунь. Через Катунь ему часто приходилось переплывать на лодке. Домашние все переживали за отца, так как он не умел плавать, а река в половодье была полноводной, стремительной, своенравной.

В военные и послевоенные годы посев и посадку в огородах проводили рано, до праздника 1 Мая все успевали сделать. Самые ленивые жители управлялись с 9-15 мая. Мы все успели выполнить в конце апреля.

Жизнь послевоенная мало-помалу настраивалась, однако все было очень не просто и не быстро. Стали приходиться с войны солдаты, офицеры. Раненые. С жильем и продовольствием было плохо. Местные жители выживали за счет огородов.

Как мы жили дети войны?

**Гауэрт Валентина Игнатьевна,
Ветеран труда**

1958-1963 гг. – годы учебы в Горно-Алтайском государственном педагогическом институте на естественно-географическом факультете. С 1965 г. Валентина Игнатьевна работает на кафедре ботаники и фитофизиологии ГАГПИ в должности ассистента, старшего преподавателя, доцента. В 1974 г. после окончания аспирантуры при ИПА СО АН СССР она защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Микробиология». В 1984 г. присвоено почетное звание доцента.

Моя жизнь - лишь малая частица той общей, огромной и сложной жизни, в которой, как в капле воды, отражается непростая судьба всех нас – детей войны. Все это время судьба каждого тесно переплеталась с судьбой военного и после военного поколения. Росли голодными, босыми, полураздетыми. Но мы любили и эту жизнь. Была какая-то духовная атмосфера, в основе которой лежали добро, сочувствие, сострадание и милосердие.

Родилась я перед Великой Отечественной войной, в 1940 году, а в 1943 году попала в детский дом, эвакуированный из Грозного на Алтай, точнее в рабочий поселок Колывань Змеиногорского района. Ни я, ни другие дети не были обделены заботой и любовью воспитателей в детдоме, позднее вниманием учителей в школе. Время было тяжелое. Мы помогали взрослым, как многие, заготавливали на зиму: лук батун, ревень, плоды черемухи, калины, боярышника, клубники. На полях боролись с сорняками (тогда не было гербицидов), а осенью

убирали урожай, вязали носки и рукавицы солдатам-фронтовикам, собирали сосновые шишки для питомника, где из семян выращивали молодые саженцы для лесозащитных полос и восстановления леса на местах его вырубок. Дети были трудолюбивы, исполнительны и ответственны за поручения, которые давала партия. Тогда она была у всех одна – КПСС. Готовила партия себе достойную смену: октябрят, пионеров и комсомольцев, учила их жить по совести, с гордостью, честно, не боясь трудностей. Октябрюта и комсомольцы носили трудом заслуженные значки, а пионеры - красные галстуки. С большим энтузиазмом и желанием помогали воспитанники партии одиноким женщинам, у которых не вернулись с фронта сыновья, мужа. Девочки делали уборку в доме, мальчики пилили и укладывали дрова, приносили воду из колодца или родника (колонок в то время не было), вместе они убирали с огорода картофель, лук, капусту и т.д.

В 1958 году после окончания Колыванской средней школы я поступила в ГАГПИ на ЕГФ –самый большой факультет по численности студентов (200 человек на курсе). В выборе профессии меня не терзали сомнения. Я любила природу, я выросла в ней. Хотелось не просто видеть мир растений, грибов, животных, а знать, как они устроены и как они живут. И когда настало время определиться –решила стать учителем биологии и географии. Я не ошиблась в выборе профессии. Это я поняла, когда приходила к учащимся в школу или к студентам в пединститут, университет, плохое настроение, поселившееся в душе с утра, куда-то исчезало, решение проблем тут же приходило в голову. Я в очередной раз понимала, что у меня замечательная работа, с которой оказалась связана вся моя дальнейшая жизнь. Не каждый может сказать, что на работе ему комфортно, а я могу заявить это с полной уверенностью.

Студенческая жизнь, пожалуй, была для меня самой значимой. Учились, а многие работали, в том числе и я, не просто с желанием, а с какой-то жадностью и азартом. Со второго курса я подрабатывала лаборантом на кафедре ботаники, а после 3-го курса преподавала биологию и химию в вечерней школе рабочей молодежи (ШРМ). По

тому времени у меня ностальгия. Какая была замечательная молодежь! И студенты, и учащиеся так стремились к знаниям, что об опозданиях и пропусках никогда не стоял вопрос. В ШРМ несмотря на то, что занятия проводились после рабочей смены, классы всегда были переполнены. Среди учеников были даже седые мужчины. В свое время война не дала им закончить учебу, а желание быть грамотным, не отставать от жизни, осталось. Учились с разных предприятий города. Мне, как классному руководителю, пришлось побывать с ребятами на фабриках и заводах с профориентационной целью. Рабочих не хватало на фабриках: гардинно-тюлевой, ткацкой, швейной, обувной, мебельной; на заводах: кирпичном, пивзаводе, винзаводе, хлебозаводе, радиозаводе, самоварном заводе, мясокомбинате.

Молодежь с предприятий, учебных заведений, в том числе пединститута, помогала милиции поддерживать порядок в городе, особенно в вечернее время. Патрулировали по всему городу дружинники с красными повязками на рукаве и надписью: дружинник. Для молодежи было, где отдохнуть: лодочная станция у кинотеатра «Голубой Алтай», качели и танцплощадки у ДК, где играл духовой оркестр. На месте ДК был музыкально-драматический театр, который ставил музыкальные комедии (я их как сейчас вижу): «Поцелуй Чаниты», «Свадьба в Малиновке», «У моря Обского», «Эврика», «Курортное знакомство» и оперетты: «Цыганский барон», «Цыганская любовь», «Сильва», «Веселая вдова», «Летучая мышь», «Хрустальный башмачок» и другие. Был кинотеатр имени Максима Горького, где мы смотрели все новые фильмы, и обязательно перед началом фильма демонстрировался журнал всех достижений в труде, выполнение планов промышленности и сельского хозяйства. Студенты пединститута и старшеклассники озеленяли город и его окрестности, комсомольцы принимали участие в асфальтировании дорог (в 1958 году ни одного метра квадратного не было асфальтировано, тротуары были деревянные), участвовали в сельскохозяйственных работах, строительстве больничного корпуса, музея, главного корпуса университета. Студенты ГАГПИ занимались туризмом, географы вели наблюдения за по-

годой, снимая с приборов показания (была географическая площадка), а биологи выполняли индивидуальные курсовые работы, выращивая растения в теплице рядом с учебным корпусом. Работала теплица, как и географическая площадка, в течение всего учебного года. Огромное значение придавалось практике в полевых условиях. На 1 и 2 курсах ЕГФ полевые практики проводились по ботанике, зоологии, физической географии, проводились в течение 18 дней по каждому предмету на территории Горно-Алтайской автономной области (РА) в низкогорьях, среднегорьях и высокогорьях до высочайшей горы Алтая Белухи и озера Ак-Кем. Студенты побывали на субальпийских и альпийских лугах, в тундре, высокогорной Курайской полупустыне и Чуйской пустыне. По экономической географии практика проходила у нас на Кольском полуострове – в 1-й группе, в Поволжье – во 2-й группе, где я училась, и в средней Азии – в 3-й группе. По окончании практик проводилась конференция, где студенты обменивались приобретенными знаниями, которые предусматривала государственная программа.

В главном корпусе пединститута был радиоузел, в перерыве звучала музыка, поздравления и объявления. Студенты с увлечением занимались спортом: парашютным, конькобежным, лыжным, была и стрелковая секция, участвовали в художественной самодеятельности: танцевали, пели в хоре, читали стихи, играли на музыкальных инструментах. Жизнь кипела, время было дорого, его обычно не хватало.

Вспоминая прожитые годы (сегодня мне 75 лет, из них 53 года я проработала на кафедре ботаники и фитофизиологии ГАГПИ-ГАГУ), могу сказать, что я счастлива и благодарна судьбе за то, что на моем жизненном пути в детском доме, школе, вузе, аспирантуре были рядом замечательные люди, готовые помочь в трудную минуту, когда я что-то не понимала, не знала и не находила выхода из сложной жизненной ситуации. Я помню всех. Их очень много, это: нянечка в детском доме Анна Александровна Додонова, сейчас ей 91 год, директор школы Кленин Сергей Георгиевич, он же учитель Конституции СССР, классный руководитель Пономарева Зинаида Сергеевна; в

ГАГПИ: первая заведующая, она же основатель кафедры ботаники Кирсанина Екатерина Федоровна, преподаватель политэкономии, Герой Советского Союза Мэри Арнольд Константинович, ректор Киселев Николай Михайлович, преподаватель истории КПСС Бражников Яков Иванович, преподаватель педагогики Михайлова Зинаида Михайловна и другие.

Сегодня продолжает работать в ГАГУ Виталий Семенович Полянский, заведующий кафедрой философии, он же бывший ректор. Работая преподавателем на кафедре ботаники и являясь лектором - пропагандистом естественнонаучных знаний, мне пришлось параллельно окончить университет марксизма-ленинизма и получить высшее политическое образование.

Помню, мы все восхищались В.С. Полянским, который читал лекции и вел все семинарские занятия по предмету «Философские проблемы естествознания». Его лекции были настолько интересные, что на них присутствовали не только мы, поступившие в университет, но и лучшие учителя школ города, сотрудники ГОРОНО, студенты-старшекурсники всех факультетов пединститута. Самые сложные, проблемные философские вопросы Виталий Семенович умел донести до каждого присутствующего, проявляя при этом исключительную доброту и в то же время педагогическую строгость. Забыть его не возможно, так же, как и таких замечательных людей, как Любовь Васильевну Кыпчакову – Председателя ветеранов ГАГУ, депутата нашей Республики Алтай Аскара Рыспековича Тулебаева. Все кто их знает, ими гордятся. Я хочу им пожелать здоровья, успешных дел и много - много радости.

Память сердца

**Гоман Галина Александровна,
Ветеран труда**

Закончила факультет иностранных языков (английское отделение) Барнаульского педагогического института в 1963 г. С 1967 г. работает в ГАГУ на кафедре иностранных языков. Она читает лекции, ведет практические и семинарские занятия по курсу «Методика преподавания английского языка в средней школе»; английскому языку.

В год победы весной 1945 мне исполнилось 3 года. С этого времени я особенно хорошо помню 9-е мая - день всеобщего неописуемого ликования и радости «со слезами на глазах». Этот день – радости без границ - запомнился мне и не только на всю оставшуюся жизнь.

Поскольку я росла в многодетной семье (на ту пору было 4 детей), я расскажу о жизни 4-х «детей войны». Наш отец Переверзев Александр Дмитриевич был призван в «трудовую армию», а не на фронт, в связи с тем, что его брат Николай Дмитриевич Переверзев был репрессирован по линии НКВД: будучи начальником тюрьмы в Кызыл-Озеке, он отказался этапировать заключенных в Бийск (это более 100 км пешком!) по оледенелой мартовской дороге без надлежащей обуви. Николай Дмитриевич Переверзев был реабилитирован в 1956 году посмертно. Это случилось еще до войны. Каково же было его 3-м детям и жене пережить это горе и все тяготы войны после. По брони, как специалист сельского хозяйства, наш отец Александр

Дмитриевич Переверзев был отозван из «трудовой армии» в Майминскую МТС, где трудился все годы до ухода на заслуженный отдых.

Наша мама Мария Ивановна Переверзева начала работать продавцом в с. Карлушка еще до войны. В трудное военное время приходилось возить хлеб на развозке (сама за кучера) из Горно-Алтайска в любые погодные условия и делить его по тем граммам, которые были установлены на членов семей. Порою люди стояли с маленькими детьми, прося «хоть маленько, хоть коёчки (корочки)», не выдерживая голода. И мама давала порою от корочек своих четырех детей. Старшему брату Володе (1935 г.р.) в 1941 шел седьмой год, а сестренке Але (1936г.р.) не было и шести лет, но они оставались с младшими детьми, когда мама была на работе. Володя рыбачил летом, умудряясь подкармливать рыбкой всю семью. Сестра Аля, вспоминая, рассказывала, что садила меня в бочку, обложив подушками, сама же убегала поиграть или прибраться в доме. В это военное время у детей не было детства, они заменяли старших, взрослея не по годам.

Папу мы почти не видели, так как он работал от зари до зари либо в мастерской, либо в поле, ремонтируя с/х технику в случае поломки. В то время трактористами и комбайнерами были одни женщины.

На мамины плечи легли все тяготы домашнего быта: чем накормить, во что обуть, одеть, в чем отправить в школу. Она умудрялась приготовить с урожая собственного огорода очень вкусную еду: запеканку из тыквы, свеклы, моркови, бобово-гороховый суп, драники, борщ со свекольной ботвой и ревенем. Наша мама из разных лоскутков могла сшить такое платье, что завидовали соседские девочки. Перелицовывая старые вещи, превращала их в новые. Зимой папа подшивал валенки для детей, просиживая ночи напролет, зато старшие Володя и Аля не пропускали уроков в школе, учились хорошо.

Несмотря на тяготы войны и послевоенного времени, мы, дети войны, успешно закончили школу №1 в Майме, получив среднее образование. Брат Володя закончил «Горный техникум», затем работал в горнодобывающей промышленности «Караганда–Уголь». Сестры

Аля и Нина тоже уехали в Казахстан, Нина выучилась на воспитателя детского сада, а Аля - на учителя математики, работали до пенсии в народном образовании. Летом во время отпусков все съезжались на малую Родину в Горный Алтай с детьми, внуками.

Я, Переверзева/Гоман Галина Александровна (1942 г.р.), закончив в 1963г. факультет иностранных языков английское отделение в БГПИ, по распределению, а точнее, выйдя замуж, приехала в Горно-Алтайск и начала работать в школе №12, а затем с 1967 года в пединституте на кафедре иностранных языков преподавателем английского языка на географическом факультете. После основания ГАГУ и ФИЯ преподавала «методику преподавания английского языка в средней школе» до сентября 2013 года, т.е. мой стаж в народном образовании составил без малого 50 лет, 46 из которых в ВУЗе. Вдохновлял меня на этот подвиг своим примером мой муж Гоман Анатолий Михайлович (1931 г.р.), который проработал 52 года с 1956г. хирургом, заведовал хирургическим отделением с 1964 года, главным хирургом Горно-Алтайской автономной области на общественных началах, а затем главным хирургом министерства здравоохранения республики Алтай до 2008 года. За свой многолетний труд(25 тысяч операций, 5 тысяч выездов в районы Республики Алтай) спас тысячи больных от недугов, сотни от неминуемой смерти. Ему присвоены звания «Народный Врач СССР», «Заслуженный Врач РФ» и многие другие награды. К великому сожалению, после тяжелого недуга, который оказался не под силу нашим докторам, он ушел от нас 5 июня 2008года, но память о нем жива в воспоминаниях родных и близких, коллег, бывших пациентов и, надеюсь, всей общественности Республики Алтай: «Ничто не вечно – все уйдет, лишь вечно память добрая живет».

Письма с фронта

**Жерновникова Вера Александровна,
Ветеран труда**

В 1971 г. закончила факультет иностранных языков БГПИ, после чего поступила на работу в ГАГПИ. В 1980 г. окончила высшие курсы преподавателей иностранных языков при МГПИ им В.И.Ленина. Работала в ГАГУ в должности старшего преподавателя кафедры немецкого языка

Начало Великой Отечественной войны застало моего отца, Вязникова Александра Хрисановича, двадцатидвухлетним учителем Бело-Ануйской школы Усть-Канского района. В его жизни уже произошло немало событий и хороших, и горестных. Вырос Александр в большой семье, у его родителей было четверо сыновей и две дочери. Отец очень хотел, чтобы дети учились и сам отвёз Сашу в 1934 г. в Ойрот-Туру в педагогический техникум. Учёбу закончил в 1937 г. и был направлен в Усть-Канский аймак учителем начальных классов в Чёрном Ануе. Также вёл уроки литературы в средних классах. В 1937 г. отца его, Вязникова Хрисана Ефимовича, колхозного кузнеца, постигла страшная участь: он был арестован, увезён в Ойрот-Туру и, как стало известно много позднее, расстрелян по обвинению в шпионаже в пользу Японии. Его жена, Прасковья Анисимовна, осталась с детьми одна. Александра исключили из комсомола, не брали в армию. В такой обстановке началась трудовая жизнь.

Молодые учителя района, а их была целая группа, общались, помогали друг другу в работе. Александр познакомился с Ларисой Григорьевной Шебалиной – учительницей русского языка и литературы

Бело-Ануйской школы, куда её направили после окончания педагогических курсов в Бийске. Лариса была двумя годами моложе Саши. Стали переписываться, встречаться, а затем создали семью. Александр перевёлся в с.Белый Ануй.

Когда началась война, все родные были уверены, что Александра призовут в армию, но сына «врага народа» лишь вызывали в военкомат и отправляли назад. Однако час разлуки с семьёй настал. Призвали в армию в августе 1942 г. К этому времени в семье появился сын, назвали Борисом. Приехала мать Ларисы с внучкой Риммой - дочерью старшей сестры Ларисы. В учебное время в семье жила младшая сестра Александра - Наташа.

В конце октября наш отец прибыл на Калининский фронт и был зачислен в пулемётную роту 280-го полка 185-ой дивизии. В этой роте прошёл пешком путь от верховьев Москва-реки до реки Эльба: Калинин, Ковель, Варшава, Штеттин, Берлин.

С семьёй связывали письма. Наша мама хранила письма с фронта всю свою жизнь. Их больше ста. С виду они очень разные: это и листки, сложенные треугольником, и открытки, и листы бумаги, которые, если их свернуть, образуют конверт. Написаны все они то карандашом, то чернилами.

В письме от 19 января 1943 г. отец просит описать подробно жизнь Борика и других членов семьи: «Напиши о маме. Успехи в учёбе Риммы и Наташи меня очень интересуют. Лариса, на твою ответственность ложится их воспитание». В этом же письме: «Сейчас на дворе светит яркое солнце, стоят морозные январские дни. Я же

сiju в землянке, в которой нет ни одного окна. Вместо двери дыра, завешенная рогожным мешком. Тут же ведро с выбитым дном и дырой сбоку изображает печку. Это жилище я не променял бы и на царские хоромы. Моя жизнь не лишена трудностей (приходилось по 8-10 суток не видеть нашей дорогой землянки). Я вступил в кандидаты члена партии. Моё вступление говорит о том, что здесь я не на плохом счету. Да иначе и быть не может».

В письме от 20 апреля 1943 года: «Меня беспокоит благосостояние моей семьи (Борика и твоё). Не могу исключить и наших матерей. Не кривя душой, скажу, что не назвал бы женою ту, которая не признавала бы моей матери своей матерью. Кто знает, что ожидает меня через час или даже минуту. Пусть будет дальше то, чему быть, но ни при каких обстоятельствах не отчуждай Борика от мамы. Пусть он знает, чью фамилию ему суждено носить. Как я рад, что у меня есть Борик!».

Мысли о сыне не оставляли отца. Вот он пишет: «Жаль, что не пришлось создать ему лучших условий для развития и самому наблюдать его первые шаги в жизни. Если он родился под счастливым дневным солнцем и не без помощи своего отца, то сын испытает его ласку. Если нет, то его доля - видеть хорошего отчима или безотцовщина...». Борис родился на горном перевале по дороге в больницу. Отцу самому пришлось принимать роды и перегрызть пуповину зубами. А было это 2 ноября 1941 г. Осень тогда стояла длинная и тёплая, и день был солнечным. Уже назавтра пошёл снег...

5 мая 1943 г. отец сообщает, что получил сразу много писем, одно из них от Клавы Поповой: «Я ей написал, кажется, в январе. Справлялся о Лёшке, но она тоже о нём ничего не знает». Клава и Лёшка - это друзья отца по педтехникуму. Есть несколько фотографий, где они сняты вместе. Не могу не написать подробнее о друге отца Алексее Гребёнкине. Они вместе учились в педтехникуме, увлекались футболом, лыжами, очень много читали. Вместе работали в Бело-Ануйской средней школе. Всегда и во всём поддерживали друг друга. Алексей настойчиво добивался призыва в армию. Служба его прохо-

дила на Дальнем Востоке. Алексей писал о своей службе много интересного. Его письма и фотографии тоже хранятся в нашей семье. Войдя на фронт, отец пытался возобновить переписку с другом, но тщетно. Судьба Алексея стала известна только после войны. В августе 1942 г. дивизия, в которой служил Алексей, была переброшена под Сталинград. Эшелон с войсками на подходе к фронту был атакован немецкой авиацией. Не одна сотня бойцов погибла, так и не встретившись с врагом лицом к лицу. Наши родители никогда не забывали Алексея, рассказывали о нём нам, своим детям. Это был весёлый жизнерадостный человек, талантливый учитель. Наш отец не раз писал о нём в своих воспоминаниях. Привожу его слова: «Война оборвала жизнь самого близкого мне друга Алексея Гребёнкина. В течение всей послевоенной жизни чту память дорогого мне Алексея и на склоне своих лет завещаю своим детям и внукам почитать моего побратима Алексея Елеферьевича Гребёнкина».

Письмо от 25 августа 1943 г.: «Стараюсь по мере возможности писать вам, хотя обстановка не располагает к этому. Шумно, хотя и небо чистое, и на земле всё стихло. Мне кажется, уши будут воспроизводить этот шум без конца. Какую ненависть вызывают немцы! Зайдя в дом, увидел расписанный красками портрет фюрера. Не отдавая себе отчёта, прострочил его свинцовой строчкой. Вот пленные гансы - жалкий вид: косматые, бледные, лопочут гады: «Гитлер капут». Нет сострадания и чувства жалости к ним. Неизмеримо труден военный шаг, но он направлен на Запад. Там и только там наш мир.

Мужайтесь, скоро придём до дому, если не я, то кто-нибудь».

В письме от 28 августа 1943 г.: «Сейчас трудно поверить в возможность пережитого. Но на то, как говорится, и война. Эти строки свидетельствуют о моём благополучии.

Неожиданно встретился с Ишковым Иваном Петровичем. Он в чине младшего лейтенанта, гвардеец. Я должен был бы стоять перед ним навтыяжку, однако, он кинулся ко мне, называя по имени-отчеству, и мы горячо пожали друг другу руки. Немного побеседовали. Как приятна встреча с земляком! В самую жаркую пору встретил

ещё одного земляка - из Чёрного Ануя - Чуликова. Он учился у меня 3 года. У него аж глазёнки засверкали: вот-вот слёзы брызнут. Я, как мог, ободрил его, и мы пошли с ним в бой. В бою я потерял его из виду.

При взятии одного населённого пункта освободили несколько женщин. Одна из них с ребёнком лет двух. Бедная, она никак не давала мне его на руки. Потом, уже очнувшись от испуга, она сказала: «На, поддержи».

Вот бедная мать, пострадавшая под оккупацией. А сколько таких матерей и детей! Ни один немец не заслуживает права на жизнь.

Лара, сбереги Бориса! Очень скучаю по нему, часто вижу во сне».

В своих письмах отец выражал беспокойство о судьбе своих братьев. Старший, Георгий Хрисанович, не был призван на фронт по ходатайству руководства Ябоганского совхоза. Он отвечал за работу всей сельскохозяйственной техники. Позднее, в 1962 г., за высокие показатели в уборке урожая Георгий Хрисанович был награждён орденом Ленина. Фёдор, пятью годами моложе Александра, был призван на службу в армию в августе 1942 г. В качестве миномётчика воевал с февраля 1943 г., участвовал в освобождении Белоруссии и Литвы. 9 июля 1944 г. был тяжело ранен и отправлен в Крым на лечение до конца войны. Самый младший из братьев, Василий, стал солдатом в семнадцать лет. Это произошло в 1943 г. Ему пришлось сражаться на Волховском и Ленинградском фронтах. А после войны служил до сентября 1950 г.

Братья отца писали нашей маме, а между собой переписку наладить им было сложнее из-за фронтовых условий. Вот мама и сообщала им новости друг о друге.

Письмо от 23 сентября 1943 г.: «Здравствуй, Лара! Сегодня у нас в части праздничный день. Командир зачитал Приказ Главкомандующего, в котором он благодарит нас за успешные боевые действия и присваивает нашей части почётное звание по имени того населённого пункта, который мы освободили. Значит, воюем так, что нас отмечает сам Сталин». Здесь отец пишет о Смоленской операции, кото-

рая продолжалась с 7 августа по 2 октября 1943 г. 185-ая стрелковая дивизия получила наименование Панкратовской за взятие сильно укрепленного пункта противника, опиравшегося на это село. В дальнейшем дивизия стала называться Панкратово-Пражской.

Письмо от 12 ноября 1943 г. «... Если тебе будет грустно или даже обидно при долгом отсутствии моего письма, смири свою обиду и подумай, что в это самое время, быть может, я лежу под бомбёжкой в окопе или ничком кидаюсь в воронку от разорвавшегося снаряда, или жмусь к сырой грязной земле под градом посвистывающих пуль. Я припоминаю случай из августовских боёв прошлого лета. Ранним утром мы оказались в поле. Закрепляясь, начали отрывать окопы. Не успели по десяти лопаток земли выбросить, как уже летят немецкие самолёты. Я в окоп. Спускаюсь головой - ноги не входят, ногами - голова наружу. Потом ребята смеялись: многие проделывали то же, что и я».

Это одно из немногих писем, которые отражают боевую обстановку. Обычно отец писал, что «живёт хорошо». Мама тоже сообщала, что семья всем обеспечена. Это было далеко не так. Как раз в 1943 г. не уродилась картошка. По каким-то причинам перестали учителям выдавать муку и другие продукты. Чтобы выжить, копали марьины коренья, вываривали их, толкли и делали кашу. А ведь надо было вести уроки, растить детей и участвовать в сенокосе, уборке урожая наряду с колхозниками, которых кормили на полевом стане, что учителям не полагалось. Коллектив учителей

написал Сталину о своём бедственном положении. Письмо отвёз в Москву фронтовик, возвращавшийся в армию после лечения. Приехало районное начальство, было разбирательство. Мама боялась, что её посадят. Ведь письмо составляли коллективно, а писала она, учительница русского языка. Но всё закончилось тем, что жалобу признали обоснованной, и снабжение возобновилось.

29 января 1944 г.: «За 12 дней отмахали порядком. Варшава далеко в тылу - километров 300. Сейчас ведём бои на самой границе Германии. Думаю, что удастся побывать в самой вражьей берлоге.

На днях видел трогательную сцену на дороге. Освободили несколько сот русских, среди них было много женщин и детей. Навстречу одному солдату бросилась девушка. Вот так брат встретился с угнанной на каторгу сестрой.

Из концлагеря освободили много французов. Интересный народ эти французы. Любого из них можно признать за девушку, настолько черты лица мягкие и приятные».

В ходе военных действий отец был трижды ранен, но не опасно. 4 мая 1944 г. писал: «Ты напрасно так встревожилась. После незначительной царапины я просто отдохнул в санитарной части своего подразделения, хотя отдыхом это назвать трудно: обычная суета и тревога. Надо признаться, я порядком устал. Одно сознание своего долга держит меня на ногах. Ведь подумать только, что со дня моего отъезда из Белого Ануя я почти ни разу не заснул с разутыми ногами. Да и вообще понятие «сон» в моей действительности очень изменилось.

Сколько бы не изощрялись наши реалисты-современники, но им не удаётся создать подобие действительности. Все их «малювания» сводятся к тому, чтобы выпятить факт выше человечности. Или, наоборот, уж слишком просто их герои решают трудные задачи. Посмотрел одну военную картину и, не в обиду будь сказано её постановщикам, захотелось отлаять их как следует, потом подержать в окопе под разрывами снарядов.

Не знаю, может, я слишком критично сужу. Наедине с собою как-то вошло в привычку судить критически и о себе. Мне дороже самого себя, а стало быть, и моей бытности, моя семья. В случае худшего вас никто так любить не будет. Мне не кажется, что за этим родственным инстинктом просто моя трусливая душонка. Нет, мне представлялось много случаев проверить себя».

Письмо от 7 июля 1944 г.: «Я по-прежнему на ходу. Со своей родной земли мы слезли, форсировав Буг, теперь воюем в Польше. Население относится к нам доброжелательно, во всяком случае, поляки хорошо усвоили, что такое немецкая оккупация. Немцы, разбежавшись по лесам, пытаются сопротивляться, но поддержки у поля-

ков не находят. наших же военнопленных, убежавших из концлагерей, поляки укрывают, кормят. Много освобождаем советских людей, угнанных немцами из дома и солдат, попавших в плен ещё в 41-ом, 42-ом году. Люди не верят в своё спасение.

Интересные события разворачиваются в Германии. Вот жаль только, что союзники «скромничают».

6 августа 1944 г. отец пишет: «Беспрестанные дожди, сутками на мне не бывает сухой нитки. Размокли все документы и фотографии, которые ты присылала. Такой воды я не видел даже при форсировании Буга. Немцев потрепали порядком, прогнав их безостановочно более чем на 300 километров. Теперь нахожусь недалеко от западной границы Польши, а, стало быть, от самой Германии. Хотелось бы побывать у фрицев «в гостях». Поговорить есть о чём. Сначала я думал: немцы так безжалостно расправляются только с русскими, жгут, что могут. Нет, они не оставляют ничего живого и в Польше. Что за люди, чёрт их знает. И в плен-то сдаются не по-человечески: то убегает, что есть мочи, то вдруг бросает оружие в сторону, вскинет руки и почти с такой же скоростью бежит к тебе. Кроме немцев попадают мадьяры, венгерские гусары-конники. Народ до невозможности злой. Пленённый, он никогда не посмотрит открытым взглядом. Одно твердит: «Москау».

Вот опять меня беспокоит отсутствие писем от Фёдора. Знаю, что 23 июня он пошёл в бой, а с тех пор письма от него нет. Вася тоже молчит. Сообщи, когда они тебе писали».

3 апреля 1945 г.: «Здравствуй, Лара! Сегодня пишу тебе под впечатлением, что мы переживаем знаменательный момент. У всех на устах последние события. Сейчас на Западе фронт немцев рухнул. Войска союзников находятся от нас в каких-нибудь 300-ах км. Мы от Берлина не дальше 60 км. Эти километры для условий современной войны очень маленькие. Может быть, это письмо застанет тебя в условиях мира. Так что есть от чего прийти в восторг. Настроение у всех приподнятое. Хотя погода стоит серенькая - немецкая, как и вся кирпичная Германия. Лбы немецкие, хоть и не выдерживают наших

пуль и осколков, тоже кирпичные. Цивилизованная, но чёрная, проклятая страна, не знающая пределов своей ненасытности.

Союзники оправдывают себя. Как-то в одном немецком селе мы захватили лагерь военнопленных англичан, американцев, французов - главным образом, старший офицерский состав: майоры, полковники, генералы. Не знаю, из страха ли, или из уважения они приветствовали нас - солдат. Мы впоследствии долго смеялись, что наконец-то соединились с союзниками. Теперь на повестке дня настоящее соединение с союзниками».

В одно из писем отец вложил вырезку из фронтовой газеты со стихами, которые отражали настроение фронтовиков в том победном мае 1945 г.

Тишина...

Не слышен вой снарядов.

(Много дней нам было не до сна)

И опять со мной незримо рядом

Ты стоишь, Любимая жена.

Пусть ещё не отошла усталость,

Пахнут гарью улицы села,

Но до встречи радостной осталось

В триста раз короче, чем ждала.

Капитан И. Спелов

Отец пишет: «...очень бы хотелось побывать дома, хотя бы в краткосрочном отпуске. Однако надежда на скорую встречу маловероятна. Закон о демобилизации, принятый 12-ой сессией, я под него не попадаю. Ивана Иваныча скоро буду провожать домой. Послужил старик верой и правдой».

С Иваном Ивановичем Трубилиным наш отец вместе воевал с 1942 г. Не только в роте, но и в полку даже офицеры обращались к нему по имени-отчеству. Он, участник первой мировой, был кавалером двух Георгиевских крестов, второй орден ему вручил лично генерал Брусилов. Иван Иванович любил повторять слова Суворова «Мы русские, мы всё одолеем». Этими словами он подбадривал свой

пулемётный расчёт, в котором при нём сложилась обстановка доверия друг другу, уверенности в непобедимости нашего народа.

Служба в Германии продолжалась. 16 ноября 1945 г. отец писал: «Здравствуй, любимая! Я уже было совсем бросил тебе писать: надеялся на скорую встречу. Теперь же убедился, что встреча наша не так уж близка. Видимо, письмо твоё со справками (о том, что отец являлся до войны учителем и работал в школе) везут на волах. Живу мыслями о вас. Последние годы всё думал, когда же можно будет остановиться, присмотреться к окружающему, не думать о завтрашнем дне - он сам придёт. А теперь, кажется, я уже здесь целую вечность и не дождусь движения.

Никакой ни с кем переписки не веду. Или братья мне бросили писать, или я им. Видимо, все считают, что я уже дома, а я всё служу и служу.

Как вы встретили эту новую зиму? Придётся и её без меня коротать.

Ты мне не пишешь о своём коллективе, а я уже подумываю о работе. Привет родным и коллегам. Целую вас с сыном. Ваш Александр».

На фронте отец был награждён Орденом Красной Звезды и медалями: «За отвагу», двумя медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

Мама тоже имела награду - медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Долгожданная встреча с семьёй произошла только в начале 1946 г.

15 февраля 1946 г. Вязников А. Х. был назначен директором Усть-Канской школы т.е. вернулся к своей любимой учительской работе. Фронтовые товарищи так и называли его – Учитель. Окончил заочно Барнаульский пединститут, а Лариса Григорьевна Горно-Алтайский учительский институт.

Брак их длился более шестидесяти лет.

Светлая память нашим дорогим родителям!

Они защищали Родину

**Коровина Галина Георгиевна,
Ветеран труда**

Родилась в 1939 году в г. Новосибирске. 1958-1963 гг. студентка Горно-Алтайского государственного педагогического института по специальности «биология, география и основы сельскохозяйственного производства». В институте работает с 1965г. сначала в должности старшего лаборанта кафедры ботаники, а после с 1965 по 1977гг. ассистентом той же кафедры.

У моей бабушки Татьяны Степановны Саруевой было шестеро детей. Четверо из них участники Великой Отечественной войны. Не участвовали старшая дочь (умерла в 1932г.) и моя мама Мария Федоровна, я родилась в 1939г.

Сын, Вениамин Федорович (1917 г.р.) в 1938г. был призван на военную службу. Армейскую службу начал в Приморском крае ст.Лазо, в 151-м кавалерийском полку пулеметном эскадроне. Здесь он окончил полковую школу с присвоением звания старшего сержанта. Вернулся в свой эскадрон, стал командиром.

Началась война, на Западе шли жестокие бои. Фашисты продвигались вглубь страны. Одна за другой снимались с Дальнего Востока части и направлялись на запад. Так полк, в котором служил Вениамин, был отправлен на запад. В письме с фронта младшему брату написал: «2 сентября 1941г. под

Кременчуком, когда бои шли за переправу через Днепр, ранило в левое бедро пулей. Это было в небольшом селе, там были немцы. Были в разведке с четырьмя бойцами. Зашли ночью в село. Когда начали выходить, они (немцы) видимо решили схватить нас, кокнуть. Но мы благополучно смылись, хотя с большим трудом (трех нас ранило). После этого попал в госпиталь в Кисловодске. Пуля в кость не попала, пролежал 2 месяца, и выписали в запасной полк, оттуда послали учиться. До августа учился в Кавказском училище. После учебы выехал на фронт. С тех пор пошла солдатская фронтовая жизнь».

26 сентября 1943г. в письме писал: «Почти все села сожжены до одной хаты. Когда проезжаешь села, так вместо красивых аккуратных украинских хат остались обгорелые стены, да торчат высокие столбы. Коровы и телята по дороге валяются застреленные. Даже маленькой копны соломы в поле нет. Мало того нет дома, откуда бы не увезен сын или дочь. Словом, вся молодежь с 26 года и старше увезены в Германию».

В письме сестре (моей маме) от 18 декабря 1943г., когда начали освобождать села и города, писал: «Маруся, ну как твоя работа идет, как готовишь будущих культурных строителей. Здесь на освобожденной нашей земле снова восстанавливаются школы, детишки с радостью и гордостью идут в школу. Когда вижу этих маленьких людей с сумками, вспоминаю детство. И как я бесконечно рад, вполне разделяю радость этих будущих строителей. Честь и похвала вашей ар-

мии учителей. Если бы я мог, то всем учителям сказал бы мое большое солдатское спасибо. Итак, желаю тебе моя сестрица больших отличных успехов.

Мама, как чувствуете себя, не поддавайтесь ничему, не теряйте былую гордость. Вот поразгоним всех фрицев, все соберемся опять к Вам».

Он сражался за освобождение Украины. В каждом письме просил написать о мирной жизни. Спрашивал, как колхоз работает, что посеяли, какой получили урожай, сколько заготовили сена, как живут колхозники. Кто из односельчан вернулся с фронта. Всем родственникам передавал привет и в каждом письме писал, разобьем фашистов и все вместе соберемся.

27 декабря 1943г. писал «Как вы живете, обо всем подробно напишите мне. Также напишите, как проведете, вернее, встретите новый 1944 год. Мы здесь, на фронте, постараемся, чтобы этот 44-й год стал счастливым годом полного быстреешего разгрома немцев и окончания войны».

Из воспоминаний Д.Щетинина, председателя совета ветеранов войны и труда Онгудайского района (в статье «Помнят земляки героя»): «Часто Вениамин приходил в Улиту (он работал в Онгудае) – навестить мать, помочь ей по хозяйству. Был он внимательным сыном, относился к матери с сыновней нежностью – вспоминают улитинцы. И вообще, рассказывают они, был он человеком большой внутренней культуры, вежливым, чутким. Тянулись к нему люди, особенно молодежь. Привлекал Вениамин к себе еще и тем, что замечательно играл на различных музыкальных инструментах, пел, хорошо рисовал. Появится он в Улите и праздник для деревенских парней и девчат. В юношеские годы Вениамин увлекался стихами. Писал он о счастье быть молодым, о любви, о родном крае». После окончания семилетки он работал в МТС, экстерном сдал экзамены за 10 классов. Затем - работа в райкоме комсомола, в прокуратуре, в облисполкоме, в молодежной газете «Ойротский комсомол», учеба на курсах журналистов при ЦК ВЛКСМ.

Обаятельный и добрый, он умел ценить дружбу, уважать людей. Где бы ни работал, везде его любили за щедрость души, остроумие и общительность. Во фронтовых окопах он в свободное от боев и перестрелок время вел записи своих наблюдений. В письмах к родным он писал об Украине.

В одном из своих писем сестре Александре Федоровне он писал «... был все время в боях. Гнали немцев. Бегут в одном белье. Оставляют после себя смерть и разрушения. Сейчас мы, как можем, помогаем колхозам. В моменты передышек участвуем в посевной кампании. Истосковались по мирному труду. Он нам обходится дорого. Теряем товарищей, за которыми охотятся фашистские самолеты. Но скоро фрицам капут. Вот тогда заживем настоящей жизнью. Будем вместе писать книги...».

Обо мне в каждом письме писал «Здравствуй Галочка! Как твои дела? Чем занимаешься? Помогает ли бабушке?» В письме 26 сентября 1943г. писал: «Галочка, я твое письмо читаю день и ночь и все не кончу. Сохраню их все, когда приеду, расшифруем. Ладно? А сейчас я тебя целую много-много раз». Свидится не пришлось. 26 июля 1944г. получили похоронное извещение «Ваш сын, старший сержант Саруев Вениамин Федорович, уроженец с. Онгудай в боях за социалистическую родину верный воинской присяге проявил героизм, мужество, был убит 10 апреля 1944г., похоронен юго-западнее окраины с. Марентань Одесской области». Ему было 27 лет, из которых 6 лет отдал службе в армии.

Его мама, моя бабушка, Татьяна Степановна, до последних дней своей жизни ждала весточку от него. Все говорила: «Сходи, посмотри в почтовый ящик, может быть, пришла весточка от Вениамина». Не могла поверить, что так нежно любящий ее сын мог погибнуть на войне. Она сохранила около 80-ти его военных, фронтовых писем.

В 1940 г. успешно окончила Ойротский педагогический техникум младшая дочь Мария Федоровна (28 декабря 1921 г.р.). Для продолжения обучения ее направляют в Ленинградский пединститут Народов Севера им. Смидовича.

Вместе с ней едет ее старшая сестра Александра Федоровна, с мечтой поступить на журналистский факультет. Но опоздала, набор студентов уже полностью закончился на этот факультет. Она отдает документы для поступления в Ленинградский пединститут на литературный факультет. До поступления в институт Александра Федоровна проработала 6 лет. В 1934г. закончила Ойротский педтехникум. Работала учителем Онгудайской образовательной школы. Была учителем года, награждена грамотой, премирована. В 1935г. направляют в райком ВЛКСМ зав. отделом пионеров. В 1936г. переводят ответственным секретарем и переводчиком газеты «Будь готов» (Беленбол). Затем перевели в Ойротский филиал Огиза - переводчик и редактор детской художественной литературы. В 1937г. ее посылают на курсы редакторов-переводчиков в Москву. С 1938г. она - редактор Ойротских учебников и художественной литературы в национальном издательстве.

Обе сестры закончили первый курс. Собирались ехать домой. Началась война. Александра Федоровна писала в автобиографии «Когда началась Великая Отечественная война, то по распоряжению Наркомпроса всех бывших учителей национальных школ отправили по своим краям на учительскую работу. В дни ВОВ я считала своим высшим долгом – защищать Родину от немецко-фашистских захватчиков, непосредственно – на фронтах Отечественной войны; поэтому ехать в свой Алтай отказалась. По зову партии осталась оборонять город». Такое же решение приняла младшая сестра Мария и тоже добровольно осталась защищать город Ленинград. Обе вступили в дивизию народного ополчения. Окончив курсы, сестры работали в госпитале. Вместе со всеми ополченцами рыли траншеи, окопы, возводили дзоты, ночами дежурили, чтобы вовремя погасить фугасные бомбы. Александра Федоровна участвовала в обороне Пушкино, Пулково, а затем непосредственно Ленинграда. Участвуя в обороне Ленинграда, Александра Федоровна была тяжело контужена и лишилась слуха. За период блокады, конечно, от них не было сообщений. Во время войны бабушка была радистом, в ее доме был установлен

аппарат, и в определенное время она включала радиовещание. На улице, возле кузницы стоял высокий столб и на нем был радиорепродуктор, который на все село извещал о военных событиях. Она в селе первая услышала, что из Ленинграда эвакуировали детей и ополченцев. Первую весточку бабушка получила от Марии в конце февраля, что они доехали до Новосибирска. Александру Федоровну сняли с поезда и госпитализировали. Мария Федоровна, пройдя медицинский осмотр, вернулась домой. Я помню, что бабушка все плакала, по ее щекам текли слезы. Я спрашивала: «Мама (так звала свою бабушку), что Вы все плачете?» Она отвечала, что от счастья, радости, что вернулись дочери. Я про себя думала, как можно от радости плакать, нужно смеяться.

Позже приехала Александра Федоровна после курса лечения.

В начале мая, окрепнув, восстановив свои силы, из дома уехала Мария с мечтой продолжить учебу. Послала документы в Московский пединститут им. В.И.Ленина о том, что она закончила полностью 1-ый курс обучения в Ленинградском пединституте. Её приняли на филологический факультет, который успешно закончила в 1948 году. Сразу после института поступила в аспирантуру. Защитила диссертацию. Во время учебы в аспирантуре вышла замуж за черкеса Сакиева М.М. У них родилась, дочь, затем сын. В своей статье «Дороги судьбы» Л. Бекизова – доктор филологических наук, член союза писателей писала «Когда женщин Карачаево-Черкесии по давней традиции называют горянками, Марию тоже причисляют к ним, потому что ученый-лингвист, кандидат филологических наук, педагог, коммунист Саруева отдала сердце и знания второй своей Родине – Карачаево-Черкесии». В Карачаево-Черкесии она работала в научно-исследовательском институте, затем в г. Карачаевске в пединституте. Она была заведующей кафедрой, деканом, проректором на протяжении многих лет работы в институте. Главное богатство сердца Марии Федоровны – студенты, забота об их будущем. Ветеран труда, ударник коммунистического труда, «Отличник народного просвещения» - вот перечень важнейших определений педагогической деятельности.

Она умерла в 1989г. еще работая в пединституте. Ее дети, дочь и сын, пошли по стопам мамы. Оба ученые – филологи. Сын заведовал кафедрой. Еще молодой, полон педагогических исследовательских, творческих планов ушел из жизни в 2012г. У него растут трое детей – две дочери и сын. Надеемся, что дети продолжат дело бабушки и отца. Так же верно и предано будут служить своей Родине, народу. Дочь, Светлана Муссовна, продолжает работать в университете. Она филолог, профессионал в преподавательской деятельности, активная, всеми уважаемая преподаватель университета.

Александра Федоровна после возвращения домой осталась жить в Улите. Постепенно стал возвращаться слух. Она не могла сидеть дома без дела. Война продолжалась. В трудные военные годы она, еще не совсем здоровая, выступала перед тружениками села с лекциями и докладами, рассказывала о боевых событиях на фронте, выпускала стенгазеты со своими стихами и рисунками. Ходила по стоянкам, где в период весеннее-летних-осенних кампаний работали колхозники, и подробно рассказывала о военных действиях советской армии. Ее направляют уполномоченным в колхозы района.

К концу 1942г., почувствовав себя здоровой и с вернувшимся слухом, уезжает из Улиты в Ойрот-Туру. Ее направляют на работу в Ойротский областной национальный рабфак преподавателем. В феврале 1943г. приглашают на работу главным редактором облрадиокомитета алтайского национального радиовещания и заместителем председателя.

В 1943г. Александра Федоровна решает продолжить учебу в Московском вузе. Сохранились документы: характеристика от 10.09.1948 с облрадиокомитета для предоставления в педагогический институт имени Карла Либкнехта, дубликат зачетной книжки об окончании 1 курса Ленинградского Государственного института народов Севера им. Смидовича. Поехала в Москву. Там почувствовала себя плохо. Болезнь стала прогрессировать, и она снова лишилась слуха. Длительное время лечилась, пожизненно получила инвалидность 1 группы.

Александра Федоровна целиком отдается профессиональному литературному творчеству. В 1958г. была принята в члены Союза писателей СССР. Ею написаны стихотворения, проза, поэмы на алтайском и русском языке. Писала детские книги, стихи.

В своих произведениях отражала темы Родины, дружбы народов, труда, борьбы за мир, о молодежи, счастливой жизни.

*Опять весна пришла в мои края,
Опять мне солнце радостно светит
Над этой милой радостной землей,
С которой я прошла тернистый путь,
С которой мне шагать большой дорогой...*

«Человек рожден для счастья» - автобиографическая повесть, она написана на алтайском языке. В ней рассказывается о молодежи предвоенных лет, повествуется об истории двух сестер, приехавших в Ленинград на учебу. Также в повести отображается жизнь страны в период Великой Отечественной войны, рассказывается о героической обороне Ленинграда, о суровых буднях его защитников. Свое отношение к войне она отразила в стихотворении «Память о войне». Вот отрывок из этого стихотворения:

*«Чем дальше от войны, тем все больней
Во мне всплывает память о войне.
Всплывают лица, даты, имена,
И я кричу:
Будь проклята война!»*

Она умерла в 1980г. после продолжительной болезни.

Младший сын Павел (13 января 1923г. р.). После прохождения обучения курса молодого бойца был направлен для военных действий в город Сталинград. К сожалению, сохранилось только одно письмо с фронта, где он описывает, как был ранен. «14 января с.г. в боях севернее Сталинграда был ранен. Вообще, я с октября месяца по 14 января находился там. Октябрь, ноябрь, декабрь, эти три месяца я был в

обороне 62-ой армии. От передовой линии 1-1,5 км в самые ожесточенные бои. В эти времена, эти дни немцы бросали свои силы, что бы взять наш город, но не удалось им. 62-я армия была стальная, и мы выдержали эти натиски врага. Вот здесь я в ноябре был ранен первый раз в правую ногу пулей. И тут же в санбате вылечился. Побыв еще полмесяца на обороне до 10-го января, и утром 10 января мы уже пошли в наступление. Занимали немецкие блиндажи, брали их в плен, а кто не подавался, прямо расстреливали на месте. Пробыли 11,12,13 января в наступлении, было все удачно. Но вот 14-го перед рассветом в одном бою из немецкого блиндажа меня ранили гранатой в левую ногу. Брошенная из блиндажа фрицами граната в метрах 1,5 от меня разорвалась. Тут я, раненый, не растерялся и не побежал назад. И ноге больно было. Встал на колени, вырвал из ремня свою пару гранат и бросил её в блиндаж. И за ней вторую гранату. И вдруг из блиндажа выбегают двое немцев. У одного рука оторвана, а второго я не заметил, куда ему попало. Я быстро взял автомат и дал очередь. Тут подбежали наши ребята трое, и дальше не знаю, что было. Помню, ногу жгутом перетянули, чтоб кровь не шла. Уже утром очнулся в санбате. Это было на высоте Мамаев бугор. Бои шли исключительно гранатные по ходам сообщения, наделанных немцами. Тут в санбате почувал боль в правой ноге. Оказывается, была рана и в правой ноге. Тут подъехала машина, чтобы увести под берег. Мне дали 100 гр. водки, выпил, покушал хорошо. В конверт меня упаковали, чтоб не мерз, и поехали на левый берег в санчасть.

И так я попал сюда в госпиталь, через который с вами имею связь. Пока так коротко вам описал. Конечно, если рассказать вам про все с октября и как, каким чудом 1-ое ранение получил. Как бы ни было, подвиг или наступление, без жертвы, без пролития крови не бывает. Это война. Вот так и я не жался жизнью, что мол будет, тому и быть. Убьют, моя Родина вспомнит всё.

Но выздоравливаю, хожу на костылях, правая нога зажила. Но левая еще нет, и причем левая нога у меня не растягивается, раны заживают и стягивают сухожилия. Но не знаю, что будет дальше. Хожу

на физиолечение, разрабатываем ногу. Врачи говорят, что будем делать подрез старой раны и растягивать ногу». Вот такое написал письмо. Ему было 20 лет.

В 1943г. Павла Федоровича демобилизовали, вернулся домой. Дома лечился. Славу богу, выздоровел. Сразу после выздоровления стал работать. Работал в райкоме комсомола, корреспондентом газеты, учителем. Женился, трое детей – дочери. Одна дочь живет в Санкт-Петербурге, двое в Сочи. Дочери на пенсии. Умер он в 1968г.

*Года идут,
Но вечно в памяти война.
Гордимся подвигом
Своих отцов и дедов
И свято чтим мы
Всех героев имена.*

Дочь Мария Федоровна(старшая) – моя мама, в военные годы, вернувшись из Новосибирска в мае 1940г., занималась педагогической деятельностью. Работала учителем и завучем Улитинской НСШ, инспектором, а затем заведующей Онгудайского аймоно. В августе 1943 года вступает в члены ВКП(б), в декабре этого же года избирается членом Онгудайского ВКП(б) и членом бюро. В январе 1944 года является членом Ойротского обкома ВКП(б). С апреля 1944 года работает в аппарате обкома ВКП(б) вначале лектором, затем заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации. В декабре 1947г. Мария Федоровна избрана в состав бюро обкома ВКП(б) и утверждена секретарем по пропаганде. В 1947 и 1953гг. избиралась депутатом областного Совета депутатов трудящихся и членом облисполкома. В сентябре 1949г. по рекомендации Алтайского крайкома партии направлена в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б). После окончания ВПШ на XVII областной партийной конференции 1952г. избрана членом бюро и утверждена секретарем по пропаганде Горно-Алтайского обкома партии. В 1954г. Мария Федоровна избиралась депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР. На-

граждена двумя орденами «Знак Почета», медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945гг.», «За освоение целинных земель», двумя медалями Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В 1959г. уходит на пенсию по состоянию здоровья.

После ухода на пенсию она принимает активное участие в общественно-политической жизни.

Умерла в 1978г. в возрасте 64 лет.

Мы, потомки семьи Саруевых, свято чистим память о тех, кто защищал нашу Родину, освобождал ее от врагов, тех, кто трудился в тылу и восстанавливал её после военных лет, кто полностью свою жизнь отдавал работе и труду во благо процветания своей страны.

Документы статьи в газетах и фотографии жизни Александры Федоровны, Марии Федоровны, Вениамина Федоровича, Марии Федоровны, Павла Федоровича сохранены. Я уже писала, что бабушка, Татьяна Степановна, сохранила более восьмидесяти военных треугольных писем, читать которые без слёз невозможно.

29 апреля 1998 г. я передала 115 документов из личного архива Саруевой М.Ф. за 1920-1977 годы в отдел хранения специальных документов ГАС РА. Это трудовая книжка, мандаты, удостоверения, членские и депутатские билеты, орденские книжки, характеристики, почетные грамоты, фотографии.

16 мая 2002 г. передала в научный архив ГНУ РА «НИИ алтаистики им.С.С. Суразакова» документы Саруевой Александры Федоровны - 20 наименований.

12 декабря 2014 г. при проведении мероприятия, посвященного столетию со дня рождения Александры Федоровны, передала в Республиканскую библиотеку документы - 15 наименований и 14 фотографий.

Подготовила документы и фотографии Марии Федоровны, Александры Федоровны, Вениамина Федоровича, письма Павла Федоровича для передачи в Республиканский музей.

Детство, опаленное войной

**Крайванова Анастасия Романовна,
Ветеран труда,
к.п.н., доцент ГАГУ**

В 1949 г. Анастасия Романовна окончила факультет русского языка и литературы Барнаульского государственного педагогического института. Три года работала в сельской школе Алтайского края, 9 лет - в школе №12 города Горно-Алтайска. Трудовую деятельность в Горно-Алтайском государственном педагогическом институте она начала в 1963 г. в должности старшего преподавателя. Обобщением практического опыта работы в школе и вузе стала ее кандидатская диссертация, защищенная в совете ЛГПИ им. А.И. Герцена в 1978 г. С 1980 г. по 1997 г. – доцент и заведующая кафедрой литературы. С 1997 г. по 2002 г. – профессор кафедры литературы.

*«Счастливая, счастливая пора детства!
Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней?»
Л.Н. Толстой*

В канун 70-летия со дня победы в Великой Отечественной войне я возвращаюсь памятью к годам своего детства и ранней юности и с высоты 87 прожитых лет пытаюсь осмыслить, на каком фундаменте сложной, противоречивой, во многом трагической эпохи формирова-

лись характеры, мировоззрение и нравственные основы жизни моего поколения, людей великой страны и - конкретно - нашей семьи Крайвановых. Ведь этому поколению пришлось не только вынести невероятные тяготы самой жестокой и кровавой войны XX века, но и титаническим трудом, с полной самоотдачей, восстановить разрушенное, укрепить мощь страны и на многие десятилетия установить мир на родной земле и во всей Европе.

Побудило меня поделиться своими воспоминаниями о пережитом недавнее обсуждение на центральном телевидении проблемы патриотического воспитания молодежи. Затронули и качество школьных учебников по истории России XX века. Вариантов учебников оказалось неоправданно много. Как выбрать лучший? В одном из учебников для 9 класса теме Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. отведено всего 2 (две!) страницы.

Немного осталось в живых прямых участников или свидетелей боевых и трудовых подвигов эпохального события XX века, определивших дальнейшую судьбу страны и ее народа. Не окажутся ли школьники, молодые люди начала XXI века «Иванами, родства не помнящими»? Хочется верить, что молодые читатели, которые прикасаются к истории минувшей войны по еще не устоявшимся в истине учебникам, непредвзято воспримут конкретные факты, картины и судьбы людей той памятной поры по воспоминаниям школьницы 40-х годов одной конкретной деревни в глубоком сибирском тылу. В своих воспоминаниях я коснусь лишь тех фактов военного лихолетья, которые с особой остротой отпечатались в памяти и, как мне кажется, не потеряли связи с настоящим, сегодняшним мироощущением не только российской, но и мировой истории.

Наша семья, или «Моя родословная»

К началу войны наша крестьянская семья – родители и пятеро детей – после восточносибирской ссылки не вернулась на Украину, в Кировоградскую область, где я родилась, а обосновалась в одном из пригородов Барнаула. Небольшое село Зудилово стало поистине второй родиной для нашей «приезжей» семьи. С ним связаны и светлые

воспоминания о людях, добросердечно принявших в свой мир вынужденных переселенцев, и самые трагические страницы биографии семьи. Зудиловский период нашей жизни оказался коротким и суровым. Здесь прошли мои школьные годы. Здесь мы потеряли трехлетнюю мою сестренку, не перенесшую голодных и неприятных передраг ссылки. Отсюда в начале 1942 года мы проводили на фронт отца. В первом же и для него последнем бою он погиб в «горячем снегу» Сталинграда, не успев отправить домой почтовый треугольничек – свидетельство героической обороны волжской твердыни. Теперь храним фотографию обелиска с фамилиями погибших в боях за Сталинград, среди которых есть и наш отец Крайванов Роман Иванович. Ему было 45 лет.

Мама ушла из жизни в возрасте 48 лет, всего лишь два года спустя после Победы. Одиннадцати дней (1951 г.) не дожил до своего 30-летия первенец семьи, мой старший брат Лев, демобилизованный из армии в 1942 году безнадежно больным, хотя и не участвовал в боях, так как служил на Дальнем Востоке, где предполагалось начало агрессии со стороны Японии. Так от большой родительской семьи в 7 человек осталось только трое младших ее детей: сестра Елена (1924 г.р.), я (1928 г.р.) и брат Виктор, родившийся в Иркутской области в 1932 году. Все мы сохранили фамилию наших родителей. Все трое выстояли под ударами суровой исторической эпохи, в числе немногих первыми из зудиловских детей получили высшее образование, все трое давно покинули это село. Теперь в роду Крайвановых, бывших сирот, есть и научные работники, и высококвалифицированные специалисты в области филологии и строительной инженерии, медицины, экономики, компьютерной техники и другие. Думаю, мы достойно хранили память о рано ушедших родителях, которые сумели с детства привить нам нравственное здоровье, гуманные жизненные ориентиры, стойкость и упорство в борьбе с трудностями. А трудности закаляют. Мы, младшие в родительской семье, на удивление оказались долгожителями с большим трудовым стажем у каждого. Укажу лишь свой: 53 года, из них 49 лет – в Горно-Алтайске. С глубокой

печалью свидетельствую, что на момент изложения биографических данных нашей семьи уже не стало моего младшего брата Виктора Романовича (2013 г.) и сестры Елены Романовны (2014 г.). Хранительницей памяти об истории нашей семьи осталась я одна.

Благодаря современным достижениям электронной связи, мне лишь в последние годы стали известны родовые корни «древя» Крайвановых. По линии отца они уходят в Болгарию (род Караивановых), а мама девическую фамилию унаследовала от своего деда-поляка: Навроцкая Анна Ивановна. По условиям исторического времени в официальных анкетах в графе «национальность» мы указывали «украинцы». Но по духовному складу, по языку, по культурным традициям мы считали себя русскими, более того – сибиряками. Вся сознательная наша жизнь прошла в Сибири. В данных воспоминаниях я ограничу себя коротким «зудиловским» периодом жизни, совпавшим с годами Великой Отечественной войны.

Зудилово, или «Вот моя деревня»

По всем статьям село заслуживало статуса дачного пригорода. Расположено всего в полутора-двух километрах от линии железной дороги Новосибирск-Барнаул, протянулось двумя своими улицами вдоль правого берега речки Черемшанки. Тихая в летнюю пору, она в весеннее половодье подмывала и обрушивала бурными водоворотами высокий правый берег. С пушечным грохотом и гулом река отвоевывала метр за метром глыбы торной дороги от села к полустанку. Уже в те годы началось строительство второй линии железной дороги Рубцовск-Барнаул-Заринск, которая теперь пролегает через центр села, изменив давний маршрут жителей на Барнаул.

Село со всех сторон окружено сосновым бором, что уже в те годы придавало ему значение великолепной дачной зоны: целительный воздух, насыщенный терпким запахом смолистой хвои (и никаких выхлопных газов!), голубизна неба и под стать ему сплошной ковер незабудок, покрывающий «тот» берег реки; сладковатый запах кукушкиных слезок, хрупкое изящество синих лесных колокольчиков и белоснежная чистота первоцветов – все это в десятках метров от на-

шего дома. По субботам, как обязательный ритуал при всей бедности нашего быта, мы бегали за речку, чтобы принести букет цветов и украсить скромное деревенское жильё – одну комнату и сени. А за стеной, в другой половине избы, в такой же комнате – другая семья с десятью детьми. Тоже приезжие украинцы.

Очевидно, задолго до нашего приезда, возможно, после октябрьской революции и гражданской войны, на границе нашего села с соседним Белоярском под сенью соснового бора располагались корпуса туберкулезного санатория – в тишине, уединении, отдаленно от жилых сельских застроек. На рубеже двух сел сохранились заросшие кустарником окопы – шрамы недавно минувшей гражданской войны. В другом конце деревни, тоже под покровом соснового бора, расположился Дом отдыха, который функционирует и поныне в статусе хорошо оснащенного санатория под названием «Сосновый бор». В годы Отечественной войны он был превращен в госпиталь для раненых и инвалидов-фронтовиков.

Зудилово, в котором прошли мое детство и школьные годы, дало мне ощутить богатое разнообразие, красоту и гармонию сибирской природы. Оно заставило меня полюбить на всю жизнь эту землю. Природа пробуждала воображение, обогащала образами и ассоциациями, развивала эстетически. «Зеленые косы» тины в реке напоминали о русалках, и я боялась приближаться к местам, затененным высоким берегом, где купались старшие. Глинистые стены левого берега напоминали пчелиные соты: в них стрижи выточили бесчисленные гнезда-ячейки. Мы замороженно наблюдали за молниеносно стремительными виражами птиц и точным – с лету – попаданием их в свое гнездо. Серебристо-зеленый тальник, колышущийся даже от легкого ветерка, при долгом наблюдении казался живым и таинственным. Как будто кто-то невидимый встряхивает покрывало то глянцеви́то-яркой, то белесово-тусклой стороной. И приходили на ум с раннего детства знакомые строчки баллады Лермонтова «Тростник». Мы пели, не зная тогда ни автора слов, ни кто положил их на музыку:

*...И, будто оживленный,
Тростник заговорил:
То голос человека,
То голос ветра был.*

В детском воображении и в моей душе природа и поэзия воспринимались в неразрывной связи, а общение с природой органично входило в каждодневную жизненную практику, в наш образ жизни. Сбор ягод в «казенном» бору и в зарослях старого русла Оби – в десятках километров от дома – был и нашей детской летней повинностью, и большим удовольствием, хотя оно было сопряжено с большими испытаниями жаждой. Наши походы длились от зари до позднего вечера. Помню себя и свои ощущения свежо, отчетливо и в неразрывной связи с окружающим миром, полным звуков, запахов, движения – и тайны. И теперь, 75 лет спустя, в воображении оживает картина. Мы кучкой в 5-6 подружек возвращаемся в сумерках по пыльной дороге, которая вела к паромной переправе через старое русло Оби. По обе стороны дороги – сосновый бор, высокий и густой. Босые ноги ощущают, как быстро остыла дорожная пыль. Она уже не кажется такой мягкой: за день крепко набило ступни усталых детских ног. Рано утром, идя навстречу солнцу, мы оживленно вели беседу, чаще всего пересказывали прочитанные в случайном наборе книги, какие имелись в семье. Это были и русские классики, и зарубежные писатели, часто совсем не детского плана. Со временем я оценила значение этих книг и «пересказов»: они рано стимулировали мою память и речь. На обратном пути уже было не до разговоров. Сильнее физической усталости было чувство страха перед темным лесом. Он не позволял повернуть голову направо или налево, казалось, будто брошенный в сторону леса взгляд непременно вызовет какие-то страшные таинственные силы, которые сейчас молчат, но следят за каждым нашим движением. И невольно мы понижаем голос, чтобы не разбудить лес, и смотрим только вперед или под ноги. И ожидаем, что вот-вот приблизимся к полотну железной дороги, а там мелькнут огоньки

построек, и уже не будет так страшно, мы вырвемся из невидимой, но осязаемой власти леса.

Много лет спустя, когда я по-настоящему познакомилась с поэзией Ф.И. Тютчева и впервые прочитала стихотворение «Песок сыпучий по колени...», я была поражена абсолютным сходством воссозданной им картины с ощущением природы, пережитым мною в детстве:

*...Мы едем – поздно – тает день,
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слились тень.
Черней и чаще бор глубокий –
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стокий,
Глядит из каждого куста!*

Мои детские впечатления об окружающей природе, я полагаю, помогали мне со временем лучше распознавать истинную поэзию, подлинную лирику и просто «стихи», какие часто заучиваются в школе, не оставляя следа ни в душе, ни в сознании. Я как филолог-педагог по профессии на всю жизнь сохранила убеждение в неразрывной связи искусства и реальной жизни в формировании личности. Эта связь и делает человека духовно более богатым. Под влиянием литературы и искусства личный опыт обогащается, осмысливается глубже, шире, гуманнее – и в философском, и в нравственном, и даже в бытовом плане, не говоря уже о такой тонкости, как эстетические чувства. Потребность в общении с искусством, концентрирующим в себе человеческую мудрость и культуру, делает человека подлинно интеллигентным.

Жалею, что в свое время не нашла возможности глубже поинтересоваться историей села Зудилово, с которым судьба связала нашу семью и которое оказало большое влияние на формирование моего внутреннего мира в самый продуктивный период развития. А окружающая среда – это не только природа, но, может быть, в первую очередь – люди. На составе жителей села сказались и политические, и

экономические, и социальные процессы, происходившие в стране в разные периоды истории, особенно заметные в XX веке. Здесь смешались выходцы из самых разных губерний России: вятичи с их особым диалектным «цоканьем» и «чоканьем», мордва (начиналось село с мордовского края, в отличие от другого – «заводского» края, где когда-то была сооружена плотина и работала мельница). Значительную часть населения составляли украинцы, о чем красноречиво говорили их фамилии: Гермаш, Каланчук, Любченко, не столь определенно – наша фамилия Крайвановы. Чувствовалось, что в этой деревне в разное время и по разным обстоятельствам съехались люди из разных краев и губерний и составили пестрое целое сообщество. При несхожести привычек, индивидуального семейного уклада всех объединяло одно: жители деревни не имели паспортов. Так закреплялись работники в сельском хозяйстве в 30-е годы.

Мне памятно появление многих новых людей в две исторические волны: 30-ые годы и годы Отечественной войны – мои школьные годы. Судьбы этих людей, их «тайны» оказались доступными нам гораздо позже тех событий, следствием которых было их появление в сибирском захолустье.

Помню, как в сельпо (тогда – центр культурной жизни и доступный всем канал информации) сменялись портреты высших чинов страны. Кого-то убрали со стены, выставили портрет Ежова, как оказалось, ненадолго. Школьная детвора бойко повторяла строчки стихов: «Не уйдете от суровых от Ежовых рукавиц!». Мы не связывали «ежовы» рукавицы с реальными фактами исчезновения отцов наших одноклассников по политическим мотивам. В памяти отпечатался 1937 год. В деревне не было ни радио, ни телефона, но волны от происходившего в центре страны, в Москве, широкими кругами, а в детском сознании мелкой рябью расходились по всем углам провинциальной жизни. Да уж и не такой глушью она оказывалась. Был «дачный» поезд, была сельская интеллигенция, учителя, которые доступными им средствами и способами пробуждали в нас «чувства добрые» и учили мыслить.

1937 год – это и год столетия со дня гибели Пушкина. И наша семилетняя школа активно включилась в подготовку к знаменательной дате. Я недоумевала, почему мне, второкласснице, учительница дала для чтения наизусть такое неинтересное стихотворение Пушкина – «Туча». Смущаясь от первого публичного выступления со сцены, я читала, не поднимая от пола глаз. Долго потом меня мучило это обстоятельство: не то, *что* я читала, а то, *как* читала.

Меня долго смущала публичность, я терялась перед взорами аудитории, даже будучи педагогом. Думаю, этот комплекс возник от необычных условий жизни в детстве: стеснялась своего украинского акцента, хотя быстро его преодолела; своей «чужеродности» среди коренных жителей села; сковывала необходимость быть сдержанной, «неболтливой» в отношении прошлого нашей семьи. Это должно было сказаться и на характере, хотя в школьные годы, кажется, не испытывала недоброжелательности со стороны сверстников. Напротив, явно ощущала некую бережность в отношении к себе как к самой маленькой в классе. Да и в учебе опережала многих других одноклассников. Профессиональный тренинг учителя-словесника и преподавателя вуза научил меня справляться с детскими «комплексами».

А тогда, в 1937 году, я думаю, учительница пыталась через мой детский лепет передать глубокий смысл пушкинского стихотворения зрелой поры творчества, его актуальность для совсем другой эпохи, но с такими же политическими грозами, бурями и потрясениями. Очевидно, выбором стихотворения она пыталась обозначить и свою нравственную и гражданскую позицию.

*...Ты небо недавно кругом облежала,
И молния грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась...*

Гораздо позже я поняла, что пейзажная образность стихотворения «Туча», и сама по себе яркая, эмоционально одухотворенная,

проникнута истинно пушкинским глубоким гражданским и политическим пафосом. Кстати отмечу, что никогда больше я не обращалась к этому произведению специально, но оно навсегда врезалось в мое сознание. Спасибо моей первой учительнице.

Размышляю о психологии восприятия искусства. Это предмет моих профессиональных предпочтений как методиста-словесника и в практической работе, и в научных исследованиях. Убеждена, что к серьезному искусству слова детей можно и нужно приобщать с ранних лет, но делать это надо умело и в меру, памятуя слова Сергея Образцова: «Осторожно – искусство! Осторожно – дети!». Эстетическое восприятие искусства предполагает развитие наблюдательности, эмоциональной чуткости ребенка, живого воображения, без которого невозможно ассоциативное мышление – способность видеть предмет в его многосторонних связях – временных, родовых, причинно-следственных. А это уже область логического мышления и составные мировоззрения человека. Многие начала в таком развитии давала мне в детские и школьные годы деревенская среда, школа и, конечно же, семья, ее атмосфера. Считаю благотворным обстоятельством то, что в семье никто не курил, трезвость была неписаным законом жизни семьи; мы в доме никогда не слышали бранных слов. Такая атмосфера сохранилась и в семьях детей и внуков наших родителей, хотя окружающая среда не всегда этому благоприятствовала.

Родители не стесняли нашей свободы, но не допускали и праздного ничегонеделания. Мы всегда были заняты каким-то делом: собирали ягоды и для себя, и для продажи, образцово ухаживали за огородом, заготавливали веники и полезные травы; «допасывали» в вечерние часы корову после ее дойки; помогали в заготовке дров и сена, в уходе за скотом. Мы хорошо знали цену копейки: ведь в доме до Отечественной войны единственным работником-кормильцем был неутомимый отец, успевавший, кажется, все охватить, заготовить, купить, соорудить, утеплить, построить. Мы, дети, кажется, никогда не видели его спящим или отдыхающим. Он не успел лишь сам хо-

рошо обжить поставленный дом, купленный на слом в отдаленном селе и перевезенный в Зудилово.

Родители, грамотные, но не имевшие никакого специального образования, в крестьянских делах и в семейном быту были мастерами на все руки. Приучали к порядку в любом деле и детей, поощряя интерес к знаниям, к чтению, к доступным видам искусства. Я в семье была третьим ребенком и третьей школьницей. Это обстоятельство во многом и определяло мое развитие. До поступления в школу я без каких-либо усилий, жадно и легко вбирала в себя все то, чем жили, о чем говорили, что учили, что читали старшие брат и сестра. Таким же образом был подготовлен к школе и младший брат Витя.

Особо выделяю влияние брата Левы – натуры художественной, щедро одаренной от природы. Он хорошо рисовал, писал красками. Его рисунки выставлялись и воспроизводились в краевой газете, когда он учился в старших классах 42-ой школы Барнаула. Газетные репродукции, акварели и картины, писанные маслом, теперь храним я и дети Виктора Романовича. Закономерным было и его поступление на архитектурный факультет Ленинградского строительного института – ЛИСИ, который в дни ленинградской блокады был эвакуирован в Барнаул. Но болезнь не позволила завершить образование. Он прекрасно играл на гитаре, на мандолине и на балалайке. Других инструментов в селе не было. Чем бы мы ни занимались дома или в поле, мы всегда пели. Знали украинские народные песни и все лирические песни военного времени.

Черпали мы, приезжие дети, и из знакомства с интересными людьми села. Особенно запомнилась чета пожилых интеллигентов Тимошенских (если не ошибаюсь в точности звучания фамилии). В деревне они поселились, очевидно, в 20-ые годы. По облику, манерам поведения, по деталям домашней обстановки это явно были люди из дворянской среды. К нам они питали явную симпатию, видя в нас благодарных слушателей рассказов о путешествиях по странам Европы, пения старинных романсов и интерес к старинным фотографиям в богатейшем альбоме.

Грянула война. Трудовой тыл

С началом Великой Отечественной войны резкие перемены произошли в составе жителей села. Ушли на фронт молодые парни и семейные мужчины, остались лишь те из них, кто имел бронь как работники железных дорог и военных заводов Барнаула. На этих заводах теперь работали многие девушки и молодые женщины из нашего села. Ежедневно два раза в сутки на дневную и ночную смены их увозил в Барнаул наш бессменный труженик «дачный». Так называли пригородный поезд в годы войны, как будто в память о дачных сезонах горожан в недавнее мирное время.

Дачный в моих воспоминаниях – едва ли не главный участник трудового военного лихолетья. Он связывал небольшое село с великой страной, ввергнутой фашизмом в страшную войну. Дачный уже не возил людей из города на лоно природы, на отдых. Он превратился в неутомимого и незаменимого трудягу, который тоже подчинялся законам и режиму сурового военного времени. Он возил рабочих из пригородных сел на военные заводы Барнаула, возил сельских тружеников на импровизированные базары у «лестницы» или на «новый базар», оба вблизи вокзала и заводов. По дачному ориентировались в часы работы и тревожного ночного отдыха: «Дачный прогудел на Казачьем», «Скоро дачный придет», «Не опоздать бы на дачный». Нынешнему поколению людей трудно представить, что значило в годы войны опоздать на дачный. Это – неявка на работу, прогул, сбой на военных станках. По законам военного времени это было равнозначно вредительству и соответствующему неотвратимому наказанию. Дачный приучил к дисциплине, к точному расчету времени. Он с детства научил и нас, подростков, ловко и быстро, с грузом в руках или за спиной, подниматься по высоким ступенькам (на полустанках платформы для посадки не было) в тесноту тамбура, а затем – прокуренного, переполненного вагона. Мне казалось, что наш дачный понимал и чувствовал беды и заботы тех, кого он возил, кому служил, кого отогревал зимой спертым воздухом надышавшей толпы пассажиров. Я, школьница, тоже жила в режиме дачного. У меня отходили

застывшие в валенках ноги, клонило ко сну (6 часов – уже в поезде). Мне удавалось подремать, отдавшись воле со всех сторон стиснувшей меня толпы в проходе вагона. Сидели только те, кто ехал из более отдаленных сел. Я, кажется, даже не стояла на собственных ногах, а висела: было тепло и надежно – не упаду, и груз не тянет к полу.

А теперь опишу конкретный эпизод, внешне связанный с дачным, а по своей сути – со страданиями детей и взрослых в тылу, вдали от фронта. Этот эпизод имеет некоторую лирическую окраску, так как описан через восприятие 13-16-летних участников. В один из солнечных сентябрьских дней я, девятиклассница, помогала в уборке картошки соседке по делянке, работнице МТС, откуда два года тому назад ушел на фронт мой отец. Помощь оплачивалась «натурой»: картошка была твердой разменной валютой. Продав одно-два ведра на рынке в Барнауле, мы могли купить самое необходимое: соль, керосин для лампы, спички – без коробка, в рассыпную и меркой, с плоской серной зажигалкой, и бесценный кусочек мыла и для стирки и для умывания одновременно. «Чистых» денег никто из работавших в селе и «безработных», как наша семья, лишенная отца, не имел.

Кроме меня, одинокая женщина пригласила в помощь и молодого юношу, возможно, на год-два старше меня. Кто он, я не знала: дальний родственник хозяйки или эвакуированный; может быть, фэзэушник. Хозяйка называла его Игорем; мы почти не общались с ним. Оба чувствовали себя скованно и старались скрыть свое смущение усердной работой. Картошку выкопали в один день. Образ незнакомого паренька мелькнул в моем сознании, как случайный встречный, и растаял. Я бы его вскоре совсем забыла, если бы не злополучная поездка в город с очередной продажей картошки. Вечером я ожидала обратный поезд с уже пустой сумкой. Ходила вдоль железнодорожного полотна, пролежавшего внизу глубокой выемки между двумя высокими глинистыми скатами. Отсюда поезд под уклоном въезжал на железнодорожный мост через Обь. На пути в Барнаул дачный, не доходя до вокзала, высаживал почти всех пассажиров в этой выемке «у лестни-

цы», откуда рабочим было близко к своим заводам. «У лестницы» горожане часто встречали торговцев продуктами. Поэтому понятие «у лестницы» было таким же расхожим, как и слово дачный.

И в тот день к вечернему поезду стекались утомленные за долгую смену рабочие, в мазутной одежде, с угрюмыми, ко всему равнодушными лицами. Было по-осеннему холодно: шел октябрь. Надо было двигаться, чтобы согреть себя движением. И я ходила и ходила, нетерпеливо оборачиваясь в сторону вокзала. И вдруг я увидела его, того застенчивого паренька, с которым в теплый сентябрьский день копала картошку. Боже мой! Зачем я подняла глаза выше серой усталой толпы? Его вид отдался в душе острой болью. Он не ходил, как другие и как я. Он сидел на склоне горы – один, обособленно от других. И я увидела, что он босой. Совсем разутый. Я – словесник – повторяю, нарушая нормы литературного стиля: он был «без ничего» на голых ступнях. Я отвернулась, чтобы не встретиться с ним глазами. Но ведь он сидел на склоне, выше толпы, и, конечно, уже мог заметить и узнать меня. Я поняла, что ему не только холодно, но и стыдно идти в толпу, где люди будут видеть, как он босыми ногами скользит по склону горы, шагает по шпалам, взбирается по уже обледеневшим ступеням вагона... Я сама, каждодневно выполнявшая непосильную для подростка работу, одетая в многократно перешитую и штопаную одежду и обувь (одну на троих), перед этой беззащитной и унижительной бедностью паренька-ровесника испытала жгучее чувство жалости и неловкости. Воображение дорисовывало крайнее неблагополучие судьбы чужого мне одинокого сверстника. Бедствовали все, но уже тогда я твердо понимала, что чужое горе бывает не менее тяжким и болезненным, чем свое собственное. И надо было выстоять, выжить ради завтрашнего дня, ради победы.

Эвакуированные. Мои учителя

Война до самого основания изменила лицо деревни, ее будни, ее жителей. Деревня приняла под свой кров много новых людей, эвакуированных из Москвы, Ленинграда, Одессы и других городов. Зигзаги исторической и политической жизни страны и Европы забросили

в сибирскую провинциальную глубинку детей из Польши. В течение всего военного времени в Зудилове располагался Детский дом для польских детей, чьи родители – высшее польское офицерство – были расстреляны... Только недавно трагедия польской Катыни получила мировую огласку. Осталось в памяти несколько моментов из жизни этих несчастных жертв преступной политической игры. Польские дети моего возраста и чуть постарше носили необычные головные уборы, по которым мы и отличали их: не круглые картузы или фуражки, а странные для нас четырехугольные. Не знаю, овладели ли они за годы своей «ссылки» в сибирский детдом русской речью (мы с ними не общались), но приходилось слышать колоритную русскую ненормативную лексику, когда они небольшими группками проходили по селу к дачному поезду.

В Зудиловской 7-летней школе появились новые учителя – эвакуированные из Москвы и Ленинграда биолог Ида Соломоновна и математик Евгения Яковлевна. Фамилии их я не помню, но отчетливо сохранились в памяти их образы: внешний облик, манеры, характеры и глубоко тронувшие душу моменты из нашей школьной жизни военного лихолетья. Прекрасные специалисты в своей области, они способствовали повышению качества нашей школьной подготовки и, несомненно, сдвигам в нашем нравственном развитии. Я тогда училась в 7 классе.

Биолог Ида Соломоновна – милая и забавная, как нам казалось, старушка из Москвы. А ей в то время было не более 50 лет. Поражал ее интерес к нашему деревенскому быту и к людям. Она легко располагала к себе знатоков алтайской природы, особенно «травников». Так же легко приспосабливалась к суровым условиям деревенского быта, к жизни под чужим кровом.

С поразительной ясностью вспоминается один конкретный эпизод на уроке биологии. Как и все местные дети и взрослые, Ида Соломоновна – москвичка – была до бедности скромно одета. В классе холодно. Все укутаны во что только могли. Учительница поймала на себе чей-то внимательный взгляд. Ученик рассматривал дыры на ее

стареньком вязаном жакете. В крайнем смущении, не поднимаясь из-за учительского стола, она стала неловко снимать с себя эту домашнюю одежду, последовавшую за хозяйкой в далекую Сибирь. Не меньшее смущение испытали и ученики за свою невольную наблюдательность. Все мы почувствовали общность беды, тяжких невзгод, в которые война ввергла и деревенских детей, и столичных учителей.

Математик Евгения Яковлевна оказалась в нашей деревне со своим сыном Гланом лет 17-18, высоким, худым и до белизны бледным. Таких детей в состоянии дистрофии привозили к нам из Ленинграда.

В памяти сохранился еще один момент, как будто запечатленный скрытой камерой. На уроке математики мы выполняли самостоятельное задание. Все склонились над тетрадями. В какой-то момент я оторвалась от тетради и взглянула на учительницу. Меня поразило лицо Евгении Яковлевны. Она сидела за учительским столом и смотрела не на нас, а поверх наших голов, в одной ей ведомую даль. А в глазах ее стояли слезы. Она плакала молча. Я поспешила опустить глаза, уткнувшись в тетрадь. Но меня уже занимало не задание, а невысказанные мысли и переживания учительницы. Куда они унесли ее в те тихие минуты урока? Иногда к концу уроков к школе подходил ее сын, и они уходили вместе на чужую квартиру, - она, хрупкая, маленькая горожанка в фетровых ботиках на каблучках, и рядом с нею размеренно вышагивал высокий и тощий, как тростинка, ее сын. О чем и о ком тогда страдало и плакало ее сердце? Приезжие учителя не говорили с учениками о своем прошлом, о прежней жизни. Я только строила свои предположения о нелегкой судьбе этих людей, с которыми нас свела война.

У многих в ту пору были свои тайны, свои особые драмы и трагедии, но само время, атмосфера военной поры делали их общими, типическими. Уже тогда я осознавала то, что годами позже Константин Симонов выразил словами: «Чужого горя не бывает». Евгения Яковлевна была нашим классным руководителем. Однажды по какому-то официальному поводу она уточняла сведения, чьи отцы ушли на фронт. Дошла очередь до Лоры Малярик, девочки из Одессы. Оче-

видно, уже приученная дома к фигуре умолчания, Лора ответила учительнице: «Я Вам скажу на перемене». Ответ нам показался странным, но учительница тактично не заметила этой странности. «Хорошо», - кивнула она головой. Многим из нас, семиклассников, пришла догадка: не все отцы защищают Родину; многие ушли в «безвестность» - или попали в плен, или «пропали без вести» и родные не получили «похоронку», или осуждены как враги народа еще до войны. В классе было немало таких тайн.

Мы подружились с Лорой, она часто бывала у нас дома, с благодарностью выпивала кружку молока, которым мама каждый раз угощала девочку-одесситку со смоляными черными бровями и ресницами и до странности голубыми, как ясное небо, глазами. Особенность этой красивой и умной девочке придавала и ее певучая речь. Надо было видеть, с каким внутренним достоинством, с осанкой и походкой балерины неспешно вышагивала по деревенской улице южанка Лора. Жалко было нам расставаться, когда пришло время ее возвращения в освобожденную от фашистов Одессу.

Ленинградец М.Г. Левицкий

Близким нашей семье в годы войны стал ленинградец Михаил Георгиевич Левицкий, эвакуированный сначала в Уфу, а потом к нам, в Алтайский край – в Зудилово. Его приняли на квартиру родители моей одноклассницы Шуры Т. В двухкомнатной избе теснилось шесть человек. Для М.Г. пространство заключалось только в привезенной в эвакуацию раскладушке, которую развешивали на ночное время посреди «горницы».

Покоряли в этом пожилом человеке терпимость к людям, истинная интеллигентность, чуткость к чужой беде, удивительная деликатность и щедрость души. По образованию он, кажется, был ученый-биолог. Жена его погибла в блокадном Ленинграде, там оставались квартира и какие-то родственники. Часто бывая у нас в доме, он никогда не сетовал ни на судьбу, ни на неудобства своего сегодняшнего неустроенного быта. Как искренне он выражал свое сострадание и сочувствие, когда в наш дом пришла похоронка! Как он хотел помочь

нам в преодолении отчаяния! И как трогательно поздравлял меня в день 15-летия! Он – эвакуированный и одинокий ленинградец, познавший, что такое голод и дневная норма – кусочек хлеба в вымирающем осажденном Ленинграде, - принес в подарок мне маленькую булочку хлеба в ладошку величиной, бог знает из какой смеси муки. Он знал, что наша семья не имеет работника, поэтому всю войну не получала продовольственных карточек, о хлебе лишь могла мечтать. А М.Г., человек необыкновенной силы воли и творческой активности, быстро вошел в жизнь села, сблизился с членами промартели «Верный путь» и там оказался необычайно деятельным работником. Он возродил гончарное дело – производство глиняной посуды, в которой нуждалась до крайности обедневшая деревня. И промартель взяла ленинградца М.Г. под свою опеку. Мама всегда его угощала картошкой и молоком. Это было вполне объяснимое взаимное сочувствие людей в условиях жестокой войны.

Ко мне Михаил Георгиевич всегда обращался на «вы», чем до крайности смущал меня, так как я была не по годам маленькая и худая. Лишения, тяжелые переживания и непосильный труд затормозили мое физическое развитие. Я сама осознавала, какой неказистой я должна была казаться со стороны, и это приносило мне еще более горькие переживания.

Однажды он принес мне в подарок зимнюю шапочку. Сам сшил ее из черного крашеного кролика, распоров что-то из сохранившихся от прошлого вещей. По форме – такую, какую позже называли «таблеткой». В прежние годы, кажется, такие шапочки носили гимназистки, молоденькие городские барышни. Мы же в деревне носили платки, шали. Я упрямо отказалась от дорогого подарка, немало огорчив М.Г. Он от щедрой души хотел сделать мне приятное, а мне было стыдно признаться в том, что его шапочка казалась слишком светской. Вот если бы она была не «таблеткой», а шапкой с длинными ушами! Я не понимала, что по невежеству смешивала мужскую шапку с дамской. М.Г. не смог меня убедить и с огорчением унес шапку обратно. Как же мне было досадно, когда я через несколько дней

увидела эту шапочку на голове Шуры – дочери квартирной хозяйки М.Г. и моей подруги. Для меня это был хороший урок общения с истинно добрым и интеллигентным человеком. «Так мне и надо! Так мне и надо!» - корила я себя за свое дикарство.

Михаил Георгиевич Левицкий оставил глубокий след в судьбе нашей семьи. После снятия блокады в Ленинград из Барнаула возвращался строительный институт, где учились мои брат и сестра. М.Г. дал им адрес своих родственников в Ленинграде, которые на первое время приняли к себе студентов-сибиряков. Трудно теперь представить, какой мерой можно измерить и оценить благородство людей, переживших угрозу голодной смерти, бомбежек и полной разрухи и, тем не менее, способных приютить у себя далеких, чужих студентов. Правда, нашим студентам вскоре предоставили общежитие, но учебные занятия на целый год – на один курс обучения – заменили восстановительными работами, лесозаготовками, строительством Пискаревского кладбища-мемориала и других объектов Ленинграда.

Когда я впервые оказалась в Ленинграде, а это был 1969 год и первый набор методистов педвузов страны на ФПК (факультет повышения квалификации), мне не нужен был гид по уже восстановленному Ленинграду: я узнавала основные его архитектурные достопримечательности по описанию и эскизам брата. Мне было горестно и приятно осознавать, что частицу труда и здоровья в возрождение Ленинграда вложили мои близкие – уже давно к тому времени умерший брат и старшая сестра Лена. Лесозаготовки в Карелии и у финской границы на всю жизнь оставили след в ее нездоровом позвоночнике и почках. Но Ленинград стал близким городом для нашей семьи. Самые светлые воспоминания и впечатления о нем у меня связаны и с ЛГПИ им. А.И. Герцена, заочной аспирантурой и защитой кандидатской диссертации уже в совсем другую эпоху. Много изменилось в жизни страны, судьбах людей уже новых поколений. Но неизменным осталось благородство и истинная интеллигентность теперь уже не-

многих старожилов Ленинграда. К ним я причисляю и своего бывшего научного руководителя Марка Григорьевича Качурина.

Жизнь без отца

В воспоминаниях о военных годах своего детства и юности я сознательно оттесняла к концу те моменты, которые непосредственно связаны с родной семьей и с моим собственным участием в происшедших событиях. На первый план я выдвигала среду, обстановку и людей, через судьбы которых война прошла своим беспощадным катком. В жизни нашей семьи той поры было не меньше драматизма и тяжелых испытаний. Наше положение усугублялось еще и тем, что вокруг нас не было родственных связей. В критических и даже трагических ситуациях (гибель отца, смерть мамы, затем старшего брата) мы, дети, обращались за помощью к добрым соседям. Нам помогали в беде просто жители села. Их участие поддерживало веру в добро, укрепляло волю к жизни.

С уходом на фронт отца все домашнее хозяйство легло на плечи нездоровой мамы и на нас, двух младших детей. Наше хозяйство – это небольшой огород, дополнительный участок земли от МТС, тайком вскопанные несколько квадратных метров целика в пролеске за селом под просо, корова и две овцы. Все это нас кормило, одевало и обувало. А обрабатывать все это по-хозяйски мы научились с малых лет. Со всех статей «дохода» мы платили госпоставку. Это было нашей помощью фронту: теленок или овца – мясopоставка, 215 литров молока плюс обязательный начет до 300 литров, якобы, за недостающую жирность молока; сколько-то полагалось сдать шерсти. Признаюсь, отрывали это от себя с болью, но твердо понимали, что этим помогаем стране, фронту в борьбе с фашистами. Утомляли только длинные ежевечерние очереди в единственном на селе пункте приема молока. Но хозяйство помогало выжить. Официально работников в нашей семье не было. На самое необходимое, как я уже отмечала выше, продавали картошку и молоко. Этот была моя обязанность. Витя еще был мал.

По окончании местной 7-летней школы я с двумя своими подругами продолжала обучение в старших классах соседних школ: 8 класс – в Белоярске, 9 и 10 – на станции Повалиха, в железнодорожной школе № 101. Дорога в школу и обратно ежедневно составляла 10-12 км, к тому же через лес. Не досыпали по утрам, испытывали постоянное чувство голода. Какой манной небесной нам казалась «подкормка» в железнодорожной школе: один раз в неделю нас поддерживали маленьким кусочком хлеба, не более 100-150 граммов, и один раз в месяц давали стакан сахара, иногда его заменяли несколькими эрзац-шоколадными конфетами из сои. В те годы мы еще не знали слова «жвачка»; сейчас никого не шокируют ни в школе, ни в общественных местах жующие рты. А в те годы никого не удивляло, что даже во время урока, не выдерживая голода, кто-то из учеников начинал грызть жмых. По просьбе делился с другими в ответ на шепот: «Дай откусить». Каким вкусным казалось это лакомство, особенно если жмых был не хлопковый, желтый и сорный, а подсолнечный!

Мы, зудиловские школьницы, брали с собой в школу по несколько вареных картофелин. Но до школы их не доносили, стеснялись. На выходе из леса под условленной сосной мы зарывали в снег свои мешочки с картошкой. На обратном пути отогревали картошку у своей груди и ели, утоляя хоть в какой-то мере непреходящее чувство голода. С горячим чувством благодарности и теперь вспоминаю учительницу математики – она же руководитель 10-го класса – Ольгу Владимировну Новикову. Как заботливо она встречала нас в зимние буранные дни: не замерзли ли мы, идя из другой деревни? Не обморозились?

В старших классах в расписании появились новые предметы: военное дело (разборка, сборка, смазка всех деталей боевой винтовки, маршировка и прочее) и санитарная подготовка (оказание первой помощи раненому, наложение шины, перевязки всех видов). Для наглядности водили в госпиталь, где лежали тяжелораненые. Все это мы воспринимали с чувством огромной ответственности. Кстати, необходимо сказать, что военное дело преподавал молодой красавец-

фронтовик с черной повязкой на одном глазу, что внушало нам особое уважение к его предмету.

В те годы в школе не возникал вопрос о дисциплине. Кажется, все мы повзрослели досрочно. Преодолевали трудности с нехваткой, а то и полным отсутствием учебников. Так, в выпускном 10-ом классе был единственный экземпляр учебника по литературе. В руки попадал по очереди. Помогали консультации. Устные уроки мы учили по дороге домой: одна из нас читает, две другие поддерживают под руки, затем пересказываем прочитанное. Так мы экономили и время, и свет. Письменные задания выполнялись дома при керосиновой лампе. Учили уроки даже перед дверцей печки, которая давала не только тепло, но и мерцающий свет сквозь отверстия для тяги. Не скрою, что к некоторым урокам мы относились без особого старания. В школе не было химических приборов и веществ, не проводились опыты. Об учителе химии, очень пожилom «брюзге», запомнились только его частые назидания: «Не обольщайтесь, что ваш путь будет усыпан розами». Мы знали, что это говорилось в упрек его непутевому сыну. Явно не хватало нам знаний и по географии. Помню, как при поступлении в Барнаульский пединститут на экзамене по географии я «плавала» указкой по Волге, отыскивая на карте неизвестные мне Жигули. Необъяснимо, зачем нужен был этот экзамен для будущего филолога.

Трудовые каникулы военного времени

В летние каникулы с начала войны и до ее конца (6-10 классы) все школьники в возрасте от 12 лет и старше были «трудообязанными». Мы выполняли все сезонные работы в общественных хозяйствах, помогая взрослым женщинам и старикам. Все сельхозугодья располагались вдали от села, за широкими лентами соснового бора. Поэтому нас, детей, отвозили на долгое время, до очередного мытья в банях, на полевые станы колхоза. В этих поездках «гуртом», в телегах – сидели спина к спине в два ряда, болтая ногами – мы находили особое удовольствие и своеобразную поэзию. Ведь хоть раз в жизни надо было видеть, как волнами колыхается, переливаясь на солнце, золотистая рожь или пшеница, как шепчет в такт ласковому ветерку совсем

светлый поспевающий овес. И весь этот пейзаж – не на картине Шишкина, а вживую! Во время езды отступали невзгоды, брала свое потребность детей в светлых впечатлениях, в смехе и пении. И мы отдавались этим коротким минутам веселого путешествия на поля «битвы за урожай».

Прошло уже почти три четверти века с того времени, но я возвращаюсь памятью к тем годам и удивляюсь: как много знаний и умений нам привили эти школьные годы с их обязательными трудовыми каникулами, как научили любить и понимать родную природу и людей, живущих в гармонии с ней и по ее законам. Все лето мы работали. Самой прозаичной и утомительной казалась прополка свекольной и картофельной плантаций, так же, как и поздняя, по холоду, уборка этих культур: обрезка ботвы свеклы, укладка ее в огромные кучи. И утомительно, и грязно, и холодно. Как и у взрослых, болели спины.

Разнообразнее и интереснее были работы на зерновых, начиная с вязки снопов и до сушки зерна. Женщины быстро научили нас делать «вязки» из осоки или стеблей пшеницы (ржи); мы ловко скручивали их, прижимая под мышкой то один, то другой конец вязки. Умело вязали снопы и составляли их в «суслоны» для проветривания и просушки. И сами любовались, какими аккуратными и надежными в случае непогоды оказывались наши «суслоны». Притерпелись и к тому, что за день такой работы жгло голые руки и ноги, исцарапанные жесткой сухой стерней.

Комбайнов на уборочных работах не хватало, поэтому на них работали и днем, и ночью. И мне довелось поработать подручной на этой хлебоуборочной машине. Рядом, вплотную с комбайном и в ритме с ним, идет лошадь, запряженная в телегу с бортами. Мы вдвоем с напарницей или напарником-мальчиком, стоя на маленькой площадке комбайна, подставляем мешок под струю зерна, которое течет из бункера. Наполненный наполовину мешок надо быстро и ловко подхватить и высыпать в телегу, чтобы снова без промедления подставить его под струю. Наготове и запасной мешок. Процесс

уборки не прерывается. Однообразие и заданный комбайном темп работы быстро утомляет. Взрослые, возчик и комбайнер, следят, чтобы их «подручные» подростки не угодили из-за оплошности или усталости под колеса машины или телеги. А мы невольно поглядываем на солнце: скоро ли конец рабочего дня? Но настоящий аврал мы переживали в момент молотьбы. Как правило, молотилку устанавливали поздним вечером, так уплотняли рабочие сутки. Днем – на ниве, ночь – на току. К молотьбе готовились особенно тщательно, как к какому-то торжественному и очень ответственному действию. Каждый из участников знал свое место и свою часть работы: подавать и развязывать снопы, умело бросать и разравнивать их на непрерывно движущемся полотне трансмиссии; отсюда с заданной скоростью снопы попадали в барабан молотилки. Бригадиру стоило большого напряжения управлять и агрегатом, и своими помощниками-детьми, чтобы вместе со снопом никого не затянуло в барабан молотилки, чтобы никто не потерял руки.

По окончании обмолота мы едва узнавали друг друга под толстым слоем половы и пыли. Уборочная страда продолжается. Нам предстоит работать на очистительной машине «клеifton». Это тип ручной веялки, какую сегодня, наверное, уже не встретишь на токах. Для детей «клеiftonить» зерно – нелегкая работа, хотя поначалу кажется простой: черпай «плицей» зерно из большой кучи и высыпай его в пасть веялки, которую рычагом-воротом приводит в движение твой напарник. Провеянное зерно течет на чистый ток, а полу относит в сторону. Мы попеременно меняемся местами, но детские неокрепшие руки одинаково устают и от той, и от другой работы. Едкая пыль щиплет глаза, прилипает к потному лицу. Руки отказываются поднимать даже наполовину наполненную плицу, а огромная куча намолоченного зерна, кажется, совсем не убывает.

Через некоторое время нас выводят на ток «лопатить» зерно. Это, кажется, самая тяжелая и нудная работа. Деревянными лопатами мы пересыпаем зерно, передвигая огромные бурты едва заметными волнами с места на место. Но какая это ответственная работа! Нельзя до-

пустить, чтобы зерно «загорелось» от избытка влаги. Наверное, в лучшие времена эту работу выполняют элеваторы или другие более совершенные машины, чем деревянные лопаты в руках слабосильных детей. Зато каким вкусным казался нам в те незабываемые дни первый кусок хлеба из нового урожая, с легкой горчинкой и запахом полыни! Там, на полевом стане, я познала вкус свежего хлеба из первых убранных снопов, который спешили отправить на фронт. И каким сладким казался короткий сон на свежей соломе в сарае, вповалку, всей гурьбой. Сон побеждал желание посмеяться озорными безобидными проделками или смешными байками за полночь.

На колхозном стане научились мы работать и «цепами», наиболее древним подручным орудием для молотбы зерновых. Но мы молотили цепами не пшеницу или рожь, а разбросанные на току сухие плети гороха. Цеп требует сноровки и осторожности, чтобы не подставить под удар его подвижного «била» свою или чужую голову. Недаром в народе известны пословицы о цепях: «Мужика не шуба греет, а цеп», «Не столько намолотил, сколько голову набил». И вымолоченный горох скоро приелся до тошноты, так как он входил в наше полевое меню почти ежедневно в виде горошницы или горохового супа, почти ничем не приправленных.

Агроном Саша

По ассоциации с моим личным опытом участия в уборочной допуская отступление. После 8 класса трудовые каникулы я проводила в подсобном хозяйстве МТС, откуда на фронт ушли почти все мужчины, в их числе – и наш отец. Рабочих рук не хватало. Среди нескольких женщин, трудившихся на подсобном хозяйстве, я была одна школьница. Занимались прополкой, уборкой проса, фасоли, редкой в те годы культуры в Сибири, а также картофеля. Здесь, не смущаясь моим присутствием, женщины обсуждали свои и чужие проблемы и секреты, балагурили, развеивая тоскливую атмосферу военных буден. А я среди взрослых привычно молчала.

В один из таких дней к нам присоединилась молодая миловидная девушка. Появилась она в сопровождении мужчины в военной форме,

который вскоре удалился до окончания рабочего дня. Так он приво-
дил ее несколько дней. Вероятно, сам возраст сблизил нас, и она до-
верительно рассказала мне свою историю. Я узнала, что Александра
Васильевна, как ее представил нам конвоир, хотя она просила назы-
вать ее «просто Саша», - выпускница сельскохозяйственного инсти-
тута, по специальности агроном. Окончание вуза совпало с началом
войны. Ее, горожанку, направили на работу в большое зерновое хо-
зяйство Алтайского края. Урожай выдался большой, а осень – дожд-
ливая. Зерно сумели убрать и обмолотить, а вывезти на элеватор или
просушить в зернохранилищах не смогли. Зерно в огромных буртах
стало «гореть». Чем это должно было кончиться, понимали все – и
сама Саша, и районное начальство, но помочь было некому и нечем.
Саша с грустным юмором рассказывала, как она, промокшая и про-
дрогшая до костей в осеннюю непогоду, снимала свои холодные ре-
зиновые сапоги и погружала застывшие ноги в горячую кучу пропа-
дающего зерна. А местный колхозный бригадир подходил к ней, со-
чувственно качал головой и говорил: «Ох, Александра Васильевна,
Александра Васильевна! Нагреешь ты себе лет 10 лагерей по всей
строгости законов военного времени». Она и сама знала, что молодого
неопытного агронома обвинят в невольном вредительстве. Так она
попала в Зудиловскую ИТК (исправительно-трудовую колонию).

Меня тронул ее грустный рассказ, хотя по натуре, казалось, она
не была пессимисткой, не впадала в отчаяние, понимая объективную
неотвратимость такого поворота в своей судьбе. Мне, 15-летней дев-
чонке, она открыла свою душу, поделилась, как ей казалось, единст-
венно возможным способом смягчить свое положение. Она чувство-
вала к себе благосклонное отношение конвоира, крепкого мужчины
средних лет, и думала: если она родит ребенка, возможно, ей сократят
срок наказания. Кто знает?

Случайная встреча с Сашей, с порога вуза ввергнутой в суровую
трудовую жизнь военного времени, «без вины виноватой» в порче
хлеба, так нужного фронту, детям тыла, вымирающим от голода в
блокадном Ленинграде и других городах страны, - глубоким резцом

прочертила неизгладимый след в моей памяти, углубила понимание чужой души, драматизма жизни, трагедии человека, угодившего в жернова военной «машины времени».

Сенокос

Начинался сезон заготовки сена в местном колхозе. Косили траву конной косилкой, но ворошить и подсушивать ее доверялось школьникам. Мы помогали укладывать сено в валки, а потом верхом на смирной лошади, на которую подсаживали нас старшие, без седла, с помощью «волокуши» свозили сено к месту скирдования. Укладывали сено в скирды, большие стога, самые опытные колхозницы и очень редко мужчины. Иногда и нас, самых проворных и ловких, ставили на возводимые стога, чтобы мы помогали равномерно укладывать пласты и утаптывать их ногами. Нельзя было допустить пустот, чтобы дождь не сгноил сено.

Помощь колхозу в заготовке корма для общественного скота имела и другую форму, уже лишенную для нас всякой романтики и забавы, подобной езде с волокушей. За сезон сенокоса надо было заготовить на зиму сено не только для колхозного стада, но и для собственной коровы. Жить в деревне без коровы-кормилицы было невозможно, а корову надо было как-то кормить. Заготовка сена для нас, малолетних детей и больной мамы, поистине была каторжной работой. Покосы отводились только на колхозной земле, вдали от деревни, за «казенным» бором. Косьба – не детский труд, а в условиях войны и недостатка рабочих рук в колхозе наши тяготы усугублялись необходимостью отработать за покос. Нужно было поставить две копны колхозу и только третью – себе. И мы научились отбивать и «править» косу, умело работать с брусом. В жаркую пору коса быстро тупилась от жесткой травы. Косить легче по росе, но наш путь на покос был очень долог, не менее 10-15 км. Какими же бессильными оказывались тонкие детские руки, которые после двух-трех взмахов «взрослой» косой беспомощно втыкали ее острие в землю, не хватало сил дотянуть ее до нужной ширины прокоса. С особой заботой и ответственностью мы ворошили-сушили валки, сгребали сено и

ставили его в копны, прикидывая их размер таким образом, чтобы каждую можно было уложить на двухколесную ручную тележку. Тележка в те годы была обязательной принадлежностью каждого сельского двора. Без нее, как без рук, значило быть и без дров, и без сена. Мы втроем все лето не выпрягались из этой тележки. Особенно тяжелой казалась нам дорога «туда» - за сеном (как и за дровами в казенный бор), с *пустой* тележкой. Наивная детская психология: тащить пустую тележку, даром тратя силы! За день мы могли сделать лишь один рейс с многократными передышками, со скудным дорожным обедом: картофельные драники, пироги с кислой смородиной, подслащенной свеклой, в картофельной корочке – род зразов.

Как горько нам было, когда в сезон заготовки сена и дров у нас украли хорошо слаженную тележку. Трудно было добыть другие колеса, а они оказались широкими и тяжелыми от какой-то сельхозмашины. Мы шутили: колеса от трактора. Все остальное сумел соорудить наш 10-11-летний незаменимый домашний умелец Витя. Он соорудил и домашнюю крупорушку для очистки проса, сам чинил крышу сеновала, сделал хитрый запор для хлева, где мы держали корову и две овцы. Однажды зимней ночью известный всей деревне вор ломиком исковырял дверь хлева, предварительно закрыв входную дверь в наш дом наружной летней задвижкой. Но хитрый запор ему не поддавался. Мы пережили тревожную ночь и благодаря бдительности нашего сторожа Шарика.

К слову пришлось, поэтому упомяну печальную историю самого верного нашего домашнего сторожа. Дело было в зимнюю пору. Я ушла в школу в одно село, а мама пошла за солью на станцию Повалиха. За нею увязался Шарик, ставший полноправным членом семьи. Мама не смогла его вернуть, и он сопровождал ее до самого магазина. А там в помещение его не впустили. Как выл он и звал хозяйку на помощь, когда мама стояла в тесной очереди и чувствовала сердцем неладное. Выйдя из магазина, она не обнаружила Шарика. Как ни звала его, как ни металась вокруг магазина, его нигде не было. Злоумышленник увел собаку, обольстившись густой шерстью, а может

быть, и мясом большой собаки. Для нас эта потеря была настоящей трагедией. Мы все плакали, а маме было особенно тяжело и от сознания своей вины. В отчаянии мы вдвоем с нею, утомленной и подавленной горем, решились на совсем уже безрассудный шаг: далеко за полдень, зимой, мы снова пошли в злополучную Повалиху искать Шарика. Авось, он вырвался из злых рук и откликнется на наш зов, побежит нам навстречу.

На обратном пути, помню, от усталости и тоски у меня было одно желание: лечь в мягкий снег на обочине дороги и отдохнуть... Но я понимала, что этого делать нельзя. Мы завели другую собаку, но любить ее так, как умного верного Шарика, уже не могли.

Натруженные с детства непосильным трудом, недетской ношей, руки, ноги и сердце дают себя знать и поныне. Но в те тяжелые годы войны подобные испытания и беды были знакомы многим, если не всем.

Большие трагедии маленького села

Страшная война не щадила никого и в далеком тылу. Вспоминаю нескольких учителей Зудиловской школы, которые один за другим уходили от нас молодыми. Казалось, они появлялись в Зудилове лишь для того, чтобы в окружении прекрасной природы скрасить свои последние дни до боли короткой жизни. Это два учителя истории, преподаватель английского языка, мой старший брат, в течение двух лет преподававший литературу и рисование.

Не могу не упомянуть еще две трагические истории, связанные с семьями моих одноклассников. У Вани Г. отец был расстрелян в 1937 году, а мать погибла на своем рабочем посту: вместе с другими женщинами во время весеннего ледохода она откалывала льдины вокруг мельничной плотины. Вместе с льдиной унесло и ее. Осталось четверо детей-сирот. Ваня до сих пор остается верным памяти наших школьных лет и нашей дружбе, дает о себе знать в памятные даты. Окончил военную академию.

Л.Н. Толстой писал, что каждая несчастливая семья несчастна по-своему. Верное наблюдение писателя я хочу подкрепить примером

местного значения, памятного с тех давних военных лет. В моих «мемуарах» не оказалось места одной стороне жизни, без которой немислимы ни сама жизнь, ни искусство. Любовь. Но и любовные коллизии в те годы окрашивались в мрачные тона и чаще всего разрешались трагическими финалами.

Запомнилась точная дата – 14 апреля 1942 года. Семиклассники уже знали: это дата смерти поэта революции В.В. Маяковского. Знали и слова его записки: «Любовная лодка разбилась о быт...». Весна пришла в наш далекий от фронта уголок. Ярко светило солнце, снег лежал только в тени высоких сосновых борков. В этот день среди школьников разнеслась весть о смерти Клавы К., сестры нашего одноклассника Пети. Клава двумя годами раньше окончила нашу школу. Их отец был директором санатория, где долечивались раненые с фронта и инвалиды войны. Нас удивило совпадение дат – 14 апреля. А вскоре стали известны и обстоятельства ее смерти. Она застрелилась. Та же дата – и то же самоубийство. Нас мучила тайна, было очень жаль Клаву. Догадывались, что день она выбрала не случайно, она его ждала, этот день. Семья явно не хотела придавать огласке детали этой трагедии. И тем не менее, они стали известны. Оказалось, что миловидная и совсем юная Клава (не более 16 лет) подружилась с одним из фронтовиков. Он вскружил ей голову, и она уже ждала от него ребенка. Тайна этой любви стала известна родителям. Отцу приписывали суровость осуждения дочери. Возможно, смалодушничал и соблазнитель. Так или иначе, Клава решила сама разрубить этот «гордиев узел». Ночью в постели она застрелилась из отцовского ружья. В судьбу молодых людей вмешался не просто «быт», а война.

Семья Пети К. казалась односельчанам благополучной, интеллигентной. Много ли директоров в те годы было в деревне? Но, побывав в Зудилове уже в другой период (60-ые годы), навестив могилы своих родственников, я узнала от бывших соседей финал истории семьи К. Мать умерла вскоре после смерти Клавы. Петя работал в Барнауле и очень бедствовал со своей собственной семьей, пока не погиб под колесами дачного. Отец одиноко и долго доживал на территории того

же Дома отдыха, ничем не помогая семье сына. Замечали его «помешательство». А обряжая его самого в последний путь, люди обнаружили в его носках тугие обертки из денежных купюр. Трагедия и фарс – две стороны жизни обывателя-отца.

Победа

Как я отмечала выше, 9 и 10 классы я заканчивала в железнодорожной школе № 101 станции Повалиха. Летом 1944 года я работала на зудиловском участке этой железной дороги. Мне поручали посильные виды работ на полотне железной дороги. Я красила известью «пикеты» - чугунные столбики, обрезки рельса, вкопанные в песчано-щебневую насыпь на расстоянии 100 метров друг от друга (это «вешки» - мерки полотна дороги). Лопатой я копала ямки близ шпал также через 100 метров и брала пробу грунта в специальные пронумерованные пакеты. Так проверялась надежность грунта насыпи, на которой укладывались шпалы и крепились рельсы. Казалось, несложная работа, а к вечеру ломило спину, но я проникалась важностью выполняемой работы; она служила безопасности движения поездов. И не только дачного. Я здесь наблюдала, как через определенные промежутки времени, без гудка (дачный всегда подавал гудок), на большой скорости мимо нас мчались военные эшелоны с орудиями, прикрытыми брезентовыми чехлами. Сквозь них выделялись очертания танков и других орудий. Эшелоны шли в обе стороны, и мы знали: этот – уже на фронт, а тот – в обратном направлении – на барнаульские ремонтные заводы. Мчались составы и с цистернами, и с типовыми товарными вагонами, с приоткрытыми вверху щелями в дверях: это везли на фронт бойцов. С тех пор мне помнятся паровозы с большой красной звездой впереди, а над ней слова – «Колонна ГКО» (Государственный Комитет Обороны).

Именно в Повалихинской средней железнодорожной школе № 101 9 мая 1945 года нам, собравшимся на первые уроки первой смены, сообщили об окончании войны, о такой долгожданной победе. Под ликующие визги и крики «Ура!» на коротком импровизированном митинге директор школы поздравил всех учеников и учителей с

великой Победой и, как птиц в святое Благовещение, отпустил всех по домам. Занятия, конечно, были отменены.

Сегодня может показаться парадоксальной выдумкой, но это действительный факт: в село Зудилово, живущее предчувствием скорой победы, весть о ней принесли 9 мая мы, три десятиклассницы. Не принесли, а примчали. Радио и телефона в селе не было, а дачный приходил из Барнаула только после обеда.

Было тихое солнечное майское утро. Мама и братишка Витя работали на вскопанной грядке. Мое неурочное появление удивило их, а потом вызвало долгие горючие слезы. Это были слезы и радости, и бесповоротного прощания с погибшим отцом. Никогда еще нам не было так одиноко и больно. Это сложное даже не чувство, а противочувствие. В этот день мы больше не работали в огороде. Не было сил, были только горькие воспоминания. А вперед, в завтрашний день нам было тревожно заглядывать.

По существу, кончался зудиловский период нашей жизни. Я в том же победном году поступила в Барнаульский педагогический институт. Но в Зудилово нам с младшим братом еще предстояло похоронить маму и брата Льва, расстаться с родительским домом, который никого из жителей села из-за крайней бедности уже не мог порадовать своим светлым обликом, палисадником вокруг дома с буйно цветущими астрами, с аккуратным штaketником вокруг двора с травой-муравой и стройными березками, посаженными мною перед домом.

Дом мы с сестрой определили 15-летнему Вите, ставшему студентом Барнаульского строительного техникума. Он подешевке был продан на вывоз, так же, как на вывоз был куплен отцом в отдаленной деревне.

Мы все вступили в новую, мирную эпоху жизни страны и своей собственной. Испытания, выпавшие в годы войны на наше детство и отрочество, закалили наши характеры, волю к жизни, веру в людей, выработали обостренное чувство справедливости и ответственности

за свою судьбу, за своих детей и внуков и за свое дело, которому мы служили. Верится, что жизнь прожита не впустую.

P.S. Данные мемуары ограничены рамками темы «война и детство». За их пределами – послевоенный период долгой жизни троих оставшихся младших детей родительской семьи. По всеобъемлющему закону жизни (Янус: начало и конец) в заключение считаю уместным посвятить несколько строк каждому из нас.

Прежде всего – о самом младшем. В день 70-летия Виктора мне было отрадно видеть вместе все его «гнездо», представлявшее уже три самостоятельных семьи: двое его детей и шестеро внуков. Образованные, любящие, выдержанные, тактичные. Такими можно гордиться, за их судьбу можно быть спокойными. Проводы Виктора Романовича в последний путь укрепили мои наблюдения: всех родных объединяли любовь и желание сохранить в памяти все, что связано с отцом и дедушкой. Остался в неприкосновенности рабочий кабинет отца с коллекцией искусно выполненных изделий художественной резьбы по дереву. А на стенах – только портреты детей. Талант старшего брата сказался в натуре и в хобби Виктора.

Сестра Лена не оставила наследников. На ее судьбе особенно резко и коварно отразились испытания далекой Отечественной войны. Она всю жизнь была вдали от нас, но последние годы прожила в Барнауле – «ближе к милому пределу...».

В моей семье – две дочери, трое внуков и с нетерпением спешит появиться уже третий правнук. Все благополучно в их семьях. Меня огорчает только их географическая отдаленность. Минувшим летом они все навестили с детства дорогие и памятные им места Горного Алтая.

Жизнь продолжается...

**Воспоминания и размышления поколения «Дети войны»
(1.09.1932-1.09.1945гг.)**

**Макошев Андрей Перфилович,
профессор, Почетный работник высшего проф.
образования РФ, заслуженный деятель
науки Республики Алтай,
Ветеран труда**

В 1962 г. окончил естественно-географический факультет Горно-Алтайского педагогического института, в 1975 г. – аспирантуру при Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина, в 1976 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1963 г. – ассистент, с 1967 г. – старший преподаватель, с 1978 г. – доцент, с 1994 г. – профессор кафедры экономической географии. В 1984-1999 гг. заведовал кафедрой экономической географии ГАГПИ.

Родился в 1938 году в маленькой затерянной в горах тубаларской деревушке Карасу из полутора десятка дворов, что в семи километрах от Тулойского моста трассы Турачак-Артыбаш Тондошинского сельского совета Турачакского района Ойротской автономной области (с 1948г. Горно-Алтайская АО, с 1993г. Республика Алтай). Что касается числа и месяца рождения, то большой вопрос. Дело в том, что темные неграмотные карасинцы не знали названий русских месяцев и не ведали о днях недели и числах месяца. Они жили по природному и сельскохозяйственному календарю, ориентируясь во времени по фенологическим приметам явлениям окружающей среды: первый снег, начало морозов, таяние снега, распускание почек на деревьях, прилет

птиц, пахота и работа в огороде, сенокос, уборка урожая и т.п. Например, появление съедобного растительного корнеплода кандык (кандык ай) ассоциировалась с месяцем апрель, июль – дьаан изу ай (месяц большой жары), сентябрь – время гона маралов (сыгын ай) и т.д.

Какие казусы случались с датой рождения и именами? Так, я по свидетельству рождения оказался январским, Перфил Кыстаев, родившийся на неделю позже меня – мартовским, а Яша Саракпанов спустя неделю после Перфила – апрельским. Или ребенка нарекли одним именем, а в сельском совете записали другим. Например, мне Кару эчем (тетка Кару) дала имя Меркушке, а в книге учета населения записали Андреем. Вот такие метаморфозы случились с датой рождения и именами, скорее, запись осуществляли наобум, вероятно, по подсказке работника сельской администрации.

О деревне Карасу. Село располагалось на южном склоне на множестве холмиков, разделенных мелкими родниковыми ручейками, впадающих в реку Карасу, а последняя - в реку Тулой правого притока Бии. Территория сельского поселения характеризовалась исключительным богатством природных даров: кедровый орех, калина, рябина, черемуха, малина, черная и красная смородина, земляника, кандык, колба, клюква. Речка Карасу кишела рыбой, тайга изобиловала дичью, копытным и пушным зверьем. Особенно обильными урожаями славилась земляника. Во время сенокоса косари ползали по земле, горстями поедая вкусную ягоду. Все поле было усеяно ею красным-красно. Мы, дети, ведрами собирали, ели со сметаной и молоком, но она оставалась и прокисала и шла на корм курам, которые отменно неслись. Тогда в помине не было сахара, да и не знали и не умели из нее готовить варенья и вина. Ребятишки под хвойными деревьями ставили петли на рябчиков, вилками из-под камней ловили селемов. Мужчины Карасу, как и мужское население других сел Турачакского района, состояли профессиональными охотниками промартелей. Существовал целый ритуал охотничьего промысла (сборы, отправка, быт, поведение на охоте и т.п.). Уходили без шума, спокойно и тихо.

Зато встречали добытчиков как дорогих и желанных. Всей деревней готовили сак, варили арачку, устраивали праздник. Благодарные охотники сельчан одаривали бельчатинной (мясом белки). Никто не оставался обделенным: ни старики, ни дети, ни те семьи, у которых не было мужчин (об этом мы подробно писали в книге «Тубалары», Горно-Алтайск, 2013 г.).

Село Карасу как бы условно было разделено на Верхнюю и Нижнюю части. Границей служил наиболее значительный ручей ниже нашей избушки. Команды по ручному мячу, лапте, городкам и другим играм, включая драки пацанов, формировались по территориальному признаку. Особых слов заслуживают жители села: добрые, радужные, открытые, гостеприимные. Жили как единая братская семья. Праздники отмечали вместе всей деревней. Привычны были взаимовыручка, взаимопомощь, сострадание и сотрудничество. Не знали, что такое воровство. Избушки, дома не закрывались на замок, двери были открыты для всех. Если кто-то что-то терял, то вещи непременно возвращались владельцу. Карасу представляла собой, по итальянцу Кампанелла Томмазо, своего рода общество и страну грядущего, «Город солнца». Особенно памятна пасха. В этот день ребятишки с котомками на плечах гурьбой начинали обход с крайнего нижнего дома и до самого верхнего конца деревни. Для всех находились крашенные пасхальные яйца, блинчики, а взрослым парням стопка арачки.

В Карасу не было ни магазина, ни клуба, ни кино, ни библиотеки, ни школы. Последняя открылась после войны. И все дети пошли в школу от 6 до 14 лет и старше. Я не хотел отставать от своих старших сестер Нюры и Дуси, и мы все пошли в школу в один год. На следующий год школа закрылась, и мы пешком вынуждены были ходить за 7 километров в русскую деревню Тулой. Как и чем питались, как спали на голых нарах, известно одному богу. Поэтому часто уходили домой, неделями и месяцами не возвращались в школу. Так, никто из нас не доучился до конца учебного года, все побросали школу.

Мы все с благодарностью вспоминаем босоное карасинское детство. Мы как-то писали о том, что нас одевал, кормил, поил и защищал щедрый, богатый, священный Алтай, чем выгодно в годы войны отличалось наше продовольственное положение от горожан и оккупированной фашистами европейской части страны.

О делах более серьезных, ближе к теме статьи. На фронт ушло все мужское население в количестве 15 человек, включая 16-тилетних подростков–добровольцев, захвативших войну с Японией. Вернулись в отчий край только 5 солдат. Среди погибших мой отец Перфил Михайлович и еще двое дядей Макошевых. Их имена выгравированы золотыми буквами на памятнике погибших в ВОВ 1941-1945 гг. в районном центре села Турачак. В настоящее время нет ни одного карасинского фронтовика в живых. Из детей войны нашего села ныне в здравии только четверо: Макошевы Е.П., С.И., А.П. и Таймачева М.Н. (соответственно 1936, 1937, 1938 и 1942 годов рождения). Ведь в каждой семье были дети. Например, у Ивана и Марии Макошевых 9 детей, остался один Степан, проживающий ныне в селе Бийка. Из карасинских детей войны вышли один юрист, два врача высшей категории и кандидат наук, профессор. В настоящее время Карасу, как и многие другие «неперспективные села», исчезли с карты Горного Алтая.

В марте 1948 года семья переехала в Новотроицк (20 дворов) Кебезенского сельского совета того же района. Место расположения села примечательно тем, что оно находится в долине реки Пыжа, на ее правом притоке Карасу и правом же притоке Чуря, протекающей через селение, разделяя его на три части. Приток Карасу и приток Чуря, слившись ниже за чертой деревни, пополнили воды Пыжи, левого притока полноводной Бии, вытекающей из Телецкого озера.

В Новотроицке (Пыже, Чуре) так же, как и в Карасу, не было социальных объектов, кроме начальной школы, которой сегодня также нет. Здесь учились переростки из Сылганака и Кооно, находящихся от школьного Новотроицка на расстоянии соответственно 4 и 5 километров. Был забавный случай, когда Содын (Семен) Казагачев уехал

на зимние каникулы в свой Сылганак и после чего не вернулся в школу. Оказывается наш герой женился на Авдотье Черноевой, с которой родили и воспитали 10 детей. Причем старшие дети оказались Черноевыми, а младшие – Казагачевыми после регистрации брака. Вот еще одна загадочность, специфика и чудо алтайской статистики населения.

Из 18 мобилизованных в действующую армию чуринцев живыми вернулись лишь шестеро воинов, до 70-летия Победы никто из них не дожил. Из категории «дети войны» ныне здравствуют только двое: Андрей Бедушев (1941 г.р.) и Николай Сатлаев (1942 г.р.). Ведь было много многодетных семей.

Вот цена войны для красинцев и пыжинцев: 22 погибших, или 2/3 от призванных, уцелели только 11 человек, т.е. 1/3 ушедших на войну. И до 70-летия Победы не дожил ни один фронтовик. Они попали в самое пекло войны. Мой отец погиб в битве за Москву в суровом 1941 году. Именно сибиряки, дальневосточники и казахстанцы защитили столицу Родины.

Областная национальная средняя школа (1951-1957 гг.), ГАГПИ (1957-1962 гг.), аспирантура (МГПИ, Москва), работа в ГАГУ (более 50 лет).

«Кузница алтайских кадров» ОНСШ (ныне республиканская гимназия им. В.К.Плакаса) раскрыла перед нами горизонты Горного Алтая, способствовала обретению друзей в далеком Кош-Агаче, географическом центре области Онгудае, не говоря о ближних Кумандии, Тубаларии и Челкании.

Учеба в ГАГПИ (Горно-Алтайск), МГПИ (Москва), преподавание экономической, социальной и политической географии мира, чтение лекций по спецкурсу «Политическая география и геополитика», изучение геополитических текстов классиков геополитики: немецкой геополитической школы (Ф.Ранцель, К.Хаусхофер, Р.Челлен, К.Шмитт), англо-саксонской геополитической школы (Х.Маккиндер, А.Мэхен, Н.Спигмен), французской геополитической доктрины «Человек» (Видель де ля Блаш), русской геополитической школы

(П.Н. Савицкий, Н.Я.Данилевский, В.П.Семенов-Тянь-Шанский, Л.Н.Гумилев), японских геополитических идей Великая Азия под эгидой «Страны Восходящего Солнца», Азия для азиатов, изучение произведений современных геополитиков (Г.Киссинджер, Збигнев Бжезинский, Уинстон Черчилль, А.Дугин и др.), поездки в течение более 20 лет в качестве руководителя дальней комплексной практики на геофаке по всем параллелям и меридианам 1/6 планеты от Камчатки и Сахалина на Востоке до Молдавии и Закарпатья на Западе, от Мурманской области на Кольском полуострове до Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана на Памире, по всем союзным и национальным республикам и автономиям открыли нам страну и мир, умножили круг друзей и знакомств, расширили кругозор до масштаба континентов и частей света.

От поездки по стране остались самые теплые воспоминания. Достаточно произнести два магических слова «здравствуйте» и «спасибо», теплый прием обеспечен, на Украине «Здоровенько були», а в тюркоязычных республиках «Салам алейкум». Какой музыкальный, певучий, образный украинский язык: «писачка» (авторучка), «едаляня» (столовая), «державный» (государственный, Державный Университет имени Тараса Шевченко в Киеве), мужчина по-украински – «человек». Особенно комфортно в тюркских республиках, где встречают тебя как родного брата, считая Алтай одной из колыбелей человечества, прародиной тюрков. Прекрасны Средняя Азия и Казахстан, Кавказ и Карпаты, Украина, Беларусь и Прибалтика, но Алтай лучше всех. По ночам часто снится милый сердцу родной уголок Карасу. Также приятно было бывать в послеблокадном Ленинграде (Санкт-Петербурге), героическом Сталинграде (Волгограде), Москва воспринималась как город дружбы и интернационализма.

Студенты в годы войны

Макарочкина Мария Степановна Ветеран труда

В 1942 г. окончила факультет разведки полезных ископаемых Свердловского горного института. С 1962 г. принята на работу в ГАГПИ преподавателем геологии и минералогии. Проработала в вузе до 1980 г. После выхода на пенсию основала домашний эколого-минералогический музей

Прошло более 70 лет, а в памяти всплывает так, будто все происходило вчера. Мы, студентки Свердловского (ныне Екатеринбургского) горного института, не слышали воя сирен и разрыва снарядов, не ходили в атаки и не вытаскивали раненых солдат из-под огня. Но тоже на себе испытали все тяготы военного лихолетья, до дна испив горькую чашу труда в тылу.

Когда началась война, нас в городе не было: все были распределены по геологическим партиям и рудникам для прохождения производственной практики, и мы не знали, какая жизнь настала в Свердловске. На руднике первое время снабжение было еще по-советски хорошее, и за два месяца практики мы умудрились сэкономить по семь кусков хозяйственного мыла и продукты. К осени получили вызов на выезд в город.

То, что сээкономили, оставили хозяйке квартиры, у которой жили, думали: зачем нам это в Свердловске? Но когда приехали, пришли в ужас! В магазинах ничего нет - все по карточкам, а чтобы помыться,

простояли в бане в очереди три часа. Получили по одному тазу горячей воды и кусочку мыла величиной со спичечный коробок.

В общежитии на окраине города, в комнате, где раньше мы жили впятером, теперь нас проживало 15 человек. Придвигали кровати вплотную и спали. В студенческом городке все корпуса были заняты под госпитали. Было трудно, но мы - 15 человек - сумели найти общий язык. Ведь в советской школе, откуда все пришли в институт, нас учили не только наукам, но и умению дружить, быть честными, любить и уважать труд, слушать мнения товарищей, заниматься спортом и вести здоровый образ жизни. С такими замечательными моральными качествами и стали студентами, выдержав конкурс (сдавали семь предметов). В довоенное время наш Свердловск был красивым, интересным и культурным городом; Здесь находились лучший в СССР оперный театр, театры музыкальной комедии, Советской армии, драматический, множество кинотеатров. Для студентов билеты всегда были со скидками. В войну многое изменилось.

На первом курсе мы получали по 15 рублей стипендии, и нам их почти хватало. Среди нас не было шикарно одетых (как сейчас одеваются студенты и школьники), ведь мы были из семей с одинаковым доходом. Я, например, из дома для сдачи вступительных экзаменов поехала в черной сатиновой юбке и ярко-оранжевой крепдешиновой кофте, которую сшила сама, а отрезок ткани на нее получила за хорошую учебу на рабфаке.

Несмотря на бедный гардероб, мы старались серьезно учиться, кроме того, посещали различные секции. Я продолжала заниматься лыжами и, даже была участницей Всесоюзных соревнований ВЦСПС в Нижнем Тагиле. Еще занималась альпинизмом и после первого курса летом ездила в альплагерь в Цейское ущелье, где была награждена значком «Альпинист СССР». На занятиях кружка «Ворошиловский стрелок» мы изучали винтовки, ручной и станковый пулемет, сдавали нормы по стрельбе. Очень многое в плане подготовки мне дала работа в секции художественной гимнастики (с участием в первенстве области) и сдача норм ГТО. Эта спортивная закалка очень помогла нам

выстоять и в трудные военные годы, дальнейшей жизни и практической работе - я была инженером-геологом.

В военное время студенты были нищими и полуголодными. В продуктовых карточках значилось двести грамм хлеба в день. В студенческой столовой, которой мы до войны восхищались и гордились (там буквально за копейки можно было вкусно поесть, выбирая из разнообразного меню), нас стали кормить раз в сутки баландой из муки или жидкой кашей, без хлеба. Сейчас в это трудно поверить, но память хранит все условия, в которых мы учились, писали дипломные работы по, материалам, что сами и привозили с практик. Тогда дипломы не продавались и не покупались, как сейчас, - их нужно было делать самим, и мы помогали друг другу. В нашем распоряжении были библиотеки с читальными залами и специальными кабинетами для самостоятельных занятий, но голод заставлял делать другую работу. Каждую осень и весну студенты были основными работниками на колхозных полях. Копали, сажали, пололи, а осенью - в дождь и слякоть, мороз и снег - убирали урожай картошки, моркови, свеклы и других овощей, копаясь в мерзлой земле до кровавых трещин на руках.

Очень снежной была в Свердловске зима 1942 года. Завалило все тротуары от домов до проезжей части дороги. На воротах большинства домов были прибиты красные звездочки, что означало: мужчины на фронте или ранены, и женщинам нужна помощь. И мы, студенты, прежде чем бежать на лекции, брали в руки лопаты и расчищали проходы от ворот до дороги, чтобы дети могли пойти в школу, ведь дворников тогда не хватало.

Недалеко от нашего общежития был наскоро построенный хлебозавод с сушильным цехом - там готовили сухари для фронта. К заводу вела специальная железнодорожная ветка, по которой ходили «хлебные» составы. По сигналу «тревога» нас три-четыре раза в неделю вызывали для погрузки мешков весом 12 кг в вагоны. За это нам давали по булке хлеба на двоих, но есть мы его зачастую не могли, несмотря на голод. Из-за того, что механические лопасти тестомешалки

часто выходили из строя, нам приходилось месить тесто ногами: в белых шортиках мы забирались в чан с тестом и топтались там под плясовую баяна, пока не скажут: «Хватит». Потом тесто выпекалось, из него сушились сухари и отправлялись на фронт, а мы свои несли на базар, продавали и на вырученные деньги выкупали продукты по карточкам.

Ходили работать и на овощную базу. Перебирая картошку, ведрами выбрасывали гнилье на помойку, пока однажды «наверху» не догадались проверить хранилище - оказалось, там не соблюдались условия хранения овощей. Когда сменили директора, овощи перестали гнить.

Обо всем, что хранит память, конечно, не расскажешь, но нельзя не сказать о том, что все студенты, кому позволяло здоровье, были донорами. Раз в месяц, а иногда, если была необходимость, и по два раза мы сдавали кровь для раненых, что были в госпиталях.

Вот так и жили, студенты сороковых годов вместе с малыми детьми и женщинами - работниками полей и ферм, фабрик и заводов. Мы тоже, ковали победу в Великой Отечественной войне.

История семьи Медведевых

**Медведев Иван Федорович,
Профессор, д.и.н., Ветеран труда**

В 1960 г. поступил в Горно-Алтайский пединститут и успешно его закончил. Свою трудовую деятельность в Горно-Алтайском педагогическом институте начал в 1966 г. За время работы прошел все ступени служебной лестницы: от ассистента до профессора кафедры истории России. Много лет заведовал кафедрой, избирался деканом исторического факультета. В настоящее время является профессором кафедры истории России

Я, Медведев Иван Федорович, все мои родственники жили или живут до настоящего времени на Алтае, в частности, в Горном Алтае. Все мы живем здесь в седьмом колене. Это означает, что наши предки прибыли сюда еще в начале XIX века, а может, и раньше.

Вот цепочка нашего рода по мужской линии:

Я – Медведев Иван Федорович

Мой отец – Медведев Федор Илларионович

Мой дед – Медведев Илларион Денисович

Мой прадед – Медведев Денис Карпович

Мой пра-прадед – Медведев Карп Лукич

Мой пра-пра-прадед – Медведев Лука Марковеевич

Мой пра-пра-пра-прадед – Медведев Марковей (отчество не выявлено).

Однако именно с него, с Марковей Медведева, согласно семейной легенде, переходящей от старших к младшим, ведется начало нашего

рода. Марковой Медведев происходил из кузнецов города Тамбова. Мастеровым он был умелым. Научился изготавливать любые металлические изделия. Дальше сведения о нем раздваиваются: По одной легенде, он добровольно поехал за обещанными большими заработками на демидовские заводы на Алтае. По другой легенде, его обвинили в изготовлении фальшивых денег, за что и сослали в Сибирь (на заводы Демидова).

Через несколько лет, точно пока не установлено, Марковой Медведев поселился в селе Быстрый Исток на Оби. Вернее всего, он отработал свой договорной или (судебный) срок на заводе Демидова и был отпущен. Однако в Тамбов не возвратился, а перевез в Быстрый Исток свою семью. Здесь у него выросли дети, в том числе Лука, появился внук Карп Лукич – мой прапрадед. У Карпа было как минимум три сына - Марк, Денис и Фома.

Шло расселение по разным селам ставших на ноги семей Фомы, Марка и Дениса. Денис со своим семейством переехал жить в горное село Демино. Теперь Солонешенского района Алтайского Края. Здесь у него родились трое сыновей. Младшим был Илларион – наш дед. По существовавшим в то время правилам, один сын в семье обязан был служить в армии.

В 1863 г. Иллариона Медведева призвали в армию. Службу, по его рассказу, он проходил в Санкт-Петербурге. Служил в Петропавловской крепости, где сталкивался со многими заключенными. Ему, видимо как крестьянину, запомнилась одна фамилия – Рысаков. В своих рассказах он его, кроме как убийцем не называл. Бабушка наша вспоминала, что дед очень сердит был на этого Рысакова за то, что тот в царя (Александра II–Освободителя) бомбу бросил. Фамилии других заключенных по этому делу дед не помнил, а вот Рысакова Н.И. запомнил потому, что фамилия у него была лошадиная. Дед прослужил 18 лет, а вернувшись в конце 1881 г. домой, женился на красавице Варваре Михайловне Сустовой, проживавшей в то время со своей семьей в селе Демино. Илларион Денисович был старше

своей жены на 18 лет. В семье родились семеро детей. Младшим был Федор, впоследствии наш отец.

Родословная нашей бабушки известна меньше. Сама бабушка (Бабонька, как мы ее звали) умерла в 1943 г., прожив 80 лет. Похоронена здесь, в Горно-Алтайске на старом кладбище. Родом она из Перми. Ее семья переехала в Горный Алтай еще до переселенческих реформ П.А. Столыпина.

Был такой случай. В молодости я серьезно занимался лыжным спортом. Имел неплохие результаты. Неоднократно выступал не только на краевых, сибирских соревнованиях, но и на первенствах России. Одно из соревнований проходило в Перми. В пригороде, где шли гонки, команды расселяли (по договоренности) по домам селян. Там мы готовились, переодевались после гонок, отдыхали. В доме, где разместилась наша команда, я разговорился с хозяйкой, пожилой женщиной. Я сказал ей, что моя бабушка из Перми, она поинтересовалась фамилией бабушки. Я назвал девичью фамилию бабушки Сустова. Она всплеснула руками и ответила, что здесь полсела Сустовы. Тогда я припомнил рассказ Бабоньки о поездке ее на Родину с родителями, когда ей было 12 – 13 лет. Хозяйка сказала, что и она помнит рассказ своей бабушки о том, что к Сустовым приезжали гости из Сибири, и с ними была девочка Варя 12 – 13 лет. Так случилось, что этот разговор произошел в день, когда закончились соревнования и мы уезжали домой. Кроме того, хозяйка сообщила, что после войны (Великой Отечественной) из тех Сустовых, к которым приезжали гости из Сибири, в живых осталась только молодежь, да и та разъехалась из деревни кто куда. Родственная связь могла бы здесь восстановиться, но судьба распорядилась иначе.

У нашего отца было четыре брата – Гурьян, Миней, Григорий, Иван и две сестры – Анисья и Пелагея. К моменту женитьбы отца, старшие братья были отделены и жили своими семьями. Наша мама – Завьялова Мария Михеевна (Михайловна по документам), благодаря ровному, уживчивому характеру, трудолюбию, выносливости и здо-

ровью, пришлась семье отца, что называется, ко двору. У нее сложились хорошие отношения со свекровью и свекром.

После мобилизации отца в армию она осталась солдаткой почти на пять лет и жила со свекрами. Ведение хозяйства практически легло на плечи нашей мамы. В хозяйстве было две лошади, несколько коров и овец. Основной рабочей лошадью была кобыла по кличке Пеструха. Она была сильной, послушной и разумной. С охотой выполняла все сельскохозяйственные работы и зимой, и летом. Ее не надо было понукать, она понимала слова, хорошо знала дороги, и не было случая, чтобы перевернула телегу или сани, хотя ясно, какие были, да и сейчас есть горные сельские дороги. Ещё был небольшой местной породы конек по кличке Калмык, в устах нашего деда «Калмычишка». Главной работой этого конька было возить деда верхом на пасеку, которая располагалась на заимке, в 5 – 6 км от деревни.

Дед – Илларион Денисович, был своеобразен. Увлекаясь пчелами, он не забывал заниматься домашними делами, особенно летом. Активно участвовал в весенне-полевых работах. Все выращивали сами – пшеницу, овес, ячмень, просо, гречку. В покос ставили зароды сена, а на зиму заготовливали дрова.

В долгие зимние вечера дед, управившись с работами по хозяйству, рассказывал своим домашним и тем, кто заходил к ним на огонек, о своей службе в Петербурге. Причем говорил он довольно правильно (по-городскому). Он помнил названия улиц, рек, каналов, площадей, дворцов, парков, храмов. Видимо, рассказчик был неплохой. Слушатели охали, ахали, смеялись или негодовали, когда дед говорил о тех, кого они охраняли в Петропавловской крепости. Иногда, под настроение, дед, понизив голос, говорил о преступниках, особенно о врагах Отечества, осмелившихся поднять руку на Царя. Он имел в виду Александра II, убитого 1 марта 1881 г. народовольцами. Террористов осуждал особенно за то, что те убили царя-заступника и освободителя крестьян от крепостной зависимости. Или, как говорил дед, выпустившего народ на волю.

Убийц царя, кроме Рысакова, дед не называл, фамилии их были под запретом как в обществе, так и в армии. Умер дед в 1928 г.

Бабушка, мать отца Варвара Михайловна была большой патриоткой нашей семьи, любила свою сноху – нашу маму и нас, своих внучат. Это подтверждает такой случай. В 1941 г., когда отца мобилизовали на войну, жить в Алма-Ате где наша семья проживала с 1935г. (об этом смотри ниже) становилось все труднее. Приняли решение переехать в Ойрот-Туру (ныне Горно-Алтайск), где жили мать мамы и две мамины сестры. В Алма-Ате в то время проживали два сына и две дочери бабушки с семьями, Ей предлагали остаться с ними, но она поехала с нами. Бросить своих пятерых внуков да и любимую сноху Марью она не могла и не хотела. Судьба Бабоньки была обычной для женщины-крестьянки того времени, хотя во многом необычной, своеобразной. Насколько можно судить по редким для той поры фотографиям и отзывам знавших ее. Бабонька в молодые годы была статной, красивой, броской женщиной с волевым подбородком, синими глазами при черных бровях и ресницах, и даже в преклонные годы у нее были густые светло каштановые волосы, правда, она постоянно носила платок. Взгляд ее выражал волю и ум. В школе она не училась, говорила нараспев и через «о». Судила и рассуждала о знакомых ей предметах, темах разумно, со знанием дела, умела настоять на своем.

Замуж вышла по любви и своей воле за бравого солдата, вдвое старше ее. Жизнь свою считала удавшейся, была однолюбкой. Подарила мужу семерых детей, воспитание которых лежало на ее плечах. Дети выросли здоровыми, трудолюбивыми, исполнительными.

Старшие сыновья Гурьян, Григорий и Иван – участники Первой мировой войны. Гурьян Илларионович был ранен в правую руку, которая была пробита, на руке и в его старые годы между кистью и локтем имелось отверстие, которое почему-то не зарастало. От природы сильный и проворный, он всегда работал кузнецом. В семье говорили, что он пошел в своего пра-пра-деда Марковea – основателя нашего рода Медведевых.

Второй старший брат отца Григорий Илларионович погиб на Первой мировой войне. Третий брат Миней Илларионович был глуховат и в армию его не брали. Всю свою жизнь трудился кузнецом, проживал в селе Камлак Шебалинского района. В старости, уйдя на пенсию, работал пчеловодом. Четвертый старший брат отца Иван Илларионович служил на флоте, кочегаром на крейсере «Аскольд». Любил песню «Раскинулось море широко», утверждая, что случай с кочегаром, о котором идет речь в песне, произошел именно на их крейсере. Сестры так же были старше отца.

Наш отец Федор Илларионович в своей семье рос в атмосфере любви и ласки. Имея столько братьев, никого не боялся. По воспоминаниям нашей мамы, которая знала отца с детства, он был заводилой среди других подростков. Он с охотой и хорошо учился в школе, окончил четыре класса церковно-приходской школы, считался грамотным. Быстро и внятно читал, писал, считал, умел грамотно и по существу говорить. В 1918 г. отец и мама поженились, но долго пожить вместе им не удалось. Сибирь, как и вся страна, была охвачена огнем гражданской войны. Поволжье, Урал, Западная Сибирь стали ареной, где Советская власть была подавлена Чехословацким корпусом, армией Колчака и местными властями, часто националистического толка. По приказу Колчака в Западной Сибири была проведена мобилизация молодежи в его армию. Отец попал в этот набор. Из истории гражданской войны известно, что эта мобилизация прошла успешно. Колчак пополнил свои войска на 400 тысяч человек. Дальше события повернулись своеобразно. Как бы ни критиковали Советскую власть разной окраски хулители, ее лозунги и задачи с пониманием воспринимались сельским населением.

Одновременно с мерами Колчака по пополнению рядов своей армии подпольно по всей Сибири, Уралу, Поволжью вполне успешно шло создание отрядов самообороны. Чаще всего формировались партизанские полки под руководством вернувшихся с Первой мировой войны фронтовиков, которые впоследствии объединялись в дивизии.

В Горном Алтае была создана дивизия И.Я. Третьяка, в степном Алтае - армия Е.М. Мамонтова.

В самой армии Колчака шла тайная пропагандистская работа большевиков. В результате не только отдельные бойцы, но и целые подразделения переходили на сторону красных. Подразделение, в которое попал наш отец, перешло на сторону Советской власти. С гражданской войны отец вернулся только в конце 1923 г. Вернулся он коммунистом. По его воспоминаниям, служил он в конных войсках Буденного младшим командиром. В конце службы устанавливал Советскую власть в Средней Азии.

В жизни случилось так, что родословная нашего отца в семье чаще была на слуху. Бабонька, мама, родственники отца часто встречались с нами. Мы их спрашивали, а они рассказывали о прошлом, о наших предках. В памяти это сохранилось. Восстановить прошлое, в т.ч. далекое прошлое семьи Медведевых (нашего рода) особой сложности не составляло.

Другое дело, родословная нашей мамы. Источники ее скромны и недостаточны. Причин этому несколько. Основными были следующие: бабушки наши по отцу и матери, похоже, недолюбливали друг друга.

Мамина мать Наталья Петровна постоянно жила со своей младшей дочерью Полей, младшей сестрой мамы. Дети тети Поли для бабушки были более «родными», чем мы. Ей не нравилось, что мы свою бабушку по отцу называли Бабонька, а Наталию Петровну просто баба. Часто от нее можно было слышать «ну и идите к своей Бабоньке». Мы шли домой, где от своей Бабоньки находили утешение, ласку и поддержку.

В семье у тети Поли, с которой проживала Наталья Петровна, как-то не принято было говорить о ее родне. Никто и не говорил. Более того, многие даже не знали ее девичью фамилию. Я, например, фамилию бабушки Натальи Петровны, узнал после ее смерти от моей мамы.

Однако все по порядку. В одном из сел, ныне Усть-Коксинского района, жила крепкая семья Кайгородовых. Были они ясачными алтайцами, т.е. русская переселенческая семья, взявшая на себя обязательство вместо налога платить ясак. Это для охотников, а их среди переселенцев было много, платить ясак (пушниной, орехами) считалось проще и выгоднее. В семье Кайгородовых, кроме родителей, был сын Александр и две дочери – Наталья и Анисья. В свое время дочерей выдали замуж. Наталью Петровну за Завьялова Михея Карповича, проживавшего в селе Демино, ее сестру Анисью в семью кержаков (староверы). Связь на этом основании, между сестрами была редкой, эпизодической. Отец Михея Карповича – Карп (отчество не выяснено) Завьялов был охотником. Выполнение всех хозяйственных работ возлагалось на Михея Карповича, человека степенного, ответственного и работающего. Отец Михея – Карп все свое основное время уделял охоте. По его рассказам, именно он помог открыть лечебные свойства вод курорта и лечебницы г. Белокуриха. Охотясь в горах, он подстрелил марала. Тот начал убегать, но по кровавому следу Карп преследовал его. Догнал и увидел заинтересовавшую его картину. Раненый марал лежал в воде одной из горных речек. Охотник решил посмотреть, что будет дальше. Марал лежал, притихнув, подставляя под воду раненый бок. Пролежав какое-то время, встал, зализал рану, вышел из воды и скрылся в тайге. Охотник мало озаботился бегством марала, надеясь по кровавому следу догнать его. Но таких следов больше не было. Рана марала после купания в реке перестала кровоточить. Карп, раздосадованный этой неудачей, возвращаясь домой, встретился с группой людей, которая оказалась научной экспедицией Томского университета, прибывшей сюда с целью взять пробы вод из местных источников. Рассказ Карпа их заинтересовал, и они упросили показать эту речку. В семейной памяти хранилось воспоминание о наличии у Карпа казенной бумаги с печатью и благодарностью ему за оказанную помощь.

Проведенные исследования обнаружили в данной речке наличие термальных радоновых вод. В настоящее время по берегам этого ис-

точника выстроены лечебницы, здравницы, курорты. Возник населенный пункт под экзотическим названием Белокуриха. С 1982 г. это город Алтайского края.

Дальнейшая судьба Карпа Завьялова в нашей статье не прослеживается. Другое дело, семья его сына Михея Карповича Завьялова. Жил он в селе Демино. Сюда привез он свою молодую жену Наталью Петровну Кайгородову. До гражданской войны ничего необычного в этой фамилии не было. Но вот грянула война, взлетели имя и фамилия одного из врагов Советской власти. Этим человеком стал есаул Александр Петрович Кайгородов. До сих пор точно не установлено, Александр Петрович и Наталья Петровна Кайгородовы, родственники или просто однофамильцы. Но почему-то своей девичьей фамилией Наталья Петровна при Советской власти особо на бравировала.

Семья Михея Карповича росла, крепла, множилась и процветала. В его семье родились шестеро дочерей и один сын Максим (потерялся в годы Великой Отечественной войны). Дети воспитывались в строгости и трудолюбии, но в то же время в значительной степени самостоятельными, умеющими постоять за себя. Старшей дочерью была Прасковья (Паруня). Вздумал отец выдать ее замуж за нелюбимого. Не получилось. В ночь перед свадьбой Паруня бежала через окно со своим любимым, веселым парнем, гармонистом Гордеевым Емельяном Павловичем. Через неделю они явились пред очи грозного отца. Михей взял плеть. Но жена его, мать Прасковьи, тоже пала в ноги своему мужу. Взяла всю вину на себя. История умалчивает, погуляла ли плеть по спинам влюбленных, но известно, что Емелька скоро стал любимым зятем Михея Карповича.

Затем выдали замуж наших маму и ее сестру Варю. Особых историй на этот раз не было, они выходили по согласию. Варвара Михеевна вышла замуж за Попова Василия Ивановича, в зажиточную семью. Зажиточность эта определялась не количеством скота (скот был у всех), а наличием мельницы. Это стало в дальнейшем причиной раскулачивания и высылки их в Нарым. Судьбы других членов семьи определились позже, уже после революции и гражданской войны. В

их жизни много интересного и поучительного, но это уже другая история.

Сам Михей Карпович, крупный, физически сильный человек, участник военных действий на Кавказе в начале XX века, в жизни был трезвым хозяином. Хорошо понимал и принимал новшества в организации производства. Был близким помощником местного торговца Кучковского в создании кооператива животноводов-маслопроизводителей. С одной стороны, Михей Карпович внес какие-то средства в строительство местного маслозавода, с другой – помог в увеличении поголовья высокопродуктивных коров. В личном хозяйстве Михея Карповича даже на зиму оставляли 10 – 15 дойных коров.

Личная судьба Михея Карповича трагична. Началось с того, что единственный сын Максим решил развестись с женой, не родились дети. Отец пригрозил, что, если это произойдёт, он выгонит сына из дома. Сын развелся, пришлось уйти из семьи, из дома. Михей Карпович заболел...

Далее революция, началось наступление на зажиточные хозяйства, а затем коллективизация. Михей Карпович решительно отказался вступать в колхоз. Семейное производство из-за непомерных налогов было разрушено. Сам Михей Карпович вынужден был покинуть свою деревню Демино. В соседнем селе Таурак началось строительство крупного животноводческого центра, нужны были рабочие руки, и он поступил туда. Однако на организацию питания рабочих никто не обращал внимания. Рабочие вынуждены были питаться сами. От недоедания и сухой, а часто и несвежей пищи начались массовые желудочные заболевания. Возможно, было и вредительство. Вскоре в Демино пришло сообщение о том, что Михей Карпович скончался. Моя мама не раз рассказывала, как они с её мамой – Натальей Петровной ездили в Тоурак за телом Михея Карповича, как искали его в сарае, среди других трупов, нашли. Бабушке стало дурно, и она медленно опустилась рядом с телом своего мужа. Моя мама не могла без слез рассказывать, как она искала кого-нибудь, чтобы

помочь ей вынести из сарая тело отца и едва дышавшую мать. Потом был длинный путь домой в Демино, избегая жары ехали вечером и ночью, что делало его мистически страшным и тягостным. Похоронили Михея Карповича на сельском кладбище в Демино в 1929 г.

Вскоре, кто раньше, кто позже, Демино покинули все многочисленные члены этой, когда-то дружной, работающей семьи. Сын Максим больше в Демино не вернулся. Старшая сестра Прасковья с мужем Емельяном Павловичем Гордеевым, и уже народившимися детьми, переехали в Улалу (ныне Горно-Алтайск).

Варвара Михеевна с мужем Василием Ивановичем и детьми жили в селе Маракса Колпашевского района Томской области (куда их сослали) до 1957 г. Там они трудились на лесоповале, выгонке смолы и дегтя на смолокурном заводе. Дети учились в начальной школе. После реабилитации семья переехала в Новосибирскую область, где дети – Коля, Ваня и Зоя окончили курсы, работали, служили в армии, завели семьи и воспитывали своих детей.

Надежда Михеевна – сестра мамы вышла замуж за Георгия Константиновича Попова, деревенского парня, в годы гражданской войны и после нее он служил в органах КГБ, в последнее время в г. Новосибирске.

Таисию Михеевну выдали замуж за Михаила Семеновича Дмитриева, вдовца, имеющего на руках маленькую дочку Клаву от умершей первой жены Вассы. Михаил Семенович воевал в Первую мировую, в годы гражданской войны был красным партизаном. Об этом есть данные в нашем краеведческом музее. До 1943 г. их семья проживала в селе Топольное Алтайского края, где Михаил Семенович работал председателем сельского совета. После его мобилизации на фронт в 1943 г., тетя Тая с дочкой Шурой с помощью нашей мамы, на повозке, запряженной коровой, приехали в Ойрот-Туру. Дочь Клава выросла, стала учителем, добровольно ушла на фронт, вышла замуж и после войны жила в Москве. Вырастила двоих дочерей.

Младшая сестра мамы – Поля, еще до войны переехала с семьей из Алма-Аты в Ойрот-Туру. Таким образом, четверо из шести сестер,

проживали в этом городе. Отношения между ними были самыми родственными и доброжелательными. Взаимопомощь была естественной и действенной. Особую поддержку все сестры оказывали нашей семье, как многочисленной и детской по своему составу, потерявшей на войне кормильца. В июне 1942 г. мы приехали в Ойрот-Туру. Сама поездка проходила с великими трудностями и неудобствами. Большая семья, маленькие дети, летняя жара. Ехали в общем переполненном вагоне. Проблемы с питанием (особенно детским), водой, умыванием, оправлением, время от времени проводимыми проверками документов и т.д. Пересадка на станции «Алтайка» на другой поезд, компо-стировка билетов, толчея при посадке, страх оставить или потерять кого-либо из детей, дорого обошлись маме и Бабоньке, другим членам семьи. Но вот и Бийск, доехали. Высаживаемся. Опять беспокойство. Как бы кого-то или что-то не оставить в вагоне. А дальше гуськом, держась за руки и сумки мамы и Бабоньки, движемся на привокзальную площадь. Тогда это была небольшая, правда, хорошо утоптанная песчаная поверхность, окруженная складами, бараками, избами и лишенная хотя бы какой-то растительности. Вся «площадь» была уставлена подводами, кучами различных ящиков, мешков, досок, тюков сена и др. То здесь, то там размещались группки людей, семейные таборы, животные. По центру этого, скорее «базара», чем площади, было неширокое, незанятое пространство, по которому то в одну, то в другую сторону проползали грузовики. От Бийска до Ойрот-Туры (Горно-Алтайска) доехать тогда, особенно большой семье, было крайне затруднительно.

Автобусов на этой трассе не существовало, частных также не было. Все машины были военизированы, перевозить на них пассажиров строго запрещалось. Случайная встреча Мамы с Петром Алексеевичем, мужем тети Поли, решила этот вопрос. Дядя Петя посадил нас в кузов на груз, который он вёз в Ойрот-Туру, и мы поехали. Дядя Петя был опытный шофер, и ему даже была выдана «бронь», т.е. в армию его пока не забирали. Однако он нарушил правила военного времени, привезя нас на машине с каким-то «секретным» (тогда было

все секретным) грузом. Поступок Петра Алексеевича вскоре стал известен в контролирующих органах. Над ним стали «сгущаться тучи». Но время было уже не то, что в начале войны. Так, военкомат в Ойрот-Туре возглавлял фронтовик, вернувшийся с войны по ранению. Решение этого вопроса передали ему. Выяснив, что Петр Алексеевич привез многодетную семью солдата, находящегося на фронте, он своеобразно решил проблему Петра Алексеевича. Вместо трибунала или штрафбата, с него была снята «бронь». Он был мобилизован на фронт. Судьба его хранила, он остался жив. Был награжден орденом и рядом медалей, а с окончанием войны вернулся домой.

Казалось бы, частный случай. Однако, как его решение зависело от людей, от их отношений друг с другом. Можно предположить, что из-за этого между сестрами должна была возникнуть вражда, обида. Всем же было понятно, что из-за нас Петр Алексеевич чуть не попал в штрафбат, отправлен на фронт и мог погибнуть. Ничего подобного, более того, наша многодетная семья еще какое-то время проживала в семье Петра Алексеевича, т.е. у тети Поли в их небольшой двухкомнатной избушке. Вот именно такими крепкими, близкими, жертвенными были кровные связи между старшими родственниками нашего рода.

Но это происходило в 40-50е гг., когда уже были разорваны все связи с родовым селом Демино. Для восстановления хронологии статьи, вернемся по времени несколько назад.

В конце 1923г. Возвратился с гражданской войны наш отец Медведев Ф.И. По документам и его словам, служил он в войсках С.М. Будённого. Стал младшим командиром, вступил в партию большевиков. Последний год службы подразделение отца находилось в Средней Азии (ныне Казахстан), помогая местному трудовому населению вести борьбу с басмачами, устанавливать Советскую власть.

Как налаживалась жизнь после революции и гражданской войны здесь, у нас в Горном Алтае, тема особая, сложная и интересная, но эта тема специальной статьи.

В целом весь период революций, гражданской войны, послевоенного времени, по свидетельствам переживших всё это, был страшным, опасным, беспокойным временем. В стране в целом и на местах в частности- разруха во многих городах и весях, голод. И снова трещал крестьянский пуп. Власти собирали всё, что могли. Из деревень везли скот, хлеб, овощи и всё другое. Длительное время свирепствовала продразверстка.

Новая экономическая политика (НЭП) породила у крестьян надежду на свободное житьё, да время это быстро пролетело. Началась коллективизация, началось раскулачивание. А «кулаков» здесь, у нас в Горном Алтае, едва ли не половина всех жителей было. Недаром ведь И.В. Сталин, побывавший на Алтае в 1928г., назвал всю алтайскую парторганизацию подкулачниками. Вот тут и началась «потехка». С потехи такой – околеть. ТОЗы, колхозы, коммуны – грибам подобно, начали зреть. Кто согласен – в колхозы, не согласен – в Нарым. Многих, если не всех, это задело. Начался массовый отъезд крестьян из села. Причины были разные:

а) не было ещё опыта работы в коллективе;

б) все промахи в работе валили на врагов, а их, чаще всего «находили» не в общей теоретической недоработке законов и уложений, планов и уставов сельскохозяйственной артели (колхоза, коммуны, совхоза), а в «зловредных» помыслах классовых врагов.

Так, в начале 30х годов, во многом не по своей воле, наша семья покинула своё село Дёмино и перебралась в с. Таголтай. Но и здесь, что-то, видимо, беспокоило родителей. В 1935г. Семья перебралась в г. Алма- Ату. По воспоминаниям нашей мамы, отца что-то тянуло в Казахстан. В памяти были годы его службы в армии, в Средней Азии.

Первоначально семья поселилась в снятом на время полуподвале. А как жила наша семья? Вопрос и простой, и одновременно сложный. Это уж как посмотреть на него. Например, можно ли признать проживание в полуподвале, без всяких удобств вполне удовлетворительным? Конечно, нет. Однако, если учесть, что в 30-е годы население Алма-Аты интенсивно прирастало, и большинство приезжих се-

мейств жили не в лучших условиях, то наличие у семьи какого-то жилья выглядело вполне respectable. Кроме того, имелись богатые среднеазиатские, алма-атинские базары овощей и фруктов. Как столица Союзной Республики, Алма-Ата была поставлена в ранжир главных городов страны и обеспечивалась всем необходимым, (продукты питания, одежда, обувь и т.д.) и по достаточно скромным ценам. Тогда, при Советской власти, этот показатель уровня жизни населения всегда находился под строгим контролем как центральных, так и местных органов власти. Двое работающих, даже на такую большую семью, вполне удовлетворительно могли решать все проблемы. Так и получилось, в конце 1936 г. наша семья перебралась в самостоятельно построенный частный дом. Правда, дом не блистал новизной проекта, красотой планировки, но это был свой дом. Собирали его из местных строительных материалов: досок, глины, река, теса, камышитовых плит и т.д. Не блестела и внутренняя отделка. Дом состоял из одной достаточно большой комнаты со столбом посередине. На этом столбе и столбах в стенах, держались матка и потолок в целом.

Вначале была мысль перегородить этот зал со столбом на 2 – 3 комнаты, но скорее всего, финансовые проблемы помешали сделать это сразу, решили оставить временно все, как есть. Но, по нашему русскому обычаю, временное стало постоянным.

25 июня 1937 г. в нашей семье появился мальчик. Наша семья жила в Алма-Ате, в своем доме. Моему рождению все очень радовались. Особенно ликовал отец. Ему было 36 лет, когда я появился – наследник рода. Имя мне выбрали в честь Ивана-Купалы – легкого, веселого Божества, а также в честь старшего брата отца – Ивана Илларионовича. Так появился и получил свое имя – Иван. Мама меня любила безраздельно, но открыто среди других своих детей не выделяла. В семье поддерживался принцип – все равны. Методами воспитания были увещание, разъяснение, пример других детей, указание на хорошую работу, на старание и стремление сделать ее как можно лучше. Были исключены наказание, оскорбление и издевательство.

Однако в воспитательные процессы вмешивалась улица, где многое было не так, как учила мама. Мы уже переехали в Ойрот-Туру и жили в своей избушке, ветхой и очень маленькой. Семья наша уменьшилась. В апреле 1943 г. умерла наша Бабонька, а в сентябре в армию была призвана старшая сестра Сима. В 1944 г. мама купила телочку, которую называли Нэлькой. Она стала членом нашей семьи. После ее отела в семье появилось молоко, большую часть которого приходилось сдавать государству, но и нам доставалось. Нэлька все больше становилась работником в семье. Она кормила нас молоком. Ее использовали как транспортное средство при вывозке дров, сена, картошки с поля.

В детстве я ни разу не был в детском садике, пионерском лагере. С шести лет главной моей задачей была пастьба Нэльки на горе Тугая.

Подножье Тугаи было занято пашнями, а вершина отводилась под пастбища для коров. Многие семьи в городе держали скот. Кто мог – сдавали его в табуны для пастьбы, а кто не располагал средствами, пасли сами, чаще всего используя для этой цели подростков. В кругу таких подростков и шло моё воспитание. Нетрудно понять, где и чему я больше обучался. Летом на горе была воля вольная, свои порядки. Меня почему-то чаще других посылали на базар или остановки в городе собирать окурки. Когда приносил их, старшие подростки из них добывали табак, крутили сигарки и курили. За работу давали раз-два курнуть, что мне не нравилось – кашель, слезы, за что пацаны упрекали, мол «не в коня овес травить».

Так шло время. В конце 1944г. Получили официальное известие о том, что наш отец Медведев Ф.И. пропал без вести. Все сильно переживали. Мама тяжело заболела. Нужды и горя хватало через край. Ждали отца, но чуда не произошло. Отец с войны не вернулся. Мама сильно болела. Её как бесперспективную на выздоровление, выписали из больницы. Нас, малолетних детей «распределили» по семьям маминых сестер. Но Всевышний смиловался, Мама, вопреки мнению врачей, пошла на поправку. Пришел, наконец, победоносный Май

1945г. Радость была всеобщей, но для нас, в прямом смысле слова, «со слезами на глазах».

Хорошо помню – мы дети прибежали домой к маме со школьного двора (жили рядом со школой №6), где проходил торжественный митинг по поводу Победы. Мы радостно кричали: «Мама – Ура, Победа!»

Жили мы теперь вчетвером: Мама, Валентина – 12 лет, я – 8 лет и Зина – 5 лет. Старшая сестра ещё не вернулась с фронта, следующая сестра Татьяна, после окончания зооветтехникума, в свои неполные 17 лет была послана на работу в Нарым.

Мама обняла всех нас троих своими огрубевшими, но такими приятными для нас руками, и плача, каким-то не знакомым для нас голосом сказала: «Победа это хорошо, но наш папка с войны не придёт. Его там убили». До сих пор помню и голос мамы, и горечь утраты. В прямом смысле крик души.

В сентябре 1945г. меня записали в школу. Мама из разных лоскутков сшила мне сумку и, провожая в школу, сказала: «Учись, сынок, отец так сказал».

Зимой, с 4-5 класса я увлекся лыжными гонками, катанием с горы. Увлечение закрепилось на всю жизнь. С курением хуже, привык, хоть и не нравился мне запах табака, но понемногу курил до службы в армии. Школьником ездил на соревнования в города Сибири (Красноярск, Барнаул, Новосибирск).

С начала 50-х годов запретили в городе держать коров, пастьба наша закончилась. Появилось другое занятие. В эти годы горожане стали много строить или ремонтировать жилища. Появились бригады плотников (шабашников). В одной из таких бригад я научился работать топором, стружком, ножовкой, пилой и другими строительными инструментами. Позже научился делу электрика.

Учеба в школе шла «удовлетворительно». Знаний глубоких не получил, хотя был не последним. В 9-10 классах был старостой класса, спортсменом по лыжам и футболу. Школу окончил с удовлетворительными оценками, даже по истории. Пришедшая на экзамен директор школы настояла на том, чтобы мне поставили «три», не столь-

ко за знания, сколько за поведение и пререкания. Тогда-то и возникла «пламенная» любовь к истории, и желание доказать, что я был в классе «сильнейший историк». Цель свою достиг. Сначала окончил историко-филологический факультет, затем очную аспирантуру при Томском университете, потом очную докторантуру. Стал вначале кандидатом исторических наук, а затем доктором исторических наук, профессором. Доказал (смешно), но на это ушла целая жизнь.

Сначала хотел поступить в Томский мединститут, но не прошел по конкурсу. По дурости, конечно. Стал спорить с преподавателем физики (сдавал этот предмет), что заданную задачу можно решить более простым путем. Не знаю, почему, но преподаватель очень разгневался, спросил, откуда я такой выискался. Я ответил, но видимо, резковато. Получил «три». Одного балла не хватило.

Поскольку сразу после школы не поступил в институт, пошел работать на Горно-Алтайский хлебозавод грузчиком, потом меня перевели в цех мукосеем. В ноябре 1956 г. призвали в армию. В то время в армии знать не знали такого явления, как «дедовщина». Служить я попал в дальнюю бомбардировочную авиацию. Служил в Украине. В первый год обучался в роте связи. Успешно окончил учебный курс, стал радистом и радиомехаником. Служить определили на мощную передающую радиостанцию. Вскоре назначили командиром отделения. Командиром радиостанции был старший лейтенант Башкатов. Служба ладилась. Срывов в работе не было. Однако один из эпизодов запомнился. В один из обычных дней (вернее, ночей) шли «боевые» полеты. Наша часть выполняла дальний полет. Самолеты должны были «разбомбить» какие-то цели на Дальнем Востоке.

«Связь с самолетами шла через мою радиостанцию. Вдруг срыв, передатчик замолчал. С передающего центра позвонили и потребовали срочно исправить поломку. По положению, разбирать передатчик я не имел права, техника была опломбирована. Я должен был срочно вызвать командира, но его не было на месте, а инженер части был в командировке и с самолетами прекратилась связь. Тогда я принял решение сам. Матчасть знал хорошо. Сорвал пломбы, вынул блок,

где, я считал, произошла поломка или срыв, и не ошибся. Запасные части были. Ими заменил вышедшие из строя. Поставил исправленный блок на место. Работа радиации возобновилась. Утром к радиостанции подкатила спецмашина с известным нам капитаном Тюриным. Меня допросили, временно отстранили от работы, завели дело о злостном нарушении секретной инструкции и превышении полномочий. Конечно, было страшно, но больше обидно. Хотел-то я сделать, как лучше.

Командиром нашей дивизии был фронтовик, Герой Советского Союза полковник Боленко. Мне, видимо, повезло, именно он руководил этим вылетом. Связь оборвалась именно с ним. Оперативные документы об инциденте поступили к нему на утверждение. Нас с командиром радиостанции на следующий день, по приказу полковника Боленко, доставили к нему. Башкатова он спросил, где тот был ночью. Мой командир что-то ответил. Боленко спросил у меня, сколько потребовалось времени на ремонт передатчика. Я ответил, что 18 минут. Полковник спросил, кто мне дал приказ сорвать пломбы. Я ответил, что никто мне приказа не давал, но ситуация требовала что-то предпринять, и я решился, поскольку матчасть знаю, где случилась поломка выявил быстро. Нас с командиром отпустили, но настроение осталось плохим. Каким же было наше удивление, особенно мое, когда через несколько дней из штаба дивизии пришел приказ, согласно которому мне за проявленную инициативу, отличное знание порученной материальной части, за выполнение боевой задачи был предоставлен отпуск на Родину сроком на 10 суток, без учета дороги.

И вот я дома. Вроде бы и времени прошло чуть больше года, а изменения произошли. Подросла младшая сестра Зина и теперь училась в зооветтехникуме. Но главное - мама. Она была до того рада, что казалась помолодевшей. Я никогда не видел ее такой счастливой и веселой. Запомнился один эпизод. Случилось так, что в это же время на побывку прибыли мои друзья - Гриша Воронков и Миша Меркульев. Они моряки-тихоокеанцы и я - авиация. Собрались все вместе, вошли во двор нашего домишки. В это время мама вышла из до-

ма. Увидела нас, даже руками всплеснула. Я, как старший по званию, дал команду «смирно – равнение на маму». Мы дружно отдали честь, и я доложил маме, что такие-то, за достижение успехов в боевой и политической подготовке, получив в виде поощрения отпуск на Родину, решили вместе посетить наших родителей и по этому случаю – представиться. Думаю, картина была живописная. Три друга стоят по стойке «смирно». По краям - моряки в бескозырках с лентами, в матросской форме, в клешах, посередине - авиатор в военном мундире, в кирзовых сапогах, на плечах - голубые погоны с лычками, в фуражке с голубым околышком, а перед нами - моя мама, смеющаяся и плачущая одновременно. Да, нечасто я видел такую маму, она похорошела, выпрямилась, она сияла!

Дни отпуска пролетели быстро. Снова служба. В армии в то время – вторая половина 50-х годов - происходили большие перемены. В 1957 г. сняли со всех постов Министра обороны, Маршала, четырежды Героя Советского Союза Г.К. Жукова. Началось сокращение численности вооруженных сил, перевооружение армии. И то и другое коснулось лично меня. Сокращение начали с офицерского состава. В нашу часть пришел приказ о замещении вакантных мест. Суть его состояла в том, что освободившиеся места после сокращения (был сокращен мой командир, начальник радиостанции старший лейтенант Башкатов) разрешалось замещать сверхсрочниками или сержантским составом срочной службы. Я стал начальником радиостанции. Второе изменение касалось перевооружения. Резко сократили дальнюю бомбардировочную авиацию. В списке сокращенных оказалась наша дивизия. Личный состав, значительно поредевший, остался. Вместо самолетов мы получили ракеты. Началось переучивание. Трудность падала на тех, кто должен был в короткое время научиться обслуживать ракеты. Лично моя служба не изменилась. К нашим передатчикам прибавились какие-то секретные модули. Нам объяснили, что они включаются автоматически. С нас взяли расписку – модули не вскрывать, хранить их пуще своей жизни. Переучившись, наш полк стал называться дивизионом, получил приказ собираться на пуск ракет.

Нас, вместе с материальной частью, погрузили в эшелоны, и мы двинулись. Это было ранней весной 1959 г. Прибыли в степи знойной Астрахани. Разместились в чистом поле без конца и края, в палаточном городке, который сами же и соорудили. Каждому дали тюфяк, подушку, одеяло и смену чистого постельного белья. По утрам, после зарядки и завтрака нас везли к пусковым устройствам. Здесь мы впервые увидели настоящие ракеты. Обучались по чертежам и снимкам. Здесь же оказалась наша опечатанная радиостанция. Это - внешне красивая и аккуратная будка на базе ЗИЛа, утепленная внутри и красиво оборудованная. Третью будки занимал передатчик, стоял запасной движок и хороший мощный приемник, а также стол радиста со всеми приспособлениями.

Запуск ракет (удивительное зрелище) мы производили с Полигона «Капустин яр», в то время очень секретного объекта. Письма писали с обратным адресом «Москва 77» п/ч. Родственники считали, что моя служба проходит в Москве. В письмах просили навестить родных или знакомых, живущих в Москве или Московской области. Служба шла, запуски продолжались. После одного из них нас собрали, построили и объявили благодарность от командования за успешную работу (запуск). Сказали, чтобы завтра обязательно посмотрели центральные газеты. Будет сообщение правительства об успешном запуске ракеты с первыми живыми существами-космонавтами «Белкой» и «Стрелкой». Этот запуск совершили МЫ! Радостно было такое осознавать.

Службу в армии завершил осенью 1959 г. Служил три года. Годы службы, в отличие от многих, потерянными временами не считаю, многое узнал, увидел, понял. Там стал взрослым человеком, научился работать с людьми, отвечать за свои поступки. Вернувшись домой, поступил на работу на прежнее место, на хлебозавод. Пек хлеб, стряпал мелкоштучные мучные изделия. Проработав год, поступил учиться на историко-филологический факультет Горно-Алтайского педагогического института. Учеба в вузе давалась легко, учился на отлично. Занимался спортом – зимой лыжи, летом велосипед, футбол, туризм.

В 1963 г. Я вступил в брак с однокурсницей Лидией Степановной Баженовой. Прожили вместе 36 с половиной лет. Лида после двухлетней тяжелой болезни умерла 5 мая 1999 г. В семье родились две дочери: Рита в 1964 г. и Женя в 1972 г. Дочери выросли, получили высшее образование, создали свои семьи и подарили мне трех внуков и внучку.

Успешно закончив обучение в институте, работал в городской школе № 12, учителем физвоспитания и истории, затем был переведен в педагогическое училище преподавателем истории и обществоведения. Через год, здесь же, был назначен заведующим учебной частью. Работа шла успешно, но чего-то не хватало, и я перешел на работу в пединститут. Через два года поступил в очную аспирантуру Томского государственного университета. За годы учебы в аспирантуре подготовил и успешно защитил кандидатскую диссертацию. Затем работал в институте. Получил звание доцента. Много времени уделял общественной работе. Избирался секретарем партийной организации факультета, затем института. Несколько лет подряд избирался председателем комитета профсоюза института. В 1983 г, я был избран заведующим кафедрой политической истории. На этой должности проработал более 10 лет. Избирался деканом исторического факультета. В 1995 г. поступил учиться в очную докторантуру при Новосибирской высшей партийной школе. Окончил ее и подготовил докторскую диссертацию, которую в 1997 г. успешно защитил. Защищать ее пришлось дважды. Первый раз в диссертационном Совете Томского госуниверситета. Защиту признали лучшей за год (был такой показатель). Однако нашелся «доброжелатель», в ВАК (Высшая аттестационная комиссия при правительстве СССР) пришло компрометирующее письмо. ВАК на него среагировал. Была назначена перезащита в Московском институте истории при Академии наук. В этом же 1997 г. состоялась вторая защита, которая прошла с еще большим успехом. Весь совет проголосовал «за». ВАК утвердил это решение. мне была присуждена ученая степень доктора исторических наук. Бесследно это не прошло. Я перенес инфаркт, получил вторую группу

инвалидности. Но, благодарение Богу, закаленный в спорте и борьбе с жизненными неурядицами, мой организм до известной степени укрепился. До настоящего времени я в строю. Работаю профессором в своем Университете, по возможности не расстаюсь с физкультурой, люблю жизнь, своих детей и внуков.

За годы работы получил большое количество благодарственных грамот различных уровней – городских г. Горно-Алтайска, от ректора, областных и республиканских органов власти. Отмечен высокими органами власти бывшего Советского Союза и Российской Федерации. В настоящее время я Почетный и Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, награжден рядом медалей. Избран академиком ПАНИ, удостоен звания заслуженный деятель науки Республики Алтай.

Безотцовщина

**Муравьёва Валентина Максимовна,
к. б. н., доцент
Ветеран труда**

Валентина Максимовна в университете работает с 1964 г. Закончила очную аспирантуру при Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина. В 1973 г. защитила кандидатскую диссертацию, в 1978 г. получила звание доцента. Валентина Максимовна преподает дисциплины: «Зоология беспозвоночных», «Зоология позвоночных», «Общая экология», «Этология». С 1995 г. по декабрь 2010 г. заведовала кафедрой зоологии, экологии и генетики.

Война! Какое это страшное слово для тех людей, которые каким-то образом ощутили её тяготы. Конечно там, где мы жили, не было военных действий, мы не видели гибели людей и крови, не ощутили воочию страдания людей, их крики о помощи и т.д. Самое, может, главное, что мы, дети, остались без отцов и на долгие годы получили кличку – безотцовщина. Кроме того, мы не получили и достаточного внимания со стороны матерей, так как они во время войны работали с рассвета до темноты со святым лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!».

С первых дней войны отец Муравьёв Максим Фёдорович ушёл на фронт. Жили мы в Чарышском районе с. Усть-Тулатинка Алтайского края. На тот момент в семье нас было 5 детей и мама была беременна шестым ребёнком. Мама была безграмотная колхозница

Самая младшая сестра Лида родилась в конце октября (30) 1941 года, когда пожар войны полыхал уже по всей Европе. Все мужчины нашего села за исключением стариков и инвалидов сражались с врагом. Это была осень, время уборки урожая, и наша мама после рождения Лиды уже с утра до ночи трудилась на колхозных полях, а грудной ребёнок был на попечении няnek в яслях, т.к. старшая сестра Нина (1929 г. р.) уже тоже работала в колхозе, хотя должна была учиться ещё в школе. Самая старшая – Анна была на учёбе в с. Алтайское в Молшколе, училась на мастера сыроделия и маслоделия (1922 г. р.). Мария была мобилизована в г. Барнаул на военный завод (1927г. р.), ранее Меланжевый комбинат. Брату Михаилу было шесть лет, а мне 2 года. Целый день ему приходилось досматривать за мной. В течение дня он как-то с этой обязанностью справлялся, а вот с наступлением сумерек боялся заходить в дом. Поэтому мама, придя часов в 11-12 вечера с работы, часто отыскивала нас спящими под лопухами у плетня и сонных переносила в дом. А утром рано, подоив корову и проводив её на пастбище, когда мы ещё спали, уходила на работу. Можно сказать, что летом практически маму мы не видели, питались в основном молоком и хлебом и той холодной едой, которую она успевала нам приготовить ночью.

Сестра Нина вместе с мамой тоже уходила на работу: весной в поле они, по существу ещё дети, вместе со взрослыми женщинами осеяли вручную хлеб: пшеницу, рожь, овёс. Девочек 12-13 лет ставили по пять человек, между ними взрослая женщина, затем опять девочек и взрослую женщину и т. д. Остальные дети с 2-3 месяцев уже были определены в ясли, в том числе и моя сестра Лида. Естественно, что на всех ясельных детей была одна няня, т.к. в колхозе не хватало рабочих рук.

От непомерно тяжкого труда в колхозе наша мама заболела; у неё отказали ноги. Пришлось вызвать из Барнаула сестру Марию, которая вынуждена была ухаживать за двумя детьми; полугодовалой Лидой и двухлетней мной. Брату было всё-таки уже шесть лет, тем не менее за ним тоже нужен был пригляд, мама ведь совсем ходить не могла.

Кроме того, и за хозяйством нужно было ухаживать: доить и провожать на пастбище корову, печь хлеб, готовить еду нам, младшим, постирать, убрать в доме. Кроме всего прочего председатель колхоза обязал Марию еще и работать в колхозе, и когда кончился срок её так называемого «отпуска», он сказал ей, что в Барнаул она не поедет - в колхозе тоже нужны рабочие руки. В результате через несколько дней её арестовали, увезли в Барнаул и по закону военного времени посадили в тюрьму как человека дезертировавшего с военного завода, хотя ей было всего 16 лет.

Пока мама поднялась на ноги, на товарняках добралась до Барнаула, прошло 7 месяцев. Ведь мама была совершенно безграмотной и искала свою дочь по принципу «язык до Киева доведёт». Таким образом, моя сестра во время войны, будучи подростком, провела 7 месяцев, как она рассказывала, на цементном полу, рядом с парашей. Из тюрьмы мама её забрала, как оказалось впоследствии, неизлечимо больной, полуслепой. Прожила она после этого 10 лет в постоянной болезни. Все, что у нас было, мама отдавала различным знахаркам, чтобы вылечить её. Там, где мы жили, не было больницы, ни медицинского пункта, а до районного центра с. Чарыш можно было добраться только на лошадях верхом. Вот почему моя сестра не могла в то военное время получить традиционное медицинское лечение, какую-то медицинскую помощь. Основным средством лечения была народная или, как теперь принято говорить, нетрадиционная медицина.

Будучи ребёнком (2-4 лет), я хорошо помню, что в войну, живя в селе, где был огород, корова мы не испытывали голода. Кроме того, была рядом река Чарыш, в которой в то время было много рыбы. А у нас прямо за плетнём огорода была старица, в которой тоже бреднем ловили мелкую рыбу и беззубок. Не помню, чтобы последних употребляли мы в пищу, но, кажется, на корм животным использовали.

В 1945 г. мы, дети, вместе со взрослыми встречали солдат, возвращающихся с войны. Мне тогда уже было 6 лет. Встречали их за Чарышом, куда нужно было переправиться на пароме – это были две большие лодки, соединённые настилом, куда могли заезжать лошади

с телегами и заходить люди. Паром буквально был забит людьми взрослыми, поэтому мы, дети разного возраста (в том числе, я с младшей сестрёнкой), оказались внизу в лодках под настилом. Помню, что отец меня взял на руки, а Лида крутилась рядом. И только тогда, когда кто-то из взрослых сказал ему: «Это тоже твоя дочь», он обратил на неё внимание, она ведь родилась, когда он уже был на фронте. Как оказалось, в последние дни отца сильно контузило, и у него одна половина тела была парализована. Поэтому он не мог взять одновременно на руки двух детей.

Когда отец узнал, что случилось с его дочерью Марией и, как она попала в тюрьму во время войны, во избежание ещё большей беды, он решил семью увезти из этого села. Оказалось, что Марию в тюрьму посадил по существу председатель колхоза, который не отправил её вовремя на завод, а заставил работать в колхозе, заведомо зная, чем это может закончиться, тем самым как бы отомстил отцу за что-то, чего я не знаю. (Это знала моя мама, но, к сожалению, она об этом подробно не рассказывала, а как-то однажды упомянула вскользь, по чьей вине наша сестра оказалась в тюрьме в войну).

Запрягли в какую-то тележку нашу корову-кормилицу («Чернуху»), то, что можно было поместить в эту тележку из нашего скарба, плюс нас с Лидой, и мы отправились в с. Алтайское, где уже была замужем наша старшая сестра Анна. К этому времени у неё уже была дочка Галя, т.е. моя племянница, которую она родила 1 мая 1942 г. Таким образом, у них разница с Лидой, её младшей тётёй, полгода. Ехали мы в основном по горам, через с. Бащелак, с. Петропавловск, с. Белокуриху. Наш путь составлял где-то 300 км.

Приехали мы в Алтайское, а семья нашей сестры живут втроём в избушке плетенушке, т.е. в два ряда сплетён плетень из ивовых веток между плетнями засыпана почва, плетень снаружи и внутри оштукатурен глиной с соломой, печь, сбитая из глины. Их трое, и нас «прибыло» 5 человек. Отец практически инвалид, мама сразу пошла работать в колхоз. Через некоторое время отец устроился на кожевенный завод. Поскольку у него одна половина тела после контузии была не

рабочая. Не закрывался один глаз, не держалась моча, не работала рука, он с трудом передвигал одну ногу. Приходил с работы весь мокрый, отдохнуть и помыться практически было негде. Когда ещё было на улице тепло, все эти невзгоды можно было преодолеть, а вот наступила зима, жить совсем стало сложно. Всё, что мама посадила в Усть-Тулатинке, осталось там, вместе с сестрой Ниной, она продолжала там работать в колхозе. Нина переехала к нам только весной 1946 г., но отца уже не было в живых, а мы с мамой уже жили в колхозном телятнике, в одном из его уголков, т.к. остальное место занимали новорождённые телята. Спустя некоторое время к нам подселили ещё одну женщину с двумя детьми. Эта семья оказалась очень завшивленной, и наша мама, как могла, оберегала нас от тесного общения с ними, хотя в таких условиях, как жизнь в телятнике, это было невозможно. Мы, конечно, все тоже скоро стали вшивыми. И началась борьба с этими насекомыми, которые переносили такую страшную болезнь как тиф, вспышки которой наблюдались постоянно в годы голода, войн и других лихолетий. Но нас эта беда миновала. Зимой мы прожили в этом телятнике, а к весне маме пришлось продать корову и купить небольшую избушку, в какой-то близлежащей деревушке, её перевезли в Алтайское и поставили на улице между двух дорог. Земля под огород была, соток 15-20, огородить ее с 4-х сторон было нечем и не под силу маме, поэтому от скота мы его окопали канавой. Это была ненадёжная «изгородь», и нам, детям, приходилось постоянно охранять огород, особенно вечером, когда коровы возвращались с пастбища. Естественно, мы, как все дети, иногда заигрывались, и телята, свиньи оказывались в нашем огороде и уничтожали часть урожая. Мама нас практически не наказывала физически никого, но выговоры мы от неё получали, а чаще всего она плакала, и это для нас было самое страшное наказание.

Весной, как только появлялись проталины, мы, перебегая места ещё не растаявшего снега, бегали босые по ним, устраивая разные игры, в основном с мячом, который мы скатывали из коровьей шерсти. Резиновых мячей не было. И так, босые, мы проводили всё лето до

поздней осени, пока не выпадал снег. Осенью, когда уже начинались заморозки, сидели дома. Я помню, что уже с 6 лет приходилось доить корову, полоть в огороде и как-то зарабатывать себе на одежду. Поэтому мы ходили по дворам и таскали кизяки, за что нам платили деньги в зависимости от того, сколько их сделаешь. Кизяки использовались для отопления домов зимой, с помощью их готовили еду и пекли хлеб. Делали их в основном из помёта крупного рогатого скота, смешанного с соломой и остатками корма, т.е. сена, которым кормили животных зимой. В начале лета эти навозные кучи разбрасывали более тонким слоем, хорошо поливали водой и топтали лошадьми: человек стоял посреди этого круга и по нему гонял лошадей. В результате через некоторое время такой процедуры получалась более менее однородная масса. Эту массу мы, чаще всего дети разного возраста от 6 лет и старше, голыми руками накладывали в специальные станки, утаптывали ногами, тоже голыми и несли на место, специально приготовленное, т.е. чистое от травы и более- менее ровное. Там из станков мы вываливали эти квадратики ровными рядами. Часто в такой массе попадались стёкла или ещё какие-то острые предметы, и мы ходили с пораненными руками, а чаще ногами. Помню, как моя младшая сестра Лида с племянницей Галей делали кизяки в соседней деревне Макарьевке, детей туда увезли на телеге. И в самом начале работы Лида отрезала полпятки разбитым стеклянным стаканом. Гале пришлось одной сделать около тысячи таких кирпичиков, а Лида весь день проплакала от боли и от того, что ничего не заработала. Но она всегда с благодарностью вспоминает, что племянница поделила деньги пополам. Но в этот сезон Лида уже не смогла зарабатывать деньги себе на книги и одежду. А было им в то время по 8-9 лет.

Часто бывало и такое, когда хозяева выкашивали траву под кизяки недели за две, оставшиеся стебли высыхали и ходить по ним голыми ногами было небезопасно, т.к. наши ноги превращались в сплошные раны. А вечером мы были до того грязные в этом засохшем на руках ногах и теле навозе, и отмываться приходилось бежать на речку Каменку, иногда это было за 500 м до 1,5 км. Станок для ки-

зьяков представлял рамку где-то 60 на 60 см, разделенную на 2 части с высотой см 20-40 и с ручкой. Вес такого одного станка, наполненного навозной массой, составлял от 3 до 4-х кг. Носили обычно по два станка. Это был наш основной детский заработок, на эти деньги покупали книги и одежду.

Когда сезон кизяков кончался, мы помогали взрослым в колхозе на полях и других работах. Наша мама работала свиначкой 25 лет, поэтому летом мы пасли свиней, кроме этого, у нас выращивали табак, и мы ухаживали за его рассадой, на ночь закрывали ее, поливали, воду таскали из речки, утром открывали, пололи. А когда она подрастала, вместе со взрослыми женщинами высаживали её на поля, где затем постоянно рыхлили почву, первое время поливали, когда растения начинали цвести, обламывали цвет и пасынки. Это была очень трудная работа, т.к. мы практически несколько часов дышали теми испарениями, которые шли от табака, начинала болеть голова до тошноты, попросту мы травилась этими одурманивающими запахами. Приходило время его уборки, мы, дети, снова были задействованы: стебли табака разрезали ножами где-то на 2/3 и развешивали навешала для сушки. Высохшие стебли табака затем связывали в снопики, и уже отправлялся он на фабрики для дальнейшей обработки. Кажется, такая табачная фабрика была в г. Бийске. Кроме работы на табачном поле, работали мы и на конопляных полях. Когда конопля начинала цвести, мы дёргали посконь. Чем больше сделаешь из выдернутой поскони снопиков, тем больше получишь трудодней, которые записывались на маму. Осенью коноплю жали, молотили, растилали на поле на зиму под снег, весной сушили и на особых станках вручную мяли до получения волокон, из которых изготавливали прочные верёвки и канаты. Приготовлением волокон также занимались и мы, дети, вместе со взрослыми женщинами. Это также была очень тяжелая работа, требующая больших физических усилий.

Осенью, когда начиналась уборка зерновых, мы уже работали на току, деревянными лопатами грузили зерно на машины и ехали на элеватор, где уже выгружали его, также лопатами. Несмотря на то,

что это также была тяжёлая работа, но мы её любили больше других потому, что можно было ещё и прокатиться на машине в кузове с зерном, где ещё и было мягко. После такого труда днём мы часто с сестрой Лидой ещё ночью помогали маме веять зерно, вернее, очищать его от мусора. Засыпали ведрами зерно в бункер веялки, а потом нужно было крутить ручкой барабан. У мамы просто не хватало сил одной его крутить. Она бралась за ручку с одной стороны, а мы с Лидой вдвоём с другой. Мусор, пыль летели назад, а зерно более чистое сыпалось впереди. Зерно и мусор нужно было постоянно откидывать от веялки лопатами. Кроме того, что эта работа была физически очень тяжёлая, мы ещё постоянно находились в «облаке» пыли, которой буквально приходилось дышать. Всё лето на всех видах работ, в том числе и на сборе полевых ягод (клубники) мы бегали босые. Так что подошвы наших ног к концу сентября были такие твёрдые и «прочные», что мы порой не ощущали особой боли, наступив на что-то очень твердое и колкое. В отдельные годы мы и в школу почти весь сентябрь ходили босые, иногда и до середины октября.

В 1946 г. я пошла учиться, тоже босая, в первый класс. Первой моей учительницей была Надежда Минеевна. Это была очень красивая женщина с короной из кос на голове. Помню, что у неё была домработница по имени Шура, женщина средних лет, очень приветливая, добрая. Наша учительнице, вероятно, была из числа эвакуированных к нам в село. У наших матерей, которые растили детей в основном одни, домработниц не было. Всю работу по дому, хозяйству они делали сами, конечно, мы, кто как мог, помогали им. Поэтому я маме сказала: «Когда я буду большая, то у меня никогда не будет домработницы, я всё буду делать сама». Так оно и получилось по жизни, что мне практически одной пришлось растить двух детей, постоянно иметь сад-огород и, пока они не подросли, всё делать самой. Так что данное маме обещание я выполнила.

Итак, в первом классе я проучилась до середины, а может, чуть меньше октября, далее начались дожди и босой в школу ходить уже было нельзя, поэтому мама сказала: «Сиди дома, вот выпадет снег,

подморозит и тогда пойдёшь в школу снова, т.к. валенки были у нас с Лидой на двоих. С самого первого класса я очень хотела учиться, и это желание учиться осталось и сейчас. Но, видимо, октябрьские холода дали о себе знать, и я заболела воспалением лёгких, меня положили в больницу, и в школу в валенках я пришла снова уже через два месяца. Ко мне подошла одна девочка, более старшая, и начала смеяться – вот не ходила столько времени и явилась, кто тебя теперь будет учить. Пришла я домой со слезами, что смеются надо мной в школе. Мама сказала: «Сиди дома, на следующий год купим обувь, и пойдёшь в школу нормально, да и ты ещё очень кашляешь, больше простынешь. Одна больная (это она имела ввиду Марию, которая после тюрьмы всё болела), и ещё будет одна. Нет, пойдёшь в школу на следующий год». Тем более мои соседки – подружки Галя Рыдаева, Галя Попова и Галя Бочкарёва тоже пошли в школу через год, и с ними мы проучились в одном классе все 10 лет. Из нас четверых подружек отец был только у Гали Бочкарёвой, да и она была одним ребёнком в семье.

У Гали Поповой отец считался без вести пропавшим, но её старшая сестра, будучи уже взрослой девушкой, окончившей техникум, писала по разным инстанциям, разыскивая отца, и её поиски увенчались успехом. Он оказался жив и после войны жил где-то в европейской части России. И вот, кажется, через три года он вернулся к семье, в которой было четверо детей и тоже безграмотная мать. И конечно мы все, дети, жившие на нашей улице, до слёз завидовали Гале. Она была последним ребёнком в их семье и очень заикалась, поэтому в школу пошла тоже на год позже. Всё время в школу её провожала старшая сестра с прутом, т.к. она не хотела идти, очень стеснялась своего речевого недостатка.

В начальных классах мы больше дружили с Галей Рыдаевой, поскольку жили рядом через дорогу. В сентябре мы ещё ходили в школу босые с ней, но, чтобы не отличаться от других детей в обуви, мы с ней мазали себе ноги ежевикой, т.е. рисовали себе иногда туфельки, иногда ботиночки или сапожки. Но, чтобы это сделать до школы, мы

должны были сбегать за село, туда, где росла ежевика. Руки у нас в школе перед занятиями всегда проверяли – чистые ли они, а вот на наши ноги вообще не обращали внимание. Также ежедневно у нас проверяли и голову, ибо мы практически все были ещё завшивленными. Но к этому времени появился в продаже дуст. Нам дома посыпали им голову, завязывали платком туго и приходилось несколько часов буквально мучиться в такой повязке, вши, естественно, перед своей смертью, становились «злее», и голова чесалась очень, но повязку снимать было нельзя. Если у кого не было дуста, голову мазали керосином и тоже завязывали туго платком, но потом она долго пахла керосином.

Помню, бабушка Гали Рыдаевой всё время говорила: «Спасибо Сталину, что придумал дуст и избавил нас от вшей». А я хочу сказать спасибо этой бабушке, что она нас всегда перед школой подкармливала кукурузными блинами. Человек 5-6 мы утром заходили за её внуками, чтобы вместе идти в школу, она в это время сидела на стуле перед русской печью и пекла эти толстые блины на большой сковороде, а дядя Коля, её взрослый сын мазал каждый блин топлёным свиным салом. Как же это было вкусно! Даже сейчас я не могу это вспоминать без обильного слюнотечения.

Как только начиналась весна, появлялись первые проталины, мы уже старались по ним бегать босыми, играть в самодельные мячи, которые катали из коровьей шерсти. Как только начинали появляться растения, мы переходили на «подножный корм». Мальчишки уходили с лопатами копать корень солодки, нас, девочек, обычно не брали с собой. Солодка росла где-то километрах в 5-7 от села. К вечеру они, накопав корней, часто обвивали себя ими вокруг талии, возвращались и всех нас угощали этими корнями. Поскольку они были сладкие, мы долго их жевали, носили в школу и раздавали другим детям. Затем начинали цвести «барашки» (примула или первоцвет), их мы тоже ели в большом количестве. Цветы медуницы мы срывали и высасывали из них нектар, а цветоносы тоже ели. Ели также пучки (цветоносы) лопуха. Затем бегали в овраг, где росли «огурчики», пока они бы-

ли мягкие (до сих пор не знаю, как называется это растение). Ну а из крапивы и лебеды нам варили суп. В мае мы уже бегали в горы и собирали там дикий лук (вшивик) и тоже ели его в большом количестве, как и заячью капусту (молодило).

Мы очень рано начинали купаться в речке Каменке, тогда она была гораздо полноводнее, шире и гораздо глубже, в районе Заготзерна были довольно глубокие места, куда мы прыгали с высокого берега. Когда на противоположном низком берегу начинал цвести синяк, и на нём появлялось много пчёл, мы ловили их за крылышки, чтобы они не пустили жало в пальцы. Подносили их к пяткам и они жало пускали нам в пятки. Даже устраивали соревнования, кто больше поставит в пятки таких «уколов». Кожа на наших пятках была такая толстая, что «укуса» пчёл мы не чувствовали. Самым сложным из этих действий было поймать пчелу за крылышки так, чтобы она не пустила жало в руку. В овраге, где был сделан колодец, очень долго не таял снег, и мы с подружками умудрялись босые кататься по нему, почти на голых попах, пока соседка, придя за водой в овраг, не застала нас за этим занятием и как следует не настегала нас тонким прутиком и не пообещала рассказать родителям. Больше мы уже никогда не устраивали подобных игр.

Начиная лет с 8, мы уже ходили достаточно далеко собирать клубнику с семи и более литровыми ведрами. Обычно нас будили рано, часов в 5 или даже чуть пораньше, когда коров гнали на пастбища, а вслед за ними мы шли гурьбой, звеня своими чаще всего цинковыми ведёрками, других тогда не было. До места сбора ягод мы добирались часа за полтора, а уже часов в 11 начинали идти назад, с ношей было идти гораздо труднее, да и начиналась уже дневная жара. За сезон клубники мы набирали много и в основном её сушили; варенье в те годы не варили, просто не было сахара. Отходил сезон клубники, через некоторое время начинался сезон черёмухи, собирать которую было гораздо труднее, а тем более нести до дома. В начале осени начинали собирать боярку. Эти ягоды также сушили, потом мололи на мельнице до состояния муки, заваривали кипятком, добав-

ляли немного сахара, получалась прекрасная, вкусная начинка для пирогов или вкусное своеобразное варенье.

Начиная с пятого класса, муж моей старшей сестры летом устраивал меня на заработки в пищепром, где мы в горах собирали кислицу. Это было очень тяжело. Нужно было набрать два десятилитровых ведра ягод и спуститься с ними по лесу и высокой траве вниз, где сдать её приёмщику. При таких спусках с горы на пути часто встречались большие поваленные деревья, через которые невозможно было перешагнуть. Или встречались пни, скрытые травой. Сколько было обиды и горести, когда, запнувшись, падал и рассыпал оба ведра ягод. В отдельные дни такой путь был улит слезами, от того, что ничего не заработал в этот день.

Таким образом, получается, что все летние каникулы мы работали, помогая маме на колхозных полях или зарабатывая деньги, чтобы купить школьные учебники, одежду, обувь. Осенью, придя в школу, нас почти весь сентябрь вместе с учителями также привлекали на уборку урожая. Начиная с восьмого класса, мы, школьники, практически не учились весь сентябрь, т.к. нас часто увозили в маленькие сёла для помощи в уборке урожая или заготовке сена. За подобные работы нам, естественно, ничего не платили. Ведь в те годы и взрослым, постоянно работающим в колхозе, деньги давали только раз в год, т.е. расчет их был перед новым годом и то в основном натуральными продуктами, чаще всего зерном.

За ударный труд на колхозных полях в 1956 г в с. Сараса мы с моей подругой Галей Бочкарёвой в 1968 г. были награждены медалями «За освоение целинных земель». Спустя год после окончания средней школы, мы уже работали на Алтайском тракторном заводе в г. Рубцовске в инструментальном цехе сварщиками. Нас с ней вызвали для вручения медалей на седьмое ноября в родную школу.

С 1 по 7 класс мы учились в семилетней школе, в которой было печное отопление, и размещалась она в трёх деревянных домах. Именно во дворе этой школы мы зимой собирали золу, которую весной вывозили на поля в качестве удобрений. Золы было очень много,

т.к. основным топливом населения села были кизяки. Зимой мы также собирали семена клёна, которые школа отправляла в степные районы Алтайского края для посева лесополосы между полями с посевами зерновых культур. Эти лесополосы и до настоящего времени «несут свою службу» по задержанию снега на многочисленных полях и защиты их от суховеев в летнее время. В то время их называли «Сталинские лесополосы».

Начиная с четвёртого класса, под руководством учителя ботаники Покровского Николая Петровича мы занимались в кружке юннатов: летом весной и осенью работали на пришкольном участке, а зимой ухаживали за комнатными растениями. Поэтому, вероятно, ботаника была моим любимым школьным предметом и эта любовь к растениям продолжается и по сей день. Но жизнь распорядилась так, что я стала зоологом.

После окончания семи классов нужно было переходить в среднюю школу. Но платить за обучение уже в 8-ом классе маме было просто нечем, т.к. в колхозе им деньги давали только раз в год, да и вряд ли ей бы дали 150 рублей. Да и кроме меня у неё было ещё четыре иждивенца. Поэтому меня усиленно уговаривали пойти учиться в молочный техникум. Но ведь я-то с первого класса хотела быть учительницей, поэтому до самой осени я почти рыдала ежедневно. Ехать в Горно-Алтайск в педучилище также было не на что. Где жить? Как питаться? Так я осталась в своём селе. Документы в техникум не подала, а с первого сентября вместе со своими подружками пошла в среднюю школу, обманув свою горячо любимую маму. И так я с угрызениями совести, с ежедневными мыслями, что будет завтра, проучилась две четверти. И какое же было для меня счастье, что в этот год отменили плату за обучение в средней школе. Тогда я призналась маме, что не учусь в техникуме, а учусь вместе со всеми своими подружками в средней «белой» школе. Все мы учились прилежно, не помню, чтобы кто-то прогуливал уроки, огромная была тяга к знаниям, большинство ходили в школу в валенках и фуфайках зимой, но уже в средней школе в форме, девочки в коричневых шерстяных

платьях и чёрных фартуках, на праздники и другие торжественные дни были белые фартуки. На эту школьную одежду приходилось самой зарабатывать деньги.

Три года в средней школе я была секретарём комсомольской организации школы. Старший наш наставник был учитель истории Юрий Николаевич Варг, который приехал к нам в школу, вероятно, по распределению, а скорее всего, по комсомольской путёвке из г. Ленинграда. По его совету мы решили пилить и колоть дрова для отопления школы, а на заработанные деньги купили коньки для уроков физкультуры для всей школы, правда, без ботинок, но мы привязывали их к валенкам. Каток во дворе школы мы тоже заливали сами, но чаще всего катались на нашей речке Каменке, когда она замерзала.

После окончания школы мы решили всем классом поехать работать на Алтайский тракторный завод, опять-таки не без влияния Юрия Николаевича. Просто ехать учиться в институт было не на что и не в чем большинству из нас. Всем классом не получилось, т. к. многих родители не отпустили в рабочий класс. Из 3-х классов набралось 15 человек. Юрий Николаевич увёз нас в Рубцовск, устроил в разные цеха завода, в общежитие, где жили рабочие этого завода. Так мы начали свою самостоятельную рабочую жизнь. Я два года проработала в инструментальном цехе стыковой сварщицей. Мои близкие подруги Галя Рыдаева и Галя Бочкарёва, проработав год, пошли учиться – первая в медицинское училище в г. Рубцовске, вторая уехала в Барнаул, окончила там экономический техникум. Через год парней забрали в армию. Работали мы на заводе в три смены: первая смена с 8 утра до 2-х часов дня, вторая с 3-х часов дня до 11 вечера и третья с 12 ночи до 7 утра. Уже на второй год меня избрали секретарём комсомольской организации участка, в которой состояло 30 парней кузнецов и 5 девушек - отрезчиков и сварщиц. Начальник цеха и мастер нашего участка очень уговаривали меня поступать в технический институт, вечернее отделение барнаульского политеха было в Рубцовске. Но ведь я уже давно решила, что буду учительницей и изменить своей мечте я просто не могла. Поэтому, проработав два года

на Алтайском тракторном заводе, купив себе необходимую одежду, самое главное - толстое осеннее бобриковое пальто, которое можно было носить и зимой, я уволилась с работы и поехала домой, в Алтайское, предупредить маму, что буду поступать в институт.

Там встретился мне Юрий Николаевич Варг, наш учитель истории, и уговорил меня поступать в МГПИ им В.И. Ленина в Москву. Всё дело в том, что в тот год вступительные экзамены можно было сдавать в Горно-Алтайском пединституте на естественно-географический факультет, т.е. это был тот факультет, на котором я и мечтала учиться. Это был 1959 г., когда в центральных вузах страны выделяли места для детей с периферии. Успешно сдав вступительные экзамены, я с радостью и большой надеждой, что буду учиться в Москве, приехала домой. Но дома ни мама, ни старшие сестры не были рады этому, они понимали, что ехать в Москву мне просто не на что, тем более учиться там пять лет, им было понятно, что на стипендию в 22 рубля мне не прожить, а помогать материально мне никто из них не мог. Плюс ко всему я заболела и попала в больницу. Так я осталась учиться в Горно-Алтайском пединституте, где моей стипендии хватало прожить, заплатить за квартиру и даже что-то купить иногда из одежды.

Уже первую сессию я сдала на «отлично», и все последующие годы получала повышенную стипендию, которая была больше на 4 рубля обычной. После четвёртого курса, в связи с тем, что в Алтайском крае не хватало в школах учителей географии и биологии, нас отправили работать в школы края. Пятый курс мы практически заканчивали как студенты-заочники. Мне пришлось работать в средней школе с. Каменка, рядом почти с с.Алтайское, т.е. почти дома. Жить пришлось на частной квартире у одной колхозницы. Вместо своей любимой биологии пришлось вести географию. Сразу же мне дали классное руководство в 9 классе, где почему-то учились одни мальчики, а классным руководителем у них я оказалась пятым. Они встретили меня со словами, что всё равно я от них откажусь, как другие до меня. В 1964 г. я окончила естественно-географический институт

Горно-Алтайского педагогического института с отличием, но дипломы нам не вручили, т.к. из Москвы их не прислали. Диплом свой я получила только через год.

После окончания института кафедра зоологии рекомендовала меня для поступления в аспирантуру при кафедре зоологии пединститута МГПИ им. В. И. Ленина в Москве. Когда в августе я обратилась за выпиской на нашу кафедру, был уже новый зав. кафедрой Корицкий, который такую выписку мне не дал, прислушавшись к совету Кирюшкина С., который меня совершенно не знал, но решил, что окончившие Горно-Алтайский пединститут студенты в аспирантуре не потянут. Заведующий кафедрой предложил мне поработать на кафедре и вести анатомию. На этот предмет я не согласилась, т.к. не имела соответствующей подготовки по данной дисциплине. Решила, что поеду искать работу в школе. Мои наставники Н.В. Ялбачев и Н.А. Новикова, Г.Е. Смехова убедили меня, что нужно остаться на кафедре, пообещав мне, что я буду вести зоологию.

Таким образом, проработав 4 года на кафедре: два года в должности ассистента и два года в должности старшего преподавателя, в 1969 г. я поступила в очную аспирантуру при кафедре зоологии и дарвинизма пединститута им В.И. Ленина в Москве. В 1973 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию и вернулась на работу на свою любимую кафедру. В 1978 г. мне присвоили учёное звание доцента, и в этой должности я проработала на кафедре до 74 лет. Более 20 лет выполняла обязанности заместителя заведующего кафедрой, которых за это время сменилось 5, и более 10 лет заведовала кафедрой «Зоологии экологии и генетики», которая за это время дважды занимала по результатам научной работы первое место уже в Государственном университете - ГАГУ.

Босоногое детство

**Писанова Валентина Ивановна,
Ветеран труда**

Родилась в с.Тегун Кытмыновского района Алтайского края в 1949г. Окончила Барнаульский сельскохозяйственный институт по специальности зооинженер. С 1993 г. занимала должность старшего лаборанта на кафедре иностранного языка. А с 1997 по 2010 гг. работала заведующей архивом.

Родилась я в Кытмыновском районе Алтайского края в 1949 году. Хотя мы не испытали тяготы войны, зато хорошо помним то послевоенное, босоногое детство, когда из руин восстанавливали все по крохам. Помню, кругом одна беднота, серость, но люди были такие дружные, веселые, сплоченные, как одна семья.

У отца было 4 класса, был членом КПСС, работал председателем в колхозе им. Сталина. Когда его взяли на войну, ему было всего 23 года. Прошел всю войну. И в день победы его сильно контузило. Он имел много наград. По состоянию здоровья, он не смог работать руководителем.

У родителей нас было пятеро. Семья большая, приходилось много работать, полоть свеклу, делать кизяки. Игрушек у нас не было, в то время их не продавали. Помню, отец нам сделал деревянную куклу, как мы радовались, а когда подросли, сожгли ее.

Голодными мы не были, держали много скота, был большой сад, огород.

В 60-ые годы, во времена правления Хрущева, мы сдавали молоко и яйца на молоканку, а за это давали копеечки.

У некоторых не было подворья, их тоже обязывали. Займи, но план сделай.

Мама не работала, дома хватало забот. Вот так и жили.

В 1975 году я закончила АСХИ, а в 1984 году – экономический факультет. Мечтала работать председателем колхоза, но в 90-ые годы все сельское хозяйство начало разваливаться, сузы и вузы перевели на самоокупаемость. А без дотаций едва ли вылезешь?

По состоянию здоровья мужа переехали в город. Наград у меня много.

1) Почетная грамота- как пропагандист школы коммунистического труда за хорошую организацию и высокий идейно-теоретический уровень знаний. КПСС 1985г. секретарь райкома.

2) Значок «Победитель соц. соревнования -1976года»

3) Неоднократно награждали денежной премией и маленькой библиотечкой.

4) В университете ежегодно получала благодарственные письма и денежные премии с госархива.

5) Почетная грамота за многолетний и добросовестный труд-2009, и за другие годы.

6) Почетная грамота Министерства образования и науки Российской Федерации-2006г.

Помню, что много работали

Табаев Даниил Иванович
д.ю.н., профессор,
Ветеран труда

В ГАГУ работает с 2002 г. профессором кафедры теории и истории государства и права. Ведет курс «Конституционное право Республики Алтай». Окончил аспирантуру Института государства и права, д.ю.н., заслуженный юрист РФ, член союза журналистов России, действительный член Российской академии естественных наук, кавалер знаков РАЕН «Рыцарь науки и искусства», Росавиакосмоса «Ради жизни на земле», заслуженный деятель науки Республики Алтай; имеет серебряную медаль Межпарламентской Ассамблеи стран СНГ. Награжден Орденом Дружбы и медалью «100 лет со дня рождения Мусы Джалиля», Почетной грамотой Правительства Республики Алтай, Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай.

Как записано в паспорте, я родился 5 июня 1937 года в селе Купчегень Онгудайского района. Это не нынешний Купчегень, что расположен на Чуйском тракте, Купчегень ранее назывался большой лог, уходящий вверх по реке Купчегень, впадающий в реку Большой Ильгумень. В 5 км от слияния этих рек находился колхоз «Кызыл Тайга» (Красная Тайга), входящий в Купчегеньский сельский Совет. Сегодня я не затрагиваю историю села, колхоза и подлинную дату, и год своего рождения. Думаю, что об этом ещё напишу.

Мои родители были колхозниками. Мать Байанур работала на разных работах, отец Табаев Ильдирик б/о 1897 года рождения, не-

сколько лет до призыва на фронт в 1942 году был бригадиром по животноводству и звеньевым по выращиванию конопли. В то время и вплоть до 70-х годов колхозам и совхозам с мягким климатом доводился план по посеву, выращиванию и сдаче семян конопли, а её волокна широко использовались в хозяйственных целях. Конопля росла повсюду: в полях, вдоль дорог, вокруг складов колхоза и в огородах. Мы собирали и ели семена конопли в сыром и жареном виде. Наверное, это в какой-то мере спасло меня от голода и болезней. Считаю, что я вырос на конопле.

В нашей семье было шестеро детей, двое из которых умерли, а четверо остались: сестра Танытпас (по мужу Тобошева), старший брат Тану, средний брат Таныт и я-Таныл. Мама умерла в 1938 году, отец женился второй раз на Боош (фамилию не помню), совместных детей у них не было. Когда отец ушел на фронт, я сначала воспитывался мачехой. Когда она вышла замуж за вернувшегося фронтовика Борула, то мы, дети, стали жить отдельно. Старшей в семье была сестра Танытпас, а все звали её Татьяной.

В годы войны в селе остались женщины и дети, но колхоз продолжал жить и работать: выращивать зерно и сдавать государству, производить масло и мясо и сдавать в заготконтору. В моей памяти осталось воспоминание о том, как мы много работали. Мы – дети, мои сверстники: Алушкин Такай (ныне Борис Кундулеевич), Курматов Иван, Папыев Александр, Петпенексов Яманул, Чулунов Учур и другие, которых сегодня нет, помогали взрослым рыть суваки, поливать зерновые поля, таскать и возить снопы на стан, косить сено, возить копна, заготовливать дрова, пасти скот и т.д. На лето доярки выезжали на летнюю стоянку, в местечко «Сарачык», находящуюся в 20 км от села. Моя сестра Танытпас работала бригадиром дойного гурта. Здесь была установлена маслобойка, нам поручалось её крутить. Выработанное масло во флягах вьюком везли в село для сдачи. Мы жили в юртах, всё лето проводили здесь, помогали пасти скот, загонять коров для дойки, таскали воду за 200 метров из ручья. Трудно было с

ведрами подниматься по высокому яру. Мы делали все, что нам поручали доярки. Осенью мы спускались в деревню.

В то время, мы, дети, не представляли, что где-то идёт война, погибают люди, знали только, что наши отцы и мужчины воюют с немцами. На стоянке и в селе не было ни радио, ни радиоприёмников. В летнее время большая часть колхозников проживала на стане, находящимся в двух км от села. Здесь они жили, когда пахали, сеяли, рыли суваки, косили сено и молотили зерна на большой молотилке, работающей как электростанция на ручье, подведённом по большим деревянным желобам. Помню, стройные ряды стогов сена и соломы на стане, и до сих пор думаю, почему нам, детям, после жатвы и уборки пшеницы не давали собирать оставшиеся колосья? Сторож или бригадир на лошади нас гонял, увидев его, мы прятались в кустах. Мне всегда хотелось есть. Мы старались сами добывать себе еду: доставали из нор мышей колосья, собирали дикорастущие ягоды, копали кандык (саранку), маныр (дикий лук), шишковали, ставили капканы и петли на сусликов, голубей и бурундуков, ловили рыбу и т.д. Природа помогала нам выживать. Из одежды помню свои лохмотья и ботинки на деревянных подошвах. Летом бегали босиком, помню, как осенью сгонял коров и грелся в местах, где они лежали.

Мой отец с войны так и не вернулся, он погиб в июле 1943 года в Орловско-Курском сражении в поселке Становое, что находится в 17 км от города Орла. Мне удалось дважды побывать на могиле отца, с которым похоронены ещё 17 солдат. У аллеи памятника и в ограде школы я посадил саженцы кедра и ели, которые привез из далекой родной земли-Алтая.

Наша начальная школа располагалась в маленьком деревянном здании с одной комнатой, где одновременно занимались ученики разных классов. В этой школе я окончил четыре класса, учительницей работала Каташева Татьяна. Одну четверть, когда её не было, учился в Купчегеньской восьмилетней школе.

В 1949 году меня направили в Горно-Алтайский детский дом, где я жил, а учился в открывшейся впервые областной средней школе,

которую окончил в 1955 году. Не представляю, что бы случилось со мной, кем бы я стал, если бы мудрые люди не отправили меня в детский дом. У меня остались только самые тёплые чувства и воспоминания о детском доме, который дал мне дорогу в большую жизнь.

Это было – и не дай бог быть.

**Табакаева Мария Сергеевна,
Ветеран труда**

Родилась в 1929г. в селе Сетовка Грязнухинского района Алтайского края. Окончила Бийский техникум механизации сельского хозяйства по специальности агроном. Мария Сергеевна зачислена в штат института в 1959 г. на должность лаборанта кафедры зоологии-физиологии. В 1962 г. некоторое время занимала должность секретаря-машинистки заочного отделения, после чего вернулась на кафедру в качестве старшего лаборанта, где проработала до 1983 г.

Я, Табакаева Мария Сергеевна, девичья фамилия Федянина Мария Сергеевна, год рождения 20 сентября 1929 года, родилась в Алтайском крае село Сетовка, бывший Грязнухинский район. Село степного района, леса не было, ни куста, кроме калины и другого кустарника. В избе было печное отопление, а топить печь нет дров, я ходила осенью ломала сухую траву полыни, и из колхоза привозили солому - вот это называется дрова, а еще у нас было место, где можно было копать торф, он очень тяжелый с ним процедура большая.Этого Вам не понять. Торф очень медленно с кизяками загорался, и в печи было жарко. Кизяки вместо дров делало все население, это грязная трудная работа. Складывается навоз не тонким слоем где-то 10x10, поливаешь его водой обильно, и лошади кругом ходят, разминают его до мягкой массы. Я беру такую форму специально сделанную, накладываю полужидкий навоз, утаптываю ногами и несу в место для них, выбрасываю и иду за следующим, и тяжело и ходишь грязная, как

чушка. Сначала мы должны их делать для колхоза, а потом себе и иногда за копейку нанимались людям делать, более-менее обеспеченным, а бани русские были у всех.

Я не помню, с какого класса я стала работать в колхозе, но хорошо помню, как начинаются каникулы, то бригадир приходит и говорит: «Завтра на работу в поле». И так целое лето, а посевные площади были большие, как-то картофель не успели до снегов выкопать, и нас из школы отправили из-под снега его копать. Труд был бесплатный и ненормированный, без выходных и больничных. Вот с утра и до заката. А в уборку хлебов нас не отпускал бригадир домой ночевать, спали вверху на потолке, а утром часа в 2-3 он нас поднимал и давал команду: «Девки, скирдовать!», а этим девкам по 12-13 лет. Подъезжает на бричке мужчина, дает мне вилы, и я из кучи снопы подаю ему на бричку молотить к комбайну.

Наше поколение никто никогда не говорил слово «не хочу, не буду», мы считали «надо, значит надо». И что удивительно, вот теперь думаешь, ведь с нами никто никаких бесед не проводил, и родители не внушали, что это необходимо, мы как-то сами были по себе уж очень хорошо воспитаны. Полуголодные, обуть нечего. Я не получала за отца пенсию, не знаю, почему. Он воевал на Калининском направлении и без вести пропал, прислали нам извещение, это такое неопишуемое горе! Его товарищ по войне сказал нам, что они пошли в разведку, он вернулся, а мой папочка погиб, и где похоронен? Я бы хоть куда съездила бы на его могилу. Очень трудно было без отцовской помощи, он меня очень любил. Мама нас с сестрой тянула одна, когда я училась, у нее не было денег, она бесплатно работала, и мне из питания присылала мешок картошки и фасоль, больше послать было нечего.

И вот, несмотря на трудности, я смогла получить образование и две специальности - агроном и учитель, училась на свою стипендию 140 рублей.

Из меня вышел хороший специалист. Я работала, начинала с научной работы, с испытания сортов пшеницы, овса, короче, зерновых,

технических культур овощных в Майме. Зав. и агроном и бригада 6-7 человек (испытывали сорт на всхожесть, урожайность, хлебопекарные качества, устойчивость сорта к болезням и вредителям (из 10 сортов, допустим пшеницы, выявляем сорт, который соответствует сеять в данном районе)).

Мы тогда наше поколение работали честно. Наш Майминский сортоиспытательный участок занял первое место по краю, вручили нам переходящее красное знамя и мой портрет крупным планом поместили в газету «Комсомольская правда». В те годы в газету помещали только достойных, не то что сейчас, кого надо, кого и не надо. Я рано потеряла мужа, воспитала двух прекрасных детей. Сын Александр Михайлович имеет два высших образования и Московскую юридическую академию, дочь Галина Михайловна инженер железнодорожного транспорта. Дети прекрасные нужны не только семье, но и Родине. Имеют в трудовой книжке по одной записи, от начала трудовой деятельности до пенсии на одном месте. Меня уважают, как никого из нашего дома, всем бы таких детей.

Я ветеран труда, труженица тыла, дитя погибшего. Где я жила? Это был колхоз имени Молотова, там посевы под снегом, как у некоторых, не оставались, уборка урожая шла без потерь, у нас приказа колоски собирать не было, на поле колоски не оставались.

В заключение скажу, у нас развелось столько много незаконных тружеников тыла - там знакомые давали справки, а человек даже совсем не работал в годы войны, а до войны тем более. А колоски собирать - это не работа. И это тем более ложный труженик тыла. Вот такого поколения – честного, трудолюбивого, справедливого уже не будет. У меня трудовой стаж 50 лет и непрерывного 24 года.

Воспоминания длиною в жизнь

**Трубилина (Ивашина)
Анна Макаровна,
Ветеран труда**

С 1965 г. – ассистент кафедры иностранных языков Горно-Алтайского пединститута. С 1991 г. – старший преподаватель кафедры немецкого языка, а затем кафедры иностранных языков Горно-Алтайского государственного университета. Несколько лет Анна Макаровна читала лекции по дисциплине «История немецкой литературы» на факультете иностранных языков, преподавала практический курс немецкого языка для студентов географического факультета

Воспоминания! Они всегда с нами, каждую минуту, каждый час, каждый день. Разные воспоминания... Они вызывают улыбку, грусть, радость, иногда слёзы... Любые воспоминания нам дороги, ведь это наша жизнь, которая проходит!

Чудесное воспоминание – мама сшила мне платье, покрасила его в розовый цвет! Я хвасталась на улице, кружилась в этом красивом платье – оно ведь было первое такое в моей жизни. Потом мы пошли в клуб – там, как и во всём селе, было весело, шумно, пели песни, подбрасывали молодого военного в новой сияющей форме. Это пришла Победа! Все и смеялись, и плакали, обнимали друг друга, пели песни, нас ребяташек подбрасывали вверх, целовали и желали нам счастья, военные угощали нас конфетами в красивых обёртках. Таких мы ещё не видели!

Я тоже смеялась, радовалась, хвасталась новым платьицем, розовым! Но мне пришлось скоро горько заплакать, потому что краска на солнце выгорела, платьице моё стало белым.

Потом мы ждали папу с войны. Каждый день, утром и вечером, на железнодорожном полустанке в трех километрах от нашего села останавливался дачный поезд. А мы сидели на корточках на обочине дороги и ждали, ждали – до последнего человека! Потом мама кое-как загоняла нас домой.

Мама говорила: «Скоро придет папа, и ты перестанешь болеть, перестанешь кричать ночами и падать с топчана!», а падать я начала с того дня, как проводили отца на фронт.

Мой отец - Ивашина Макар Григорьевич, родился в 1912 году. Работал механиком в Сельскохозяйственном училище. У него была броня – все механизаторы убирали пшеницу, чтобы ничего не осталось врагу. Когда бои подошли к Днепру, все оставшиеся неубранными поля подожгли. Это был ужас! Я не понимала ещё тогда, почему всё село кричало, рыдало, все бежали в поля, а военные не пускали, не дали собрать и колоска!

На следующий день папа со старшим сыном что-то делали на крыше, мама пекла хлеб, а меня отправили к бабушке Пелагее за яичками. Ночью должен наш любимый папа уйти на фронт.

Мне надо было перейти через балку, пройти немного степью и там меня встретила бабушка. Пока я шла, начали гудеть самолеты. Их было много, очень много. Они летели, бомбили наши села и города.

Потом я увидела, как в небе «играли» два маленьких самолетика, они кувыркались, сверкали как крестики. Я залюбовалась ими, думая, вот бы мне такой яркий крестик, я бы держала его в кармане и играла бы им! Но потом один из них стал падать. Он становился все больше, больше, летел вниз прямо на меня и очень громко гудел. Я не могла оторвать от него глаз, его гул разрывал мне голову!

Очнулась я уже у бабушки. Она отвела меня домой и ругала родителей, что такую маленькую отправили одну так далеко.

Потом тот самолет «падал» на меня каждую ночь. Я кричала, вскакивала с постели и падала. И так длилось многие годы. Когда я уже ходила в школу, вместо самолета, который будто поглотить меня хотел, мне снилось кудрявое деревце – помните, на контурных картах были нарисованы деревца? Оно появлялось далеко-далеко, медленно надвигалось на меня, росло, росло, пока я могла его объять взором, и поглощало меня. Я кричала, падала и просыпалась. Так длилось почти до семнадцати лет.

Когда в наше село зашли оккупанты, я не помню. Позже я слышала, что это были итальянцы. Они были веселые, молодые, пели песни, охотились на лягушек в прудах и речушках по нашим балкам.

Недолго они простояли, вместо них вошли немцы. Они были строгие, злые. Рыли траншеи, туда ставили машины, орудия.

В то время мы перешли жить к бабушке Пелагее, папиной маме. Нашу хату заняли немцы.

У бабушки жили, кроме нас, еще две семьи с детьми –тетя Галя и дядя Ваня. Было очень тесно, пришлось вырыть и оборудовать две землянки в саду. Бабушка плакала и тихо проклинала «фрицев» за то, что надо было корчевать фруктовые деревья.

В большом дворе стояли огромные машины, как мне тогда казалось. Ходили фрицы с оружием наперевес, никого близко не подпускали. Мои старшие братья сновали между машин, их гоняли, били. Потом у одного солдата пропала губная гармошка, они все «пиликали» вечерами без усталости! Они поймали всех мальчишек, выстроили и начали обыскивать. Рвали на них одежду, кто говорил, того били. Не нашли ничего, поставили у автомашины и приставили к ним часового. Они стояли весь день. Плакали маленькие, постарше старались присесть, но их штыком поднимали опять. Вечером разогнали матерей, детей оставили. Бабушка сказала, что их мучили так до утра. А гармошка нашлась у них, у немцев!

Помню еще, как бабушку заставили жарить картошку на костре. А мы голодные все, в разном тряпье одетые, сидели поодаль и глотали слюнки. Рядом ходил часовой с винтовкой со штыком. Когда он

поворачивал в другую сторону, бабушка бросала нам картошку. Мы хватали ее, совали в рот и уже не могли жевать, хоть и очень жгло, потому что фриц поворачивал к костру.

Немцы очень были грубые, не улыбочивые. Маму и тетю мы видели редко, они все время были на работе – рыли траншеи, окапывали технику, убирали бывшие колхозные поля. Все забирали немцы, даже обыскивали всех, кто работал на полях. Очень голодно мы прожили первую военную зиму.

Потом мы вернулись в свою хату. Правда, не в хату, а в сарай, потом что хату заняли немцы. К нам пришла пешком (а это около девяноста километров) родная сестра дедушки, маминого отца. Там она чуть не умерла с голоду.

Я хорошо помню, как она рассказывала сказки, умывала нас, учила здороваться с людьми из села, а на немцев не смотреть.

Потом мы жили в землянке – её копали и оборудовали бабушка Степанида и дедушка Феофан, мамин отец. У нас там была даже земляная печка. Её смастерил дедушка. Он помогал многим людям, он был, как говорили «на все руки мастер». Дедушка плохо слышал, почти не говорил, но «переводчиком» у него была наша любимая бабуся Харитина. Она была бесконечно трудолюбивая и добрая, делилась последним куском хлеба со всеми, кто голодал.

О хлебе – его ведь вообще тогда не было ни у кого. Мне бабуся рассказывала, что моя мама Дина плакала и говорила: «Мы умрем без хлеба, я не могу без хлеба, чем кормить детей?». Все запасы забрали немцы. Приходилось ходить по полям, собирать прошлогоднюю промёрзшую картошку, свеклу. Как манны небесной ждали весной лебеду, крапиву и любую другую траву, любые съедобные корешки. Меня не брали в степь, а старший брат Анатолий ходил с соседскими детьми собирать съедобные травы, а мама плакала – кормилец ты наш!

Нам, детям, было легче, голодные - поплачем, съели что-нибудь – уже играем, чем можно. А как же трудно было взрослым! С утра до потемок работали на фрицев в полях, ночью что-нибудь варили съедобное, если удавалось принести что-то на суп.

Но стало ещё хуже. Кто помоложе, стали отправлять рыть окопы. Неделями не было вестей от парней и девчат, и не все они возвращались, совсем измученные, отощавшие, больные. Скоро начали отправлять в Германию.

Внезапная облава собирала молодых девушек и парней. Всё село плакало и прощалось с попавшими в лапы фрицев, никто не надеялся, что они когда-нибудь вернутся! Начали прятать всех, кто подходил по возрасту в погребах, в стогах соломы и кто как мог. Но всех искали, стреляли в родителей! Мою маму спас старик, который работал в немецкой конторе – он добавил ей несколько лет возраста и она не попала в список! Да и мы помогли – нас, детей, было у нее двое. Так это страшное лихо миновало нас!

Папин брат Тимофей был угнан в Германию. После Победы всех, кто выжил в Германии, считали предателями Родины. Их грузили в вагон и сразу увозили в лагеря, на стройки. Дядя Тимофей строил шахты Карагнды. Мы все узнали о нем после смерти Сталина – этим заключенным разрешили переписку с родными. Он приезжал на Украину со своей семьей, но увиделся лишь с братьями и их семьями, родителей уже не было в живых.

В школе-семилетке работали две учительницы русского и немецкого языков. Они были в концлагерях. У них на руках была татуировка – шестизначное число! Это были из номера! Учительница немецкого языка, её звали Надежда Илларионовна Попова, не стеснялась номера, носила летом платья с короткими рукавами. Она многое сделала в нашем воспитании. Мы не хотели учить «фашистский» язык, убегали с уроков, дразнили её. Но она была терпелива и настойчива и постоянно рассказывала нам о том, какая разница между фашистами и немцами, что это такие же люди, как мы, читала нам стихи и переводила на украинский язык, мы потом даже пьеску небольшую ставили на Новый год, ведь и родителей надо было «перевоспитывать», изменить их отношение к немцам.

Учительницу русского языка сначала немного боялись (в пятом классе!). Она была маленького роста, потому что в концлагере ей по-

вредили спине! К сожалению, не помню ее фамилию, а звали её Вера Павловна.

Потом мы полюбили её и по-детски жалели. Далеко от школы встречали е, несли тяжелые сумки с нашими тетрадями, слушали её интересные рассказы о поэтах, писателях. А сколько стихов она знала! На уроках мы «усмиряли» лодырей и неслухов. Благодаря ей я полюбила русский язык и пыталась разговаривать с ней по-русски! О войне она никогда не говорила.

Это маленькое отступление. Всё это было потом. А пока война была на переломе. Немцы стали злые, начали бить тех, кто не мог выполнить норму на работе, стали меньше давать продуктов за работу, везде стояли патрули, не разрешали ходить по селу.

В соседней области – Ворошиловградской – раскрыли молодежную партизанскую группу – это были молодогвардейцы. Дошли слухи и в наши края. Все надеялись на скорый конец фрицам!

После сильной бомбежки станции Верховцево – это в пятнадцати километрах от села – началось отступление оккупантов. Они собрали женщин и погнали их впереди себя – рыть окопы, перетягивать технику через крутые балки (балки в наших краях – это бывшие русла древних рек). Моя мама была там со всеми людьми из села. Мама рассказывала, что дошли они да Днепра. Их охраняли эсэсовцы с собаками. Мама с подругой решили бежать. Когда стемнело, они приготовили трубочки из камыша, через которые можно было дышать (вспомнили своё детство, как летом ныряли в пруду, подплывали под водой, дыша через камышовые трубочки, к своим подругам и пугали их!). Там была игра, а здесь речь шла о жизни и смерти. Им удалось тихо зайти в воду в камыши. Наверное, ещё кто-то пытался спрятаться в камышах. Залаяли собаки, закричали женщины. Мама с подругой ужу немного отошли от места остановки, потом присели в воду поглубже и дышали через трубки. Стрельба продолжалась долго, затем затихла. Всю ночь они тихо брели по камышу. Утром они потеряли друг друга во время второго обстрела. Слышалась стрельба, взрывы, потом началась бомбежка. Мама сидела одна в холодной осенней во-

де, пока всё стихло. Поздно ночью она выползла из Днепра у крутого берега. Пришла в себя утром и увидела солдат – наших солдат! Они шли по берегу, подобрали её и отвезли в медсанбат. Там ей оказали помощь, переодели в сухое. На другой день она пошла степью в своё село.

Не могу писать дальше. И слова не те, и не так связаны, и не то говорящие. Душа болит, сердце стынет, когда подумаю, что перенесли наши родители, все наши люди в эту проклятую войну!

Война. Мой отец был на войне шофёром, старшиной, артиллеристом. Воевал в Польше, Чехии, Румынии, Австрии. Закончил войну в городе Грац. Но в горах ещё оставалось много немцев, они продолжали воевать, нападали на наши воинские части, пробивались дальше в горы, чтобы уйти в другие страны и избежать возмездия. Многие сдавались в плен, их отправляли в наш тыл в военные тюремные лагеря.

Все солдаты писали письма домой и ждали возвращения домой. Но на другом конце страны разгорелось новое пожарище – Япония. И наши солдаты опять сели в теплушки и отправились на восток – защищать Родину от нового врага. Многие солдаты были вынуждены без остановки проехать мимо своих родных сёл и городов на восток. Остановили папин поезд уже за Уралом, объявили о капитуляции

Японии и каждому солдату вручили медаль «За Победу над Японией». У папы было много медалей, два ордена. Но папа дорожил пожелтевшим листом бумаги в клетку, напи-

санной от руки «Благодарностью» за освобождение небольшого хутора в Венгрии, за который они сражались трое суток. Там стоит печать и личная подпись командира.

Наш любимый папка пришел домой с котомкой за плечами в конце сентября 1945 года. Принёс он нам подарки – цветные карандаши и красивые блокноты, свои награды, губную гармошку и сумочку с зеркальцем для мамы. И ещё скатерть на стол и солдатский хлеб. Радость – несказанная, огромная, необъятная, бесконечная! Мы обнимали его, целовали, нюхали его запах, не могла надышаться этим родным запахом.

Папа не берег награды, он отдал их нам с братом, чтобы мы играли ими. Отец не любил говорить о войне, никто не рассказывал о ней. Однажды только по просьбе любимого внука начал говорить о войне, но заплакал и ушел от нас в сад.

После войны папа пошёл работать на железную дорогу, на станцию Верховцево. В молодости он там работал, строил железнодорожную горку. Его возвращали работать к колхоз, но он не согласился. И начались наши беды! Сначала отрезали весь огород, оставили только шесть соток усадьбы, запретили выпасать корову и теленка на лугах колхоза. Через некоторое время вызвали в райком партии родителей, хотя они были беспартийные. Там их держали три дня, заставляли отца вернуться в колхоз. Он не согласился. Тогда маму исключили из колхоза как врага. И не только моих родителей. Многие уходили на стройки восстанавливать заводы, доменные печи Днепродзержинска, строить заводы в городах на Днестре. Везде нужны были рабочие руки, а из колхозов не отпускали.

Пришлось бросать всё, что уцелело во время войны и строить новую жизнь. Было очень трудно с жильём с продуктами. Трудно передать словами все невзгоды, которые пришлось перенести моим родителям и нам с ним вместе. Мама очень болела, не могла работать. Папа - а после войны железная дорога была военизирована – получал обмундирование, зарплату и паёк на иждивенцев. Паёк давали детям, а мама не получала ничего! Война забрала её здоровье!

Тогда я не понимала, почему мама не хотела делить хлеб на пайки для всех, себе она не оставляла, потому что не хотела есть хлеб, который она не заслуживала! Она плакала, переживала очень тяжело свои болезни, свою немощь, что не могла работать, вынуждена есть наш паёк. Папа уговаривал её, жалел её и говорил, что у неё сейчас главная работа, даже главнее его работы – растить детей и выздоравливать самой.

Было очень трудно. Помогали овощами и молоком (редко) бабуся, тётки из села, хотя у самих были дети, а в колхозе почти ничего не платили на трудодни.

Мой брат Анатолий ходил в школу во второй класс, а я не смогла пойти, потому что не было ни одежды, ни обуви. Я сидела у окошка нашей крошечной избушки, ждала брата из школы. С ним мы все стихи учили, много читали книжек, которые он приносил из школьной библиотеки. Тогда раздавали книги для чтения и спрашивали о прочитанном. Мимо по улице шли люди, закутанные во что придется от мороза и тащили салазки. Там всегда что-то длинное лежало, завернутое в одеяло, половик или скатерть. Я спрашивала маму, что они везут и почему в одну сторону, а обратно везут пустые салазки. Она мне сказала – наверное, дрова, ведь зима, холодно! И забирала меня от окна. Позже в обед всегда занавешивала окно на улицу. Много позже я поняла, что это везли на кладбище хоронить родных, умерших от голода, холода и болезней.

Помню ещё – в первую зиму мы жили очень голодно и холодно. Топили печку углём, который приносил папа в сумке. Его было немного, у нас редко было тепло. Однажды я проснулась, посмотрела на свои руки и засмеялась! Говорю маме: «Посмотрите на меня, я поправилась, стала толстая, как наша соседка – бабушка!». Мама гладила меня по голове, улыбалась сквозь слезы и соглашалась со мной. А это была водянка от голода. Благодаря папе (он был всегда передовик, портрет его висел на Доске почёта на вокзале станции всегда, к каждому празднику!) меня положили в больницу и там «откормили»!

Дождались весны, выросли всякие травки, и мы все ожили!

Осенью 1947 года я пошла в школу. Училась я охотно, мне всё хотелось знать, что и почему. Я всегда была готова отвечать на уроках, сидела всё время с поднятой рукой, у меня было много вопросов к учительнице – нашей второй маме! Мне часто говорила учительница в начальных классах: «Положи руку на парту, пусть она отдохнёт!». Но были и огорчения. Во втором классе, уже поздней осенью мы шли через железнодорожные пути, перепрыгивали через рельсы и торопились, потому что уже был заморозок, всё побелело и надо было поскорее добежать до школы. У меня были самосшитые тапочки из брезента. Но они уже начали рваться. Папа провололочкой «зашил» дыру и обещал вечером починить. Но нога соскользнула с рельса, я упала, а тапочек порвался. Со слезами я сняла тапочки, положила их в сумку и пошла босиком в школу. Но впереди меня ждало ещё худшее испытание!

Каждый день перед уроками вся школа делала физзарядку на площадке перед школой. Я стала в первый ряд на своё место отличницы, положила сумку на землю и приготовилась к зарядке. Из дверей школы вышли завуч и физрук. Они прошли вдоль рядов, посмотрели всех и дошли до нашего класса. И – о ужас! Завуч сказала: «Что это? Почему в первом ряду босиком? Немедленно в конец строя!». И я, обливаясь слезами, побрела в последний ряд к великой радости и насмешкам всех двоечников и хулиганов школы, стоявших всегда в последнем ряду! Я проплакала все уроки, лицо распухло от слёз!

Электричество было только на железной дороге и в домах вокруг вокзала. У остальных были керосиновые лампы разной «мощности». А папа очень любил читать и брал книги в библиотеке железнодорожного клуба. По просьбе папы библиотекарь подбирала книги и для меня. И вот мы с папой сидели напротив друг друга у лампы и читали. Так я многое узнала о лесах, горах, разных зверях, об отважных охотниках, путешественниках. Мне очень хотелось всё это увидеть самой – место, где жил Дерсу Узала, побывать там «На краю Ойкумены», на Дальнем востоке. Книги писателя Арсеньева я пере-

читывала много раз. Папа всегда помогал понять непонятное и много говорил о жизни вообще. Поздно вечером мама подходила к нам, уменьшала (вкручивала) свет в лампе и отправляла нас спать. Надо было беречь керосин! Но когда провели электричество – это было чудо, это был настоящий рай!

Мой папа Макар Григорьевич был всегда передовиком производства. Начинать работать учеником у сцепщиком вагонов, потом выучился на стрелочника. Его послали на месячные курсы по специальности «составитель поездов». Везде он работал отлично, был рационализатором. Его работы оформлял инженер и помогал применять все усовершенствования на практике, в производстве. А у папы было всего 4 класса образования. Его работы печатали в журнале, хвалили во всесоюзной газете «Гудок». Зато нас радовали премии и вознаграждения за изобретения, они облегчали нам материальные нужды. Теперь уже портрет папы был на вокзале станции Днепропетровск и папа получил всесоюзный значок «Почётный движенец» и соответствующие «блага» – ежемесячное повышение зарплаты, бесплатные железнодорожные билеты по своей железной дороге – Сталинской и по всему Советскому Союзу для всей семьи. У папы было много наград, значков и грамот за отличный труд. Он овладел всеми специальностями в отделе движения поездов и стал диспетчером по железнодорожной горке, где формировались поезда во все концы Советского Союза, перевозящие уголь Донбасса, железную руду Кривого Рога, технику, цемент заводов Днепродзержинска, Днепропетровска. Работа была сложная, ответственная. Каждый вагон должен стать целым и невредимым в свой поезд и быть отправленным по своему адресу.

Шло время. Наступала на пятки молодёжь с высшим образованием. Папа много раз уступал свой пост, но его опять возвращали, и он учил и практиковал новоиспеченных инженеров. Таких как папа – без образования, самоучек было в отделе движения несколько человек, начальник станции, зная их, как своих детей, не хотел ставить на их место других. И пришлось им идти в вечернюю школу, чтобы полу-

чить свидетельство о восьмилетнем образовании, иначе никакой их авторитет не помог бы им занимать своё место. Папа на «отлично» закончил школу в солидном возрасте (я уже училась в университете!).

Мой дорогой любимый папка! Он перенёс много болезней после войны, последний осколок из бедра у него вышел в 1947 году. Он долго лежал у нас в шкатулке – длинная, острая, с торчащими в стороны зазубринами спираль. Папа не ходил в больницу, не было времени, не было возможности – он один кормил, поил, одевал, содержал всю семью.

Только однажды он долго болел. Поднял что-то тяжелое, повредил позвоночник, отнялись ноги. Он лежал дома. К нему на велосипеде приезжала врач в военной форме и сапожках. На гимнастерке позванивали ордена и медали. Наверное, это был 1946 или 1947 год. Волосы коротко стрижены, на голове пилотка – военврач! Она строго велела маме выносить папу каждый день на солнце, класть на доски, накрывать чёрным шерстяным платком и таким способом прогревать спину. Сосед ставил ему пчёл на спину, которых мы ловили в саду и собирали в банку. К приезду врача – каждый день строго в одно и то же время! – собирались и соседские дети, чтобы посмотреть на военного, воевавшего врача девушку! Спасибо ей огромное, она поставила моего отца на ноги!

И папа построил дом, как нам, маленьким, и маме обещал. Дом был красивый, высокий, крытый железом, как дворец, с большими окнами и форточками! Это в те тяжелые послевоенные годы! А в 1949 году у нас родился ещё один братик – Алексей.

Шли годы. Мы росли, ходили в школу, работали дома, нянчили нашего Лёшу. Я закончила украинскую семилетку на «отлично», получила свидетельство, напечатанное «золотыми» буквами. Все очень гордились мною, потому что старший брат не получил такого свидетельства, у него были четвёрки по пению и физкультуре.

К этому времени построили в нашем посёлке городского типа ещё одну среднюю школу – современную (для того времени!), трёх-

этажную, с просторным спортзалом и огромной (как нам казалось!) спортплощадкой. Но школа была на противоположной окраине, очень далеко от моего дома!

Всех детей окраин определили в эту школу, а школа в центре досталась живущим в центре! Родители возмущались, жаловались – но пересмотра решения не было, и я ре-

шила пойти в эту школу №17 в русский класс! В этой школе с первого по десятый класс было по одному классу (1А, 2А, 3А и т.д.), где велось преподавание на русском языке плюс украинский язык и литература как государственный язык нашей республики. И не только по причине отдаленности школы! У меня была тайная мысль пойти учиться в институт, как соседка, моя старшая подруга. Она уже училась в институте, приезжала из Днепропетровска и пыталась разговаривать с нами только по-русски, но это был такой «русский», который у нас называли «суржик» – смесь ржи и пшеницы! Мне стыдно было её слушать, все смеялись над её ошибками в русской речи. Я про себя подумала, что у меня так не будет! Я научусь правильно говорить по-русски, делать правильно ударения в словах, правильные окончания произносить. Наши языки – русский и украинский – очень похожие, близкие языки! И я тогда подумала: «Надо идти в русский класс!».

Не буду рассказывать, сколько неприятностей, недопонимания и иногда даже унижений пришлось перенести нам с одноклассницей, пока нас (уже в конце сентября!) окончательно зачислили в 8А класс

средней школы №17. Это была железнодорожная школа, и вмещался партком, после заявления папы, хотя он был беспартийным.

Я себе не представляла, на какие трудности я себя обрекла! Полгода я в классе молчала, ни с кем не разговаривала. Я боялась своих ошибок, насмешек одноклассников. Мне хватало и тех ошибок, которые я допускала в речи моих ответов по разным предметам! Класс замирал, когда я или моя одноклассница из украинской семилетки выходили к доске отвечать! Все очень бурно с превеликим удовольствием смеялись над нами. Успеваемость моя снизилась, полугодие – я не отличница! Тяжело! А в новую школу всё ещё зовут! Но я наотрез отказалась. Я добивалась своего. И в третьей четверти наступил перелом. И помогла мне учительница физики, которая жестче всех учителей относилась ко мне, к моему произношению. На доске в задании я написала «проекция» (а произносят «проэкция») класс радостно зашумел, поднялись руки – исправить ошибку. Учительница строго спросила: «Где ошибка? Кто ещё считает, что это ошибка, поднимите руку». Еще добавилось рук! Она записала в журнал оценки всем, поднявшим руку и довольной сказала: «Спасибо вам!». Спросила меня: «Где у Вас ошибка?». Я не нашла нигде в написании ошибки и сказала: «У меня нет ошибки!». Ответ учительницы был: «Правильно! А вы все получили по двойке, и в дальнейшем будете получать двойки за смех и неуважение к своей однокласснице!».

Почему я так подробно описала этот случай? Да он стал переломным моментом в моей судьбе, в моём характере, в моей жизни не только в этом классе, но и в моём отношении к людям вообще, к трудностям, которые, оказывается, можно и нужно преодолевать.

Не сразу пошло всё и везде хорошо и гладко, но у меня получилось – и русским овладела, и в добрых людей поверила и школу закончила с золотой медалью. Помогла моя настойчивость и упорство! И ещё, наверное, та одинокая женщина – фронтовичка, с которой я не была знакома.

Во время выпускных экзаменов она поджидала меня в день каждого экзамена и переходила мне дорогу с двумя вёдрами воды, на ко-

ромысле, которые она несла в свой домик. И всегда встречала меня, когда я возвращалась, спрашивала: «Опять пять?» – «Опять!» – отвечала я. Больше ни о чем мы не говорили, я стеснялась незнакомых людей. Жаль, что я тогда не говорила с ней, ничего не узнала про её судьбу. Больше мы не виделись.

Теперь немного о выборе профессии. Я хотела быть агрономом или садоводом. Все годы в школе я была юннатом, юным натуралистом. Вместе с учительницей начальных классов, потом с биологом я каждый год что-нибудь выращивала. Свою грядку я полола, поливала. Горько рыдала, когда заморозок погубил мою фасоль! Уже в средней школе мы с подругой участвовали в программе акклиматизации риса на Украине. Мы работали по заданию Академии наук УССР. Нам привезли семена риса, подробную инструкцию по выращиванию риса. Под руководством нашего любимого биолога Анны Григорьевны мы всё лето занимались уходом за посевом риса, каждый день делали различные измерения и чётко всё записывали. Весь материал отправили в Киев. Уже после выпускных экзаменов на собрании юннатов нам вручали грамоты Академии Наук, бронзовые медали ВДНХ СССР и путёвки в Москву на ВДНХ. И ещё подарки от облоно, гороно, дирекции школы за достигнутые успехи. Наилучшим для нас подарком (в то время!) были отрезки на платья из модного тогда штапеля. Медаль хранится у меня до сих пор. В Москву мы не поехали. Нам надо было поступать учиться, приобретать профессию. К этому времени я уже точно знала, кем я хочу стать и где я буду учиться.

В нашем классе 9А учились дети специалистов, приехавших из разных городов страны. Поэтому мы учили разные иностранные языки. Было учеников 7-9 «французов», 12 «немцев» и остальные «англичане». У нас были разные учителя. В девятом классе к нам пришел грустный, огромный седой мужчина с необыкновенно большим портфелем. Он представился нам как учитель немецкого языка первый раз в жизни! Мы удивились, но молча слушали его дальше. Он был переводчиком в Германии. Жена его тоже военный переводчик,

но владела французским языком. Их только недавно демобилизовали и они вернулись на Родину. Шел уже 1955 год! Благодаря ему, мы впервые увидели настоящие немецкие газеты, книги, фотографии немецких городов и сёл, немецких семей! Мы начали узнавать Германию изнутри, совсем другую страну, других людей. Мы ведь знали врагов, убийц, разрушителей, варваров. А теперь урок нелюбимого, ненавистного раньше языка пролетал мгновенно. По просьбе учителя мы всегда делали вид, что работали, если кто-нибудь из дирекции школы заглядывал или заходил в класс – открытые тетради, написанная на доске дата и т.д. Этот человек был для нас как теперь телевизор, радиоприёмник – окно в свет, во что-то незнакомое, неизведанное, в настоящую жизнь. Он говорил с нами как с равными. А мы – сами дома учили слова, тексты, грамматику. Он выслушивал нас, исправлял произношение, говорил с нами по-немецки. Постепенно уроки стали не только уроками немецкого языка, но и уроками жизни.

Мы благодарны ему, нашему «немцу», мы уважали его! Из двенадцати учеников шесть человек поступили на факультеты иностранных языков – на немецкое, на французское и на английское отделение.

Вот так и я оказалась студенткой факультета романо-германской филологии Черновицкого университета в городе Черновцы (Украина).

Почему именно в Черновицкий университет, о котором я никогда не слышала – чистая случайность, по рассказам старшего брата одноклассницы! Он ездил поступать на физмат, но у него обнаружили серьёзное заболевание глаз и его не допустили даже до экзаменов. Но мы были в восторге от его рассказов, он привез много открыток – красивый старинный город на Буковине, в горах, необыкновенной архитек-

туры здания университета.

Мы решили ехать туда, каждый из нас, трёх подружек, нашелся желанный факультет. К сожалению, поступили двое.

Какими же беспечными, безрассудными были мы тогда! Не думали, что надеть нечего, жить придётся на одну стипендию, родители и так сводили концы с концами! Но решились, поехали и всё получилось! Папа всегда говорил мне: «Думай, решай, тебе ведь жить! А мы всегда поможем, чем сможем». Мама, моя дорогая мама! Она почернела за эти дни «сборов» на учебу! Не разговаривала, уходила в сад или огород, что-то делала! Как же страшно и трудно было ей отпускать меня из-под своего крыла в чужой мир! Я ведь знала лишь дом, книги, школу! Была беспомощна перед настоящей самостоятельной жизнью. Я бегала к ней и спрашивала, что брат, как упаковать. Ответ: «Думай сама, теперь мамы рядом не будет!». Так мне пришлось начать подготовку к новой жизни!

Потом были её письма. Я хранила их, перечитывала, строчила ответы. Её письма были мне огромной поддержкой, особенно на первом курсе! Я писала письма братьям. Старший осенью пошел в армию, он служил в Германии. Младший учился в школе. Но самыми желанными письмами были мамины письма. Я часто думала о ней. Моя дорогая мамочка! Как часто мне хотелось её ласки! Она была добрая, но строгая. Ей приходилось много работать дома, чтобы хоть немного облегчить и улучшить нашу жизнь. Мама научилась вышивать на цветной машинке способом «ришелье». С тех пор вся домашняя работа была на нас с братом – приносить воду, уголь и дрова, топить печку, мыть пол, посуду, ходить в магазин и выстаивать многочасовые очереди за хлебом и нести его домой. А так хотелось съесть хоть довесочек – но мы никогда не трогали не кусочка, позволяли себе только нюхать волшебный, самый вкусный на свете запах хлеба!

Мама целыми днями сидела за машинкой и строчила, вышивала красивые занавески, шторы, салфетки, воротнички на платья, а позже и блузки, косынки. Ей некогда было обнимать и ласкать нас! Иногда я даже обижалась на неё за это, я страдала без её ласки. В семье у нас

было всегда спокойно, все дела и невзгоды переносили тихо, мирно, без ссор и криков, которые мы часто слышали у наших соседей вокруг.

Повзрослев, я поняла и ещё больше любила свою мамочку, ценила её труд, её терпение и её душевную доброту! Наша переписка продолжалась всю оставшуюся жизнь, до её ухода!

Училась я хорошо, мне нравилось делать даже больше, чем давали задания. Увлекалась танцами – танцевала в коллективе университета. Любила музыку, при малейшей материальной возможности посещала концерты, ходила в театр. Теперь с удовольствием вспоминаю наших знакомых актеров и музыкантов молодыми. Сходила в поход на Карпаты, запомнила на всю жизнь их красоту, неповторимость!

Закончилась учеба. Мы с подругой подписали направление в школе Хабаровской области (тогда!) потом эти направления предали семейным однокурсникам, а нас отправили в Ровенскую область.

Там я приняла «боевое крещение»! Работать было интересно, но сначала, как и всем, трудно. Была классным руководителем одиннадцатого класса. Мы сдружились быстро, участвовали во всех делах школы, ездили по клубам в соседние сёла с концертом о Клубе, о котором рассказывали и «иллюстрировали» советскими песнями. Село находилось в Ровенских лесах, где воевали партизаны, советский разведчик Кузнецов, о котором я читала в романе «Это было под Ровно» (автора, к сожалению, не помню). Мы ходили туда в поход, ремонтировали землянки, оформляли стенды с информацией об этих местах, о людях, которые здесь воевали. Недалеко начался военный полигон Западных войск. Там часто шли учения, была слышна канонада. В лес тогда нельзя было ходить. Мой класс всё время показывал мне достопримечательности леса, потому что я выросла в степи, где были лишь лесопосадки для снегозадержания зимой и от черных бурь летом. Однажды мы набрали на свежую воронку, на краю которой на фоне черной земли цвёл ландыш! Мы безмолвно стояли и каждый, наверное, думал об этом жутком сочетании жизни и смерти! Мы решили нари-

совать это в наш альбом путешествий, который потом занял первое место в районе.

Читая «Учительскую газету», я увидела приглашение на конкурс на вакантные места. Прочитала, потом, почти шутя, отправила свои заявления в Горно-Алтайский пединститут.

Пришел положительный ответ, я быстро собралась и уехала. Пять суток ехала поездом «Днепропетровск-Барнаул», не отходя от окна. Столько всего увидела, услышала, узнала!

25 августа 1965 года была принята на работу. Устроилась на квартиру. А 1 сентября уже трогала снег на зеленой траве и цветах Семинского перевала! Я везла сорок шесть студентов – первокурсников на уборку сена! Началась экзотика в моей жизни. Первые покупки были: утюг, фуфайка и кирзовые сапоги. Туго же мне пришлось, но мне хорошо помогли два комсомольца – третьекурсника, у которых уже был опыт работы на сенокосе, а председатель колхоза XXII партсъезда Усть-Канского района был нашим заочником истфака. Он очень заботился о нас, помогал всем! Ну, об этом можно написать целую книгу!

В институте работала на естественно – географическом факультете, преподавала немецкий и английский язык. Институт менялся, факультеты тоже менялись. Приходилось работать на физмате, истфаке, филфаке, но географический факультет был основным у меня весь период моей работы в институте, затем в университете. В университете читала лекции по истории немецкой литературы на факультете иностранных языков и продолжала вести практические занятия на географическом факультете. Напечатала несколько методических разработок и пособий по чтению литературы по специальности «география», пособия для чтения и перевода литературы на немецком языке по специальности «география», сборник текстов на немецком языке для самостоятельной работы над текстами по географии на немецком языке.

Несколько раз повышала свою квалификацию на ФПК в разных институтах – в Иркутском институте иностранных языков, в Пяти-

горском пединституте иностранных языков, в МГПИ им.Ленина. Сдала два кандидатских экзамена – по языкознанию, которым я увлекалась, и по английскому языку. В течение работы готовила многих преподавателей, потом своих выпускников к сдаче кандидатского экзамена по немецкому языку, помогала им переводить тексты с немецкого языка по специальности преподавателя. Переводила книги по геологии, физической географии, по филологии, истории, ботанике, физике, химии и другие, готовила разговорные темы, биографии, по темам диссертаций.

Несколько лет работала членом профсоюзного комитета естественно-географического факультета, была членом Совета ветеранов ГАГУ.

Я замужем. У меня двое детей – дочь и сын плюс ещё трое – зять, невестка и самое чудесное в мире создание – внучка Анечка! Она учится в пятом классе, отличница. Мы очень любим друг друга!

Не всё сбылось, что было задумано, не все мечты осуществились. А жаль времени не хватило. Мой стаж в университете – сорок лет и чуть больше!

Вечная память.

Тюрганова Мария Анисимовна, Ветеран труда

Родилась в 1936 г. в пос. Веселом Чаинского района Томской области. 1954-1959 гг. обучалась в Горно-Алтайском государственном педагогическом институте на биолого-химическом факультете, окончила его по специальности биология, география и химия. В 1968 г. зачислена на кафедру химии, ассистентом по органической химии. С 1972 г. переведена на должность старшего преподавателя химии. Через два года была переведена на должность ассистента кафедр, а с 1991 г. по 1994 г. снова занимала должность старшего преподавателя, но уже на кафедре ботаники. После ухода на пенсию продолжала работу в университете по контракту.

Военное лихолетие пережито было нами в далеком тылу, в д. Веселое Таиской области, расположенной на берегу реки Парбиг, притока Оби. Слава богу, не слышали мы ни свиста пуль, ни разрыва снарядов. Но эхо войны оставило и в нас мрачный след, который с годами осознается все ярче в его кошмарном облики.

Не забываются понятия «повестка», «набор», «госпиталь», «похоронка». В памяти постоянное ожидание письмоноски с весточкой с фронта. Хорошо, если это треугольное письмо, а если официальная бумажка... В деревню, насчитывающую 120 дворов, похоронка приходила 54 раза. Беда обошла и вернула домой 29 молодых ребят живыми, правда, не всегда здоровыми. В числе погибших двое братьев

Козылбашевых, Абиковых, Киреевых, Яковлевых, Коломеец, три брата Юрченко и наш единственный любимый брат Тюрганов Симон Анисимович. Память о нем незабвенна. Умница, художник, музыкант, мастер на все руки, он был любимцем всей деревни. В свои 20 лет по чертежам он сам сделал скрипку, а под руководством ссыльной скрипачки научился играть на ней. Всем запомнился последний перед отправкой на фронт вечер в сельском клубе, когда он со сцены играл «Последний нынешний денечек». Эту песню знали все, пели и плакали. А на завтра рано утром на подводах под слезы близких увезли очередную группу мальчиков на сборный пункт.

Письма с фронта были приблизительно все об одном- забота о близких, приветы подружкам, обещания прогнать фашистов и вернуться домой живыми и невредимыми, а потом учиться, «закончить начатую учебу в педучилище» -так писал наш брат. Не повезло. Погиб в 1943г. под Киевом.

А тыл жил своей жизнью под девизом «Все для фронта, все для победы» да заботой о старых и малых, которая легла на женские плечи. Их трудолюбие, умение выжить в любых условиях, да матушка-земля сохранили нас – малолетних от холода и голода, а государство –от великой беды.

У нас был огород 80 соток. Хорошо, что тогда не ограничивали ни пятнадцатью, ни шестью сотками. На огороде, кроме картошки и овощей (капуста, брюква, репа, турнепс, свекла, морковь, огурцы, помидоры), сеяли коноплю и лен. Конопля давала семена и паклю, которую пряли для мешков и веревок. А технологию обработки льна помню до сих пор. Мама пряла лен настолько мастерски, что нитки использовала для шитья на швейной машинке. Сама же ткала льняное полотно на кроснах, из которого шила нам одежду. Мама умела выделывать кожу. Дедушка, а потом и папа(в войну он был в трудармии) шили кожаную обувь, в основном сапоги, умели катать валенки. Мама с бабушкой шили полушубки для фронта. В русской печке сушили резаную пластиками картошку и тоже сдавали в фонд обороны.

Работали все. Сестры заменили ушедших на фронт парней. Шестнадцати-семнадцатилетние работали на лесозаготовках, возили дрова и сено на быках (лошадей отправляли на фронт), жали хлеб серпами, работали на тракторах. Семнадцатилетняя старшая сестра отвечала за сохранность хлеба и отправку его в закрома государства, работая кладовщиком.

В первый класс я пошла в 1944г. В деревне была типовая начальная школа: две классных комнаты, учительская, квартирка для учителя и для технички. Незабвенная тетя Нюра управлялась одна – топила печи, мыла полы и еще готовила нам горячие обеды – нехитрый суп, а иногда даже пирожки.

Уже после войны в средней школе учителями работали вернувшиеся с войны офицеры. В пятом классе у нас все учителя были мужчины – бывшие фронтовики. Помню их всех молодыми, строгими, одетыми в офицерскую форму. С любовью и доброй памятью называю их имена:

Бондаренко Кирилл Кондратьевич

Зотов Александр Петрович

Курто Александр Андреевич

Кочан Георгий Филиппович

Воробьев Митрофан Тимофеевич

Немецкий язык преподавал Доля Кузьма Степанович. Он был переводчиком на войне. Это единственное, что мы знали о своих учителях. О войне тогда спрашивать и рассказывать было как-то не принято. Видимо, слишком яркими, свежими и тяжелыми были воспоминания.

В старших классах литературу вел бывший фронтовик Немиловский Федор Илларионович. Красавец. Умница. Не смотря на протез вместо одной ноги, участвовал с нами во всех лыжных походах.

Вечная память им всем и искренняя благодарность за жизненные уроки, которые мы от них получили.

Рано мы выросли

Тюхтенов Степан Сузанович
К.ю.н., профессор ГАГУ,
Ветеран труда

В 1953 г. окончил юридический факультет Казанского государственного университета им. И.В. Ульянова-Ленина, в 1972 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова защитил кандидатскую диссертацию. В Горно-Алтайском государственном университете Степан Сузанович сначала работал с 1990 г. в должности доцента кафедры менеджмента и права. В 1995 г. ему присвоено ученое звание доцента. С 1998 г. работает заведующим кафедрой теории и истории государства и права, с 2003 г. – заведующий кафедрой уголовного, гражданского права и процесса. С 2001 г. – профессор кафедры. Является инициатором создания юридического факультета в университете и введения специальности «Юриспруденция».

Мы жили в с. Уйтушкен Бешпельтирского сельского Совета Эликманарского аймака (ныне - Чемальского района). Наш колхоз назывался имени Молотова.

Июнь 1941 года. Мне 12 лет. Был хороший, ясный день. Мы, дети, женщины, работали в местечке Ак Тектир на прополке посевов колхоза серпами, ими срезали сорняков. Нас было человек 30-35, мы

хорошо поработали и собрались под пышную березу и отдыхали, радовались хорошему дню и дружной работе. Вдруг видим: из деревни в нашу сторону на всех порах мчится всадник, сильно подстегивая плеткой своего коня. При приближении было видно, что всадник сильно взволнован и не слезая с коня, почти крикнул: «Началась война, немцы напали на нашу страну, мужчины собираются ехать на фронт». Мы все соскочили с мест и побежали вниз в деревню.

Деревня гудела, как улей пчел: люди плакали, куда-то бежали, причитая, собирали мужчин на фронт. Председатель колхоза им. Молотова член ВКП (б) Тюхтенов Санай Салкович, младший брат моего отца, был собран, напряжен до предела, давал советы и распоряжения о том, чтобы не медлить с подготовкой к отправке. Из мужчин в деревне оставались немногие. Председатель колхоза Санай Салкович недолго побеседовал с колхозником Бабрашевым Топшылаем и собравшимся колхозникам объявил о том, что сам уходит на фронт, с сего дня исполнение обязанностей председателя колхоза возлагает на Бабрашева Топшылая, а заместителем его назначает Тюхтенева Саната Тюхтеновича. Сам заседлал своего председательского коня, называемого «ыйыкат», что означало, что на этом коне может ездить только мужчина при решении важных, судьбоносных дел.

В средствах массовой информации иногда пишут, что в отдельных местах к отправке на фронт якобы готовились по 2-3 дня. Возможно, такое где-то было. Но у нас подготовка к отправке мужчин на фронт длилась максимум 4-5 часов.

Председатель колхоза собрал членов правления, коммунистов парторганизации, провел небольшое совещание. Затем попрощался с близкими, сел на коня и скомандовал: «всем мужчинам, отправляющимся на фронт, попрощаться с родными, садиться на коней и построиться».

В конном строю стояли: Дедеев Баятыш, Тозыяков Николай Федорович, Ебечеков Самачи, Тюхтенов Байду, Яндиков Санабай, Соколов Николай, Коркин Эргегеш, Яндиков Байду, Дьумурткин Васи-

лий, Тюков Иван, Дедеев Туктуй и некоторые другие, всего где-то 15-17 человек.

Председатель колхоза, восседая на своем лихом коне, обратился с небольшой прощальной речью к своим колхозникам. В своем выступлении он подчеркнул опасность момента, просил колхозников работать самоотверженно, помогать фронту, поставлять больше продукции, беречь своих детей и престарелых. В свою очередь заверил земляков, что они, отправляющиеся на фронт, беспощадно будут бить врага.

Затем он стоящим в строю объяснил порядок движения в аймвоenkомат села Эликманар. Люди подходили к всадникам, прощались с пожеланиями скорого возвращения с победой. Затем была подана команда: «В путь!». Колонна всадников во главе со своим председателем колхоза двинулась. Следом шли провожающие: кто на коне, а многие, в том числе и я, пешком. Мы дошли до первой горки ниже деревни и остановились, всадники спешили. Здесь состоялось прощанье, ибо отъезжающие как перевалют эту горку, нашу деревню им не будет видно. Только Ебечеков Самачи не слезал с коня, объезжал собравшихся, пел на алтайском языке свои песни. Одна из них по-алтайски звучала так:

*«Ак калайлу казаным
Ажыра кайнап артыпкалт,
Ак чечекту Алтайым
Алыс јерде јадакалт.
Кок калайлу казаным
Коборип кайнап артыпкалт,
Кок чечекту Алтайым
Корунбес јерде јадакалт».*

Собравшиеся и так переживали и плакали, а песни Самачи были подобны подливу масла в огонь: многие, услышав эти песни, падали ничком, рыдали, царапали землю.

Прощание закончилось. Будущие фронтовики тронулись в путь. Из провожавших несколько всадников поехали с ними до Бешпель-

тира, до Эликманара, а мы вернулись в деревню. В этот день никто в деревне ночью не спал: все собрались в конторе и вели разговоры о войне и мире, об ушедших на фронт земляках.

Вскоре первая группа бывших рабочих и служащих, призванных в Красную армию и отправляющихся на фронт, обратилась с открытым письмом к трудящимся области через областную газету «Красная Ойротия» (ныне «Звезда Алтая»). Это Обращение подписали 9 человек, из которых 6 алтайцев и 3 русских. Под Обращением в числе других стоит подпись Тюхтенева Саная Салковича. В этом Обращении говорилось: «Уходя в ряды нашей доблестной Красной Армии, мы заверяем трудящихся Ойротии, что, не жалея сил и жизни, будем беспощадно бить врагов социалистической Родины – гнусных германских фашистов. Но, чтобы скорее уничтожить врагов Советского Союза, мы призываем всех рабочих, колхозников и интеллигенцию области трудиться много лучше, на небывалую высоту поднять производительность труда».

Приведенное выше Обращение уходящих на фронт земляков нашло всеобщую поддержку населения. Это Обращение нашим деревенским художником было оформлено как плакат размером примерно 1,5-0,5 м и вывешено в конторе. Было проведено общее собрание по обсуждению указанного Обращения. Мы, дети, жадно прислушивались к каждому слову выступавших. Теперь понимаю, какое огромное мобилизирующее значение имело патриотическое Обращение уходящих на фронт наших земляков в самом начале войны. Наши колхозники гордились, что в числе подписавшихся под этим Обращением председатель колхоза Тюхтенов Санай Салкович.

Несколько слов об Ебечекове Самачи. Он уехал в аймаквоенкомат, как я писал выше, с первой группой призванных в Красную Армию для отправки на фронт. Но дня через три Самачи возвращается домой и говорит, что всех отправили на фронт, а его не взяли, сказали, что по состоянию здоровья не пригоден. Затем пришли повестки оставшимся в деревне мужчинам, в том числе Ебечекову Самачи. Их торжественно проводили.

Дней через шесть Самачи Ебечеков опять возвращается домой, говорит, не призвали по прежней причине – непригоден. Затем ему приходит из военкомата новая повестка – уже в третий раз. Мы его проводили как полагается. Он отправился один. Дней через 10-15 Самачи опять дома. Оказывается он, в числе других отправляющихся на фронт, пешком дошел до Бийска, а там военная медкомиссия якобы его забраквала. Он уже успокоился, продолжал трудиться. Ему опять повестка о призыве в Красную Армию. К тому времени (осень 1941 года) в нашей деревне из лиц призывного возраста никого, кроме него, не осталось. Мы, сельчане, опять-таки собрались проводить нашего земляка на фронт. Мы все кинулись к нему подать руки для прощания. Он отказался подать свою руку, поговаривая о том, что он не будет прощаться, ибо его все равно забракуют, он вернется в ближайшие дни. Он так и уехал. На этот раз его призвали да отправили на фронт.

После первой партии призывников на фронт ушли из нашего села еще несколько человек: в сентябре 1941 года ушел на фронт мой отец Сузан Салкович, затем Бабрашев Топшылай. В последующие годы уходили на фронт учитель Табышкин Михаил Степанович, мой брат Тапас, Букачаков Сактан и некоторые другие.

Забегая вперед скажу: из всех ушедших на фронт из нашей деревни первым вернулся домой тот самый Ебечеков Самачи с медалью «За оборону Ленинграда». Внешне у него никаких тяжелых ранений не было, но он рассказывал, что получил сильную контузию. Мы его спрашивали, в каких родах войск он служил. Он отвечал, что «служил в основном в походной кухне». Люди между собой говорили: «вот повезло человеку, бог все же видит». Что они при этом имели в виду? В деревне знали, что Самачи славился тем, что любит поесть, причем гораздо больше, чем обычный человек. И в армии он угодил в походную кухню, хоть кашу ел.

У моего дяди Тюхтенева Саната Тюхтеневича в первые же дни войны ушли на фронт 4 сына: Байду, Майныс, Товарищ и Товар, из

которых вернулись живыми из фронта Майныс, Товарищ и Товар, а Байду погиб.

Вернулись с фронта также Тозыяков Николай Федорович, Каланов Байдыска, Бабрашев Топшылай, Дедеев Туктуй, Тюхтенов Тапас, Букачаков Сактан, Енов Чакпырт. Все остальные, в том числе мой отец Тюхтенов Сузан Салкович и его брат СанайСалкович пали на полях сражений.

Исполнявший обязанности председателя колхоза имени Молотова Бабрашев Топшылай (Василий) осенью 1941 года ушел на фронт, на должность председателя колхоза по решению Эликманарского райкома партии была прислана молодая коммунистка Шадрина Анна Романовна, работавшая до этого медфельдшером в с. Чемал. Муж ее ушел на фронт. Анна Романовна приехала в нашу деревню с двумя детьми. Сына звали Вася, ему было лет 10, а дочь в возрасте семи лет, имя подзабыл.

Таким образом, к концу 1941 года в нашей деревне остались только дети, женщины и пожилые люди во главе с новым председателем колхоза – женщиной. Анна Романовна, белокурая русская красавица, не владеющая алтайским языком, быстро нашла общий язык с жителями села Уйтушкен, где проживала одна только русская семья ветеринарного фельдшера Соколовой Любви, но все члены этой семьи хорошо владели алтайским языком, пели алтайские песни и учили местную молодежь петь русские частушки.

Председатель колхоза жадно овладевала алтайским языком, интересовалась обычаями и традициями местного населения. На первых порах в этом ей помогла заведующая местной начальной школы Табышкина Матрена Алексеевна. У них была одинаковая судьба: у обоих мужья находились на фронте, обе имели по два ребенка. Коммунистка Шадрина А. Р. оказалась на редкость энергичной, инициативной, доброжелательной и внимательной женщиной, умеющая организовывать и зажечь людей своим личным примером на хорошие дела, поэтому пользовалась большим авторитетом. Из колхозников ей оказывали деловую помощь и моральную поддержку ее заместитель

Тюхтенов Санат Тюхтенович, заведующие фермами Тюхтенева Праксovia Санатовна, Чечегоева Мария Ивановна, Тадыкина Эзне Канакушевна, Тюкова Базмаш, ветфельшер Соколова Любовь Николаевна. Она очень быстро освоила свою работу, объединяла и сплачивала людей в один ударный кулак.

Все колхозники и мы, учащиеся, в годы Великой Отечественной войны работали под девизом: «Все – для фронта, все – для Победы!». Во время войны в тылу мы были как на фронте: только не было выстрелов, а ответственность была высокая и напряжение было колоссальное. Прежде чем начать разговор о том, как мы трудились во время войны в тылу, хотелось поведать об одном явлении: во время войны все наши взоры были обращены на Запад, где шла война. Часто к вечеру на закате солнца виделось яркое красивое зарево. Нам казалось, что там идет война, многие на фронте погибают, зарево – это отражение проливаемой там крови людей. Видя это, мы сильно переживали, сжималось сердце.

Во время войны мы, учащиеся школы, в период летних каникул трудились в колхозе наравне со взрослыми, день и ночь выполняли все виды сельхоз работы. Мы, дети войны, практически не имели понятия о сне: чуть рассвет, без завтрака шли на работу. После «завтрака с обедом» работали до ужина, если была лунная ночь, после ужина работали до 12 часов ночи.

С весны 1942 года, когда мне стало 13 лет, я уже пахал посевы на пароконном плуге. Для человека такого возраста труд наитяжелейшая: дождь и слякоть, плуг тяжелый, да и лошади худые: тебя бросает то туда, то сюда, кони не идут. Плачешь, но работаешь, понимая, что это нужно. Приходилось боронить посевы коровами. Поразительно то, что они боронят резвее, чем лошади, и выносливее. Иногда уросят. За день с ним умаешься, страшно устанешь. Но надо идти на обед или вечером – с работы. Хочется проехать на корове. Целый день работаешь с ней, вроде бы ничего, а как сядешь, так начинает фыркать, подбрасывать заднюю часть. У ней передняя холка не как у лошади, у лошади она высокая, если даже подбрасывает, можно

удержаться. А у коровы передняя холка низкая, поэтому как только она подпрыгнет, то летишь через ее голову. Еще есть одна особенность: если ты упадешь с коня, он никогда на тебя не наступит, он в этом отношении очень аккуратный, а слетишь с коровы, она может наступить на тебя: но, тем не менее, я умудрялся удержаться на спине коровы и ехать домой на ней.

Также трудились мои сверстники и чуть старше.

Летом 1942 года мне пришлось работать помощником колхозного кузнеца Бичакова Степана. Он был в годах, мастером своего дела. В его руках обыкновенный кусок металла на глазах преображалась на подобие произведению искусства. Он с металлом обращался как скульптор с глиной. Мы с ним уголь заготавливали сами: длинной пилой пилили и сваливали сосну толщиной более чем в два обхвата, спиливали их в чурки, кололи, складывали в кучку, заваливали землей и поджигали по принципу как выжигают известь. Получившийся при этом уголь на бричках увозили в свою кузницу. Бичаков Степан по характеру был очень строгим, даже суровым человеком. Но мы с ним работали мирно и дружно, понимая друг друга с полуслова. Больше молотом работал он, а каленое железо как надо дисками поворачивал я, нередко ошибался. Порой он доверял мне работу с молотом, а сам поворачивал огненно красный металл. И здесь у меня получалось не все гладко, тоже ошибался. Думал, когда же молот моего шефа ударит по мне. Нет. Он со мной был очень дружелюбен, даже ласков. За все лето совместной работы от него я не слышал ни одного грубого слова в свой адрес, тем более крика или нецензурной брани. А в отношениях с другими лицами он был груб и суров.

Мы с ним изготавливали все виды кузнечных инструментов, ковали топоры и ножи, закалывали их. В колхозе тогда из техники были сенокосилка, плуг, конные грабли, веялка и молотилка. Мы в условиях кузницы изготавливали своими руками многие детали для них, ибо запчастей к ним негде было приобрести. Делали подковы и ковали лошадей. Занимались небольшим «бизнесом». Почему-то тогда в колхозе было много алюминиевых листов. Мы в кузнице наладили

изготовление алюминиевых ведер, кружек, расчесок, вилок. Их обменивали на съедобное: талкан, сырчик, масло. Работа кузнеца – это не легкий вид деятельности: физическая работа в жаре, самое главное – видишь результат своего труда.

Благодаря самоотверженной и умелой работе такого мастера, как Бичаков Степан, вся незамысловатая техника колхоза работала без перебоев, давала пользу колхозу, да и Родине родной. Мне работа кузнеца очень понравилась.

После летней работы с таким талантливым и суровым кузнецом, размышлял о том, почему он был так терпим и дружелюбен ко мне? В конце концов пришел к выводу о том, что у него были две девочки, а ему, видимо, хотелось иметь сына. Второе – мое старание освоить секреты кузнечной работы. О Бичакове Степане у меня остались теплые воспоминания, как о замечательном человеке, «шефе-наставнике».

Моя мама Тюхтенева Меже Мыклаева во время войны работала дояркой, затем чабаном, а ее помощницей была Каланова Дьиндылей. Зимой они работали более спокойно: овцы содержались днем в загоне, а на ночь загонялись в кошару. А летом им было очень трудно. Тогда столько много развелось волков, и были они настолько наглые, что никого и ничего не боялись. Волки тоже учуяли, что в селе не стало мужчин. Они нападали на отару овец и днем, и ночью. Что делала мама со своей помощницей? Они целый день заготавливали дрова, подтаскивали к загону, в этом деле мы им тоже помогали. Вечером овец гнали в загон и как только наступало темень, в четырех углах загона разводили большие костры. Кроме того, когда брат уходил на фронт, он оставил дома ружье – бердан 32-го калибра с затвором. Я заряжал патроны порохом для холостого выстрела. Мама на ночь брала ружье, время от времени стреляла из него. Даже при этих условиях иногда волки соскакивали в загон и успевали задрать по нескольку овец. В таких случаях они не едят мясо барана, а им достаточно вцепиться зубами за шейную артерию и успеть высосать кровь. Или разорвет живот овцы. Однажды в темную дождливую ночь волки

заскочили в загон, овцы от испуга скучились к забору, забор свалился, овцы разбежались. Утром увидели всю трагедию случившегося: в поле обнаружили мертвыми и полуживыми около 50 голов овец. Маму за это чуть не привлекли к уголовной ответственности.

Мой брат Тапас до ноября 1943 года, то есть до ухода на фронт работал табунщиком вместе с Сортыяковой Теей, нашей близкой родственницей. Она была хорошей наездницей и метким стрелком, а брат с малолетства охотился. Они, вооруженные ружьями, старательно охраняли свой табун. Волки все равно успевали поранить или задрать жеребенка. Они выстрелами из ружья убили тогда несколько волков. В то же время они убивали немало косуль. Мяса косули было много, мы его разрезали и развешивали на чердаке на привязанные там вдоль и поперек веревки. Мясо высыхало. Мы, да и другие деревенские дети, лазили в чердак, отламывали куски вяленого мяса, грызли и ели. Все же какой-то продукт. Но беда была в том, что мясо было несоленое, т.к. в одно время в деревне вообще не было соли. Думаю, наши зубы сберегли кисломолочные продукты: чеген, сырчик и съедобные кислые на вкус травы.

1943 году я окончил 6 классов, мне было 14 лет, заделался колхозником, не пошел дальше учиться, ибо не во что было одеться и обуться, нечего было есть.

Молодежь нашего села активно участвовала на сенокосной и уборочной компании. Нас в конце июня, т.е. в начале сенокоса отправляли в урочище Ак Кырлан, что через три перевала от нашего села, на заготовку сена для колхозного скота. Все лето, т. е. до начала уборки нового урожая мы работали там. Бывало, что там работали до сорока человек. Бессменным нашим бригадиром был коммунист Тюхтенов Санат Тюхтенович, четыре сына которого сражались на фронтах Отечественной войны. Одним словом, молодежной бригадой руководил старейшина нашего колхоза, а взрослые женщины оставались работать в деревне, в основном в животноводстве и заготовке сена. Молоко, мясо, шерсть, шкура, зерно и другая продукция колхоза полностью шла на фронт. Для своих нужд, для общественного пи-

тания бригадам колхоза ничего не оставляли. Колхозники и члены их семей в основном выживали за счет своего личного подсобного хозяйства: коров и огородов.

Престарелые колхозники Букачаков Ташкын, Енов Петпек (табунщик) выступили с инициативой организовать дойку кобылиц. Эти два старика ловили кобылиц и их жеребят. Жеребят привязывали в телелер (в толстую веревку, крепко привязанную за оба конца в крепко поставленные столбы). Две бабушки доили и налаживали чеген. А жеребята весь день стояли на привязи, порой под палящим солнцем. Ребятишки в возрасте до десяти лет серпом срезали траву, приносили и кормили жеребят, а также их поили. За труд бабушки благодарили и угощали их кобыльим парным молоком. А чеген сбивали, получали добротное масло. Люди были настолько патриотичные и честные, что полученную таким путем «левую» продукцию полностью отправляли на нужды фронта. Что оставалось из этой «левой» продукции для нас? Это тордо, арака и сырчик.

А как мы работали летом в Ак Кыране? Жили мы в спартанских условиях, в шалашах, дисциплина была железная: мы, подростки 14-17 лет, вставали рано, с 6 часов до 10 часов утра по холодку косили вручную сено. Приходили на завтрак. Поваром всегда была Тюхтенева Остотой (Зоя). Она нас потчевала незамысловатой «затирухой». Так называли суп из непросеянной муки. Муку прежде чем положить в котел перемешивали в воде, они делались комочками и их спускали в казан, варили. В бригаде была всего одна дойная корова, ее молоком заправляли суп. На завтрак ничего больше не подавали, разве что чай.

Роса спадет, мы после 11 часов утра шли метать сено, затем обед, содержание которого такое же, что было на завтраке. Метали до ужина, а если была ясная и лунная ночь, шли метать и работали до 12 часов ночи. На ужин кроме «затирухи» подавали тордо, сырчик и 100 грамм араки из кобыльего молока.

В один из лунных вечеров мы в очередной раз пошли метать сено, и здесь со мной произошел один случай. Мы с Чечегоевым Геней

из валков делали кучи сена, а за нами подскребала девочка. Видим, что мы значительно оторвались от укладчиков волокуш. Упали на кучу отдохнуть и мигом заснули. Слышу, кто-то тычет мне в бок. От испугу я закричал и соскочил. А укладчица волокуш Табышкина Марфа, молодая женщина, от испугу стала «белиндеп», т.е. кричать нехорошие слова и бежать от нас. Оказывается, что наша куча была в тени от рядом стоящей березы и укладчики волокуш нас, лежащих на куче, не увидели. Меня спасло то, что Тыбышкина Марфа была очень уставшая и вилы у нее были деревянные с тупыми рогатками. Если бы она была посильнее, могла меня заколоть. Меня просто бог спас. После этого случая при ночной работе мы были более внимательны, друг друга окликали, разговаривали, чтобы не было ЧП.

Не могу забыть второй, довольно печальный случай в период работы в Ак Кырлане. У нас было 5 копновозов. Как только прольет дождь, мы их отправляли домой в деревню, а как погода установится, они утром к 10 часам приезжали. Однажды мы пришли на стан с утренней косьбы. Смотрим: мальчики-копновозы приехали. На большом казане варился суп, а мальчики хлопотали у костра и что-то варили в котелке. Копновозами были Шадрин Вася, Тюхтенов Садучи, Букачаков Альдошкон, Букачаков Вася и Тудрешев Витя. Через некоторое время прохожу за шалашами и вижу, что копновозы сидят вокруг котелка и кушают. Они с радостью объяснили, что сварили грибной суп и кто-то из них подал мне ломтик вареного гриба. Положил в рот, прожевал с хрустом, мне показалось, что вкусная еда. В душе подумал «ах, жадины, больше не дали». Главное: они кушают и говорят друг другу по-русски: «ешь, ешь», хотя русский парень Шадрин Вася давно уже стал алтайцем, свободно владел алтайским языком.

Мы сели у костра, стали завтракать, наш бригадир Санат Тюхтенович дал копновозам поручение поехать за горку, привезти оттуда все вилы и грабли, чтобы метать сено в другом месте. Они уехали, мы позавтракали и ждем их. Вскоре наши всадники показались, но когда они стали подъезжать поближе, смотрим, что они едут как-то несурово: вилы и грабли по ходу падают, некоторые утыкаются в землю.

Мы побежали навстречу и видим, что у всех мальчиков изо рта шлейфом тянется белая пена. Мы поняли, что ребята сильно отравились. Мы их сняли с коней и пошли крики, что надо их поить молоком. Повариха надоила всего 0,5 литра молока, ибо незадолго до этого доила и все молоко налила в суп. Все мальчики были без сознания, с закрытыми глазами. Мы начали лечение с Букачакова Альдошкона. У него зубы были стиснуты. Зубы открывали ножом и при попытке напоить его молоком он резко двинул рукой, задел посудину и молоко пролилось. Пошли слезы. Корову подоили еще раз, из вымени вытянули всего полстакана молока. Видим, что здесь мы ребят не спасем, что-то надо делать.

Мы держали совет с бригадиром и решили: Тюхтенов Санат (бригадир) едет напрямик через горы в с. Бешпельтир, чтобы привезти в Уйтушкен медфельдшера Актелову. Она была медиком с большим стажем. А мне и Енову Чакпырту было поручено обеспечить доставку мальчиков в Уйтушкен. Мы с Еновым Чакпыртом отобрали пять более сильных и старших подростков, они заседлали лошадей. Проверили прочность подпруг. Подпруги натянули до предела. Седоков посадили впереди, сзади посадили больных ребят, которых привязали к впереди сидящему, а ноги привязали к второкам. Чакпырт и я были на своих конях, были сопровождающими. Мы тронулись и ехали галопом, не взирая на колодины, на болото. Мы с Чакпыртом носились то к голове, то к хвосту колонны, на ходу подправляя наваливающихся или подтягивая подпруги при их ослаблении. Когда переваливали второй перевал, Шадрин Васю вырвало. Таким путем мы доставили своих коповозов в Уйтушкен и всех их уложили на пол в аиле Букачакова Ташкына. Медика еще не было. Ребята были без сознания, глаза закрыты, ни на что не реагировали. Вскоре подъехала медичка Актелова, которая собрала группу молодых женщин, проинструктировала их, показала, что и как делать. Они весь вечер этим детям ставили клизму. В середине ночи Шадрин Вася открыл глаза и к нему пришло сознание. Видимо часть отравы вышло у него на пути с рвотной массой. Остальные мальчики пришли в сознание только в

середине следующего дня. Мы были очень рады, что дети спасены. Родители, все колхозники благодарили медичку Актелову, ее целовали и благословляли. Если бы не ее помощь, дети могли погибнуть. Особо благодарили Саната Тюхтеневича.

Они неделю были дома, затем приехали к нам все желтые, худые. Мы стали спрашивать, кто, мол, надоумил собрать грибы да варить суп? Они рассказали следующее. Они знали, что по приезде в Ак Кырлан не получают завтрака. Подразумевалось, что они в день отъезда завтракают дома и якобы договорились по дороге добыть картофель, чтобы по приезду сварить суп и покушать. Они перевалили первый перевал, а там была чья-то пасека и огород. Ребята из огорода выкопали немного картофеля, нарвали лук, поднялись на второй перевал, где Шадрин Вася ребятам сказал, что из грибов получается хороший суп. Они на перевале собрали грибов и по прибытии в Ак Кырлан сварили суп с этими грибами. И вот результат. Букачаков Вася после этого случая часто болел, через год умер.

Одно лето в Ак Кырлане я метал сено на пару с Ебечековым Самачи, вернувшимся с фронта. Мы с ним метали, затем я поднимался на стог, топтал и вершил. Как только увидит приближающуюся Шадрину А. Р., председателя колхоза, сразу падал под стог. Она приближается к нам, мило улыбается и здоровается. Самачи не встает, говорит, что «курсак пропал». Конечно то, чем кормили нас на сенокосе, для моего напарника не еда, его аппетит знали все. Анна Романовна шутливо называла его «обооним» и обещала на ужин усилить питание, т. е. дополнительно выдать тордо, сырчик и араки.

Анна Романовна была светло-русая женщина, с богатыми длинными волосами, носила широкие атласные брюки, ездила только на кобылице иноходце масти цвета ее волос. Волосы она распускала за спину до пояса, как носят многие современные девушки и молодые женщины. Она при каждом приезде в Ак Кырлан сообщала нам положение дел на фронтах Отечественной войны, что слышно от наших фронтовиков.

В период сенокосной компании мы толком не спали. У нас в бригаде были балалайка, гитара. После напряженного рабочего дня мы устраивали вечеринки, девочки пели частушки, состязались на приз. Они русским языком владели слабо, а соревновались, кто споет на русском языке больше песен.

Наш сон был на ходу: в перерыве процесса работы – ничком вниз, сразу засыпаешь. Минут 10-15 вздремнул и дальше за работу.

Не менее напряженно работали в годы войны на уборке урожая. Конные сенокосилки кузнец Бичаков Степан приспособил для жатвы хлеба. На них особенно отчаянно работали Енов Чакпырт, Букачаков Сактан, Букачаков Альзак, а в 1944-45 годах подключился и я. Работа была очень тяжелая: целыми днями, с одной стороны, надо подгонять лошадей, а с другой «бросать» снопы – это главное в жатве. А как трудились женщины и девушки! Они проделывали тяжелейшую работу – вязали снопы. Некоторые из них за день связывали до 1000 снопов. Что это такое, знает только человек, который сам их вязал: надо мигом приготовить вязку, прибрать сброшенный хлеб, положить на вязку и прежде чем связать, прижать коленом ноги и туго связать. У наших бедных вязальщиц руки были шершавые, как кора лиственницы, а колени уплотнялись и выглядели как алюминиевый лист. Все вязальницы снопов работали героически. Смею назвать фамилии некоторых из них. Это – Букачакова Найпыр, Чечегоева Мария, Тюхтенева Эзбек, Чечегоева Кызымай, Тюкова Иштемей, Яндикова Кызнак, Яндикова Тоқынай, Тюхтенева Сыргачы, Тюхтенева Остотой, Тубачакова Яжнак, Каланова Дьиндылей, Тудрешева Клара и некоторые другие.

Бывало, что целый день под палящим солнцем жнем хлеб, девушки и женщины вяжут снопы, а придем на стан обедать, нам подают только перловый суп, заправленный молоком, а хлеба нет. Какое-то время в нашем колхозе не было соли. От этого мы страдали хуже всего. Потом соль появилась. Нас в период уборки урожая спасали брюква и морковь. В наших удобренных навозом огородах вырастали крупные брюквы и морковь. Мы на обедах кушали перловый суп, а

вместо хлеба употребляли нарезанный в пластики морковь и брюкву. Это была сытная еда в жаркую погоду. Мы жали хлеб, а хлеба нам не давали, ибо все отправляли в помощь фронту.

В колхозе был дойный гурт и овцы, люди добросовестно работали и там. Осенью и зимой молотили хлеб. Мы подвозили к молотилке снопы на бричках.

Дети в возрасте 8-10 лет во главе со своим учителем Табышкиной Матреной Алексеевной в выходные дни, тем более – в период летних каникул выполняли посильную для них работу: занимались прополкой посевов, были копновозами, проводниками при жатке хлеба, собирали колосья, участвовали в копке колхозного картофеля. Картофеля - нашего спасителя, во время войны сажали очень много как для колхоза, так и для личного подсобного хозяйства.

Хочется вспомнить имена детей нашей деревни, которые были гораздо меньше меня, но своим посильным трудом без сна и отдыха работали в годы войны и помогали фронту. Вот они: Вася, Юра, Кожон, Куучын Яндиковы, Сайна, Миша, Алеша Тюковы, Нина и Маня Бичаковы, Нюра, Юля, Мария, Митрофан, Петя Букачаковы, Куреш Каланов, Адуш Тубачаков, Монун Чечегоева, Пана Матвеева, Токпок Ебечекова, Рая и Ая Дедеевы, Чечек (Мария), Байрамаш (Лидия), Баламаш (Рая) Тюхтенева, Вася Чанчибаев, Шура Чунижеков и другие. Вместе и наравне со мной работали мои сверстники Тадыкин Транай, Букачаковы Курданай, Альдошкон, Альзак, Тюхтенева Дьюдей и Садучи, Дедеев Соркош, Чечегоев Гена, Енов Кабу и другие.

Мы, подростки, раньше времени повзрослели, работали как настоящие мужчины и даже им подражали. Я, например, имел кiset и трубку и покуривал, набивая свою самодельную трубку самосадам. Окончательно бросил курить сразу после войны, когда поступил учиться в областной национальный рабфак.

До 1943 года в деревне нами, мальчиками, верховодил Тюхтенов Тапас (мой брат) и Букачаков Сактан. Они ушли на фронт в 1943 и 1944 годах. До ухода на фронт они работали с нами, водили нас на охоту. Мы добывали таким путем много добычи. Но беда была в том,

что не было соли. Мяса «дичи» без соли наешься, но сила не прибавляется. Так бедствовали где-то с полгода. Нас спасали овощи и чеген, сырчик. Еще калба. Мы летом ездили в Карсу Майминского района за калбой для общественного питания бригадам.

Выше я писал о том, что сажали много картофеля, но и его не хватало до нового урожая, ибо картошка была основным, практически единственным продуктом. Весной мы, подростки, гурьбой ходили в колхозные картофельные поля соседнего колхоза «Кызыл Черу» и собирали оставшиеся от осенней уборки и замерзшие, порой уже засохшие картошки, приносили на себе домой, и матери из крахмала стряпали оладьи, пекли лепешки. Для корма колхозному скоту привозили жмых, но скоту доставалось мало. Дети их разбирали и на ходу грызли, ели.

Но в годы войны в некоторых местах было хуже, чем у нас. К нам приехала одна семья, эвакуированная из блокадного Ленинграда. Они были сильно истощены. Жену устроили счетоводом в колхоз. Контора колхоза находилась на горочке. Эта бедная молодая женщина на первых порах к конторе поднималась не на двух ногах, а на четвереньках. Наши женщины поставили ее на «усиленное» питание. Поили парным молоком, чегеном, кормили всем, что было, вскоре она обрела былой вид, вид красавицы. Эта семья пробыла у нас до конца войны и после окончания войны выехала на родину.

В годы войны люди держались ближе друг к другу, помогали как могли. Например, в нашем доме размером 7 на 5 метров жили и выживали несколько человек: мама, я, сестра Чечек, брат Тапас, племянник мамы из с. Узнай Чунижеков Шура. Наполовину жила и его сестра Баргалай, второй племянник мамы, сын ее репрессированного брата, сирота Алексей, Сортыякова Тоой и Тюкова Зина. Кстати, Зина Тюкова после войны вышла замуж из известного писателя, нашего дядю Чунижекова Чалчика Анчиновича, у нас еще поселились с начала войны и жили до ее конца дочь умершего дяди моего отца Тяхтенева Сакаша Остотой и ее мачеха Эркеш, переехавшие в Уйтушкен

из Куюма. Это еще не все: из Казахстана вернулись из ссылки родственница мамы Тадыкина Чурун со взрослой дочерью Казакпай.

Можно себе представить тесноту и неудобства. Но никто не роптал, никто никого не упрекал. Наоборот. Крепко держались друг за друга, все переносили тяготы периода войны. Все что-то умели делать. Дети добросовестно работали не только в колхозе, но и в собственном огороде, выращивали на зиму много овощей, приносили часть собранных с полей колосьев хлеба. Тюкова (Сортыякова) Тоой и мой брат Тапас, работая табунщиками, добывали много косуль. Пригодились в нашем многолюдном доме и мясо. Бывшие ссыльные Тадыкина Чурун с дочерью оказались большими мастерами рукоделия. В нашей деревне таких мастеров не было. Они пряли шерсть, вязали модные кофты, шарфы, шапочки, шили одежду и т.д. Наша небольшая квартира превратилась в своеобразную мастерскую. Но они могли работать плодотворно только днем, когда жильцы уйдут на работу и в школу. Организовали небольшой «бизнес». Добытое было прибавкой в общем столе.

Сады детства.

Чевалкова Валентина Павловна **Ветеран труда**

В 1958 г. была принята на должность заведующей библиотекой Горно-Алтайского педагогического института и проработала на этой должности до 1984 г. В 1959 г. поступила на заочное отделение историко-филологического факультета Горно-Алтайского педагогического института по специальности «История» и окончила его в 1966 г.

В 1986 г. стала работать начальником отдела кадров.

С 1996 г. по 2005 г. работала лаборантом на кафедре всеобщей истории.

Мне посчастливилось родиться в дружной семье колхозников Манеева Павла Владимировича и Серафимы Алексеевны.

В ту пору наша семья жила в прекрасном селе Анос, что расположено на левом берегу Катунь Чемальского района.

В те годы практически все жили бедно, но все от мала до велика трудились.

С детских лет я усвоила и сердцем впитала понимание того, что только благодаря труду можно чего-то достичь в жизни. Все сельчане, в том числе и мои родители, трудились и мы всегда были рядом с ними. Чего греха таить жили трудно, но умели поддерживать друг друга и в беде и в радости. Без всякого преувеличения жили дружно, а иначе не могли и не выжили бы. Мы не делились ни на русских, ни на алтайцев. Все вместе сообща преодолевали трудности, горе, невзгоды.

В нашем селе имелась семилетняя школа. Директором школы был Штейнберг Анатолий Давыдович. Он был очень умным и мудрым человеком, а его жена Елизавета Семеновна тоже работала в школе. Моя тетя Манеева Вера Владимировна учила нас математике. В школе было много учеников. С большим желанием и удовольствием мы ходили в школу. Была очень большая тяга к знаниям. Лично я училась хорошо, с большой радостью и истинным удовольствием. Была в числе лучших учениц школы.

В последнее время часто вспоминаю детство, школьные и юношеские годы. Видимо трудные времена, военные годы нас закалили на всю жизнь.

Все более убеждаюсь в том, что прожить тяжелые времена нам помогла в том числе и сама природа. Она нас охраняла, сохраняла, сберегала, излечивала и оздоравливала не только физически, но и эмоционально-психологически и морально-нравственно.

По весне мы собирали слизун, саранки, а по осени собирали различные ягоды. Всей школой пропалывали пшеницу, овес, собирали колоски различных зерновых. Выращивали картофель, свеклу, морковь, брюкву. Мы с удовольствием грызли брюкву, что способствовало укреплению десен и зубов.

До сих пор я с радостью вспоминаю тот факт, что в тяжелые годы войны нас – колхозников учили садоводческому делу. Мы учились разводить и выращивать различные садовые деревья и кустарники, что без всякого преувеличения имело громадное образовательно-воспитательное и социальное значение. Выращивая и ухаживая за садами мы верили не только в неизбежную победу, но и в лучшую жизнь после войны.

Мы терпеливо ухаживали за садами. Природа щедро одаривала нас за наше трудолюбие. Наш труд сполна вознаграждался прекрасным урожаем яблок и ягод. Даже спустя годы с большой теплотой и благодарностью вспоминаю садовода Ивана Игнатьевича Воронкова. Он действительно привил нам искреннюю любовь к садам. Анос в ту пору без всякого преувеличения был цветущим садом.

Наш директор школы Штейнберг А.Д. большое значение придавал не только образованию и воспитанию своих учеников, но их умению и желанию трудиться, а в том числе и петь песни. Всей школой мы трудились не только на сельхозработах, но и пели песни. Чаще всего мы хором исполняли песню «Вставай страна огромная». Мы пели от души, искренне и свято верили, что своим исполнением мы помогаем всем, кто на фронте, одолеть врага. Наши детские души неистово верили, что мы помогаем также одержать желанную победу. В то суровое время, даже будучи детьми, преодолевая трудности и невзгоды военного времени, мы учились верить в жизнь и в себя. Трудности и испытания военного лихолетья нас закаляли.

Очень ясно и зримо до сих пор помню День Победы! Той победной весной пышным цветом распустилась черемуха. Все было усыпано и полыхало белым черемуховым цветом. А как воздух был насыщен черемухой! Когда мы слышали о Великой Победе, то радости не было конца. С той далекой поры в моей памяти навсегда победный май и цветущая буйно черемуха неразрывны.

После успешного окончания семилетки я поступила учиться в педучилище на отделение «учитель начальных классов», а по окончании которого устроилась на работу в пединститут, где проработала с 1951 по 1984 годы. Практически вся моя трудовая деятельность связана с работой в библиотеке пединститута, а затем университета. Трудилась с удовольствием и никакой работы и ответственности не боялась. В свое время, в течение семи лет была председателем первичной ветеранской организации.

С глубоким уважением и теплотой вспоминаю период, когда ректором пединститута был Николай Михайлович Киселев. Человек большой выдержки, мудрости, такта, культуры. Он очень уважительно относился к людям.

Жизнь во всех ее проявлениях была для меня интересна, неповторима и дорога, а годы военного детства были суровой, но дорогой школой жизни.

Содержание

Кыпчакова Л.В. Золотой фонд университета	03
Табакаев Ю.В. Послевоенное детство	07
Ашихмина Л.П. Война. И Победа!	14
Васильева М.З. Военное детство	22
Гауэрт В.И. Как мы жили дети войны?	42
Гоман Г.А. Память сердца.....	47
Жерновникова В.А. Письма с фронта.....	50
Коровина Г.Г. Они защищали Родину	61
Крайванова А.Р. Детство, опаленное войной.....	71
Макошев А.П. Воспоминания и размышления поколения	104
Макарочкина М. С. Студенты в годы войны.....	110
Медведев И.Ф. История семьи Медведевых.....	114
Муравьева В.М. Безотцовщина	137
Писанова В.И. Босоное детство	153
Табаев Д.И. Помню, что много работали	155
Табакаева М.С. Это было – и не дай Бог быть!	159
Трубилина (Ивашина) А.М. Воспоминания длиною в жизнь.....	162
Тюрганова М.А. Вечная память	182
Тюхтенов С.С. Рано мы выросли	185
Чевалкова В.П. Сады детства.....	203

МИНУВШИХ ЛЕТ СВЯТАЯ ПАМЯТЬ

**(сборник воспоминаний детей войны – ветеранов
Горно-Алтайского государственного университета)**

Ответственные за выпуск:

**И.В. Баскакова, П.В. Матюх, Т.Н. Юрченко,
Ю.В. Табакаев, Л.В. Кыпчакова**

Компьютерная верстка

О.Е. Баширова

При использовании информации ссылка на данный сборник обязательна.

Перепечатке и размножению не подлежит.

Подписано в печать 06.05.2016 г.

Зак. 3225

Тир. 50 экз.

Отпечатано в ООП Алтайстата

649000, г. Горно-Алтайск, ул. Набережная, 1